

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2025

№ 58

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором)

ПИ № ФС77-45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» 46014

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Уткин В.А. (главный редактор, председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Азаров В.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Российской Федерации; **Гайстлингер Михаэль** – доктор юридических наук, профессор Зальцбургского университета (Австрия); **Мазуркевич Яцек** – доктор юридических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша); **Мешко Горазд** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой криминологии Мариборского университета (Словения); **Працко Г.С.** – доктор юридических наук, доктор философских наук, зам. начальника по науке Ростовского юридического института МВД России; **Рабец А.М.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Российского государственного социального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук; **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Старостин С.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, председатель Комитета экспертов-советников Постоянно действующего Третейского суда JSM в г. Цюрих (Швейцария) Института международного коммерческого арбитража; **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции 3-го класса, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; **Чанхай Лун** – доктор юридических наук, профессор, проректор Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии (Китай); **Шафиров В.М.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уткин В.А. (председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Ольховик Н.В.** (зам. председателя редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зам. директора по научной работе Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Геймбух Н.Г.** (ответственный секретарь редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Болтанова Е.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Ведяшкин С.В.** – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Князьков А.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Мананкова Р.П.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Савицкая И.С.** – старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Агабекян А.Л., Корнаков И.И. Исполнительная пробация и ее первые проблемы	5
Кривельская О.В. Институт законных ожиданий в РФ и зарубежных странах	21
Мезинов Д.А., Ведерников Н.Т. Мотив и цель, как элементы мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию	31
Санникова Л.В., Андреева О.И. Законодательство о цифровых финансовых активах: на пороге реформ	48
Сережкина М.А. Пробация: правовая природа и институциональная роль	65

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Алиев Т.Т., Юдин А.В. Возбуждает ли теперь суд гражданские дела по собственной инициативе? (к новеллизации ГПК РФ Федеральным законом от 12.06.2024 № 135-ФЗ)	79
Идрышева С.К., Сокольская Л.В. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации: правовой и социальный аспекты	91
Кодолова А.В. Проблемы правового регулирования в области осуществления экологического мониторинга в Российской Федерации	103
Пархоменко Д.В. Интеграция Национальной системы пространственных данных в методы исследования и проверки в судебной землеустроительной экспертизе	119
Тузов Д.О. Легальная триада терминов «плоды», «продукция», «доходы» и соотношение обозначаемых ими понятий	128

CONTENTS

PROBLEMS OF THE PUBLIC LAW

Agabekyan A.L., Kornakov I.I. Executive probation and its first problems	5
Krivelskaya O.V. The institute of legitimate expectations in Russia and abroad	21
Mezinov D.A., Vedernikov N.T. Motive and purpose as elements of motivation of a person being prosecuted	31
Sannikova L.V., Andreeva O.I. Legislation on digital financial assets: on the verge of reforms	48
Serezhkina M.A. Probation: legal nature and institutional role	65

PROBLEMS OF THE PRIVATE LAW

Aliev T.T., Yudin A.V. Does the court now initiate civil cases on its own initiative? (to the novelization of the Civil Procedure Code of the Russian Federation by Federal Law No. 135-FZ 12.06.2024)	79
Idrysheva S.K., Sokolskaya L.V. Biological and social emergencies: legal and social aspects	91
Kodolova A.V. Problems of legal regulation in the field of environmental monitoring in the Russian Federation	103
Parkhomenko D.V. Integration of the National spatial data system into research and verification methods in forensic land surveying expertise	119
Tuzov D.O. The legal triad of the terms «fruits», «products», «income» and the ratio of the concepts they denote	128

Проблемы публичного права / Problems of the public law

Научная статья

УДК 343.829

doi: 10.17223/22253513/58/1

Исполнительная пробация и ее первые проблемы

Алла Липаритовна Агабекян¹, Иван Игоревич Корнаков²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *AllaAgabekyan@yandex.ru*

² *kornakosivan@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются положения Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Исследуются нормы об исполнительной пробации, отмечаются правовые проблемы и коллизии, а также предлагаются пути их решения. Анализируются региональные акты о социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных и освобожденных. Предлагается алгоритм решения проблем, связанных с оказанием содействия в трудоустройстве и получении медицинской помощи.

Ключевые слова: пробация, исполнительная пробация, уголовно-исполнительная инспекция, содействие в медицинской помощи, содействие в трудоустройстве

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>

Для цитирования: Агабекян А.Л., Корнаков И.И. Исполнительная пробация и ее первые проблемы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 5–20. doi: 10.17223/22253513/58/1

Original article

doi: 10.17223/22253513/58/1

Executive probation and its first problems

Alla L. Agabekyan¹, Ivan I. Kornakov²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *AllaAgabekyan@yandex.ru*

² *kornakosivan@gmail.com*

Abstract. In this paper, the provisions of the Federal Law of 06.02.2023 No. 10 «On Probation in the Russian Federation» (hereinafter referred to as the Probation Law) and previously existing regulatory legal acts devoted to the sphere of social adaptation of convicts are raised and analyzed. The positions of scientists on the need for social adaptation and convicts whose punishment is not associated with isolation from society,

preceding the adoption of the Probation Law, are presented. It is noted that executive probation is a new institution for domestic law, therefore, the presence of legal gaps and conflicts is natural, for example, in terms of the list of criteria for need, interaction of probation subjects, grounds for termination of executive probation, etc. It is noted that the by-law contains more grounds for termination of probation than the law. Ways to resolve some of these contradictions are provided. The work also analyzes regional acts on social adaptation and social rehabilitation of convicts and released persons. It is concluded that despite the above-mentioned gaps in legal regulation, executive probation has a positive beginning.

As part of the work, a social portrait of an average person, in relation to whom executive probation is applied, was formed, its similarity with the portrait of an average criminal in Russia was noted. At the same time, it is noted that persons seeking help within the framework of executive probation often do not lose family ties, to one degree or another communicate with their relatives, but rarely keep the family together, which can cause their additional alienation, contribute to their recidivism.

The attitude of convicts to executive probation is analyzed and it is noted that about 27% of the analyzed «clients» of executive probation are dissatisfied with it, most often due to the long terms of assistance and paperwork, the ability to solve the problem independently, etc. At the same time, the remaining 73% were satisfied with it.

The shortcomings of probation, which were expressed by the persons implementing it, are also noted. Two typical situations related to assistance in obtaining medical care and assistance in employment, the most common problems associated with this, are considered, and an algorithm for their solution is proposed. In particular, an increased need for close interaction between criminal-executive inspectorates and medical organizations and employment centers is noted, for example, in terms of monitoring the provision of assistance to a person. A general conclusion is made about the positive result of the use of executive probation in Russia based on the results of 2024, since persons who were provided with assistance within the framework of executive probation have a significantly lower rate of repeat offenses. This allows us to talk about the achievability of the stated goals of probation to reduce the level of recidivism.

Keywords: probation, executive probation, penal-executive inspections, assistance in medical care, employment assistance

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, project. No 24-78-10043, <https://rscf.ru/en/project/24-78-10043/>.

For citation: Agabekyan, A.L. & Kornakov, I.I. (2025) Executive probation and its first problems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 58. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/58/1

«Пробация» – актуальный модный термин в современной правовой реальности России. Однако дискуссии о создании пробации (В.А. Уткин [1], Н.Б. Хуторская [2], А.А. Коровин [3] и др.), о целесообразности отечественной пробационной службы велись еще с момента принятия ООН Токийских правил 1990 г. [4. С. 70]. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. и Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г. [5] было предусмотрено обеспечение постпенитенциарной адаптации освобожденных из мест лишения свободы при помощи служб пробации, которые должны были создавать необходимые условия для подготовки лиц к освобождению с целью

недопущения совершения ими новых преступлений. Как известно, к 2020 г. такая задача не была реализована, в том числе по объективным причинам.

Примечательно, что Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г. не предполагала деятельность служб пробации в отношении тех, кто отбывает наказание без изоляции от общества. Применительно к тем, кто отбывает альтернативные лишению свободы наказания, А.А. Коровин в 2014 г. предложил разработать и внедрить проект Концепции развития системы исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества, до 2020 г. [3. С. 46–48], в которой предусматривалось бы не просто создание российской службы пробации, определение ее функций, но и определение направлений и механизма ее взаимодействия с федеральными органами государственной власти, с судом и прокуратурой, с органами внутренних дел, с органами местного самоуправления, с социальными службами. Проектом данной Концепции также предусматривалось сотрудничество со средствами массовой информации, с международными и национальными неправительственными организациями, с религиозными объединениями. Допускалось, кроме того, привлечение добровольцев к работе с осужденными без изоляции от общества.

Позднее В.А. Уткин предложил разработать «Концепцию модернизации уголовно-исполнительной системы (2021–2030 гг.)», суть которой должна заключаться в переходе от одной модели исполнения наказания к другой, основанной на иных подходах [6. С. 212]. Указанной Концепцией также предусматривалось формирование института пробации на основе реформирования существующих уголовно-исполнительных инспекций (УИИ).

Социально-экономические и политические предпосылки обусловили решение стоящего перед уголовно-исполнительной системой вызова в виде создания и развития системы пробации в России. Это запланировано Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. [7] в два этапа: до 2024 г. и до 2030 г. На первом этапе предполагается не просто создание пробации, а законодательное обеспечение ее функционирования этого института. Данная задача была решена в феврале 2023 г., когда был принят Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [8] (далее – Закон о пробации), который 1 января 2024 г. уже вступил в силу применительно к нормам об исполнительской и пенитенциарной пробации, а с 1 января 2025 г. стала возможной реализация постпенитенциарной пробации.

Однако уже на начальном этапе применения положений Закона о пробации возник ряд проблем и вопросов. К примеру, И.В. Дворянсков справедливо поднимает вопрос о неопределенности правовой природы института пробации, который, как видится, уже разрешен в пользу межотраслевой принадлежности, а также ставит перед научным сообществом вопросы о противоречивости принципов реализации пробации, о порядке создания и функционирования центров пробации [9]. А.А. Дорожинский обоснованно критикует подход законодателя к формулировке терминов «исполнительная

пробация», «трудная жизненная ситуация» [10]. Применительно к особенностям реализации исполнительной пробации отмечается отсутствие четких алгоритмов в деятельности УИИ, а также отсутствие механизмов взаимодействия всех субъектов пробации [11]. Н.В. Ольховик замечает, что Закон о Пробации «не предусматривает механизма взаимодействия субъектов пробации с институтами гражданского общества, без чего он вряд ли будет исполним» [12. С. 76].

Анализ выявленных на первом этапе проблем исполнительной пробации требует обращения к некоторым проявлениям идей о социальной адаптации осуждённых, закреплённых в иных нормативных правовых актах. Одно из первых таких упоминаний можно найти применительно к задачам уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в ч. 2 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (далее – УИК РФ). При этом термин «социальная адаптация» встречался в дальнейшем в тексте Кодекса лишь относительно осуждённых, отбывающих наказание в виде лишения свободы в облегчённых условиях, которых по постановлению начальника исправительной колонии за шесть месяцев до окончания срока наказания освобождают из-под стражи и разрешают проживать и работать под надзором администрации (ч. 3 ст. 121).

Кроме того, УИК РФ содержит отдельную Главу 22, посвящённую помощи осуждённым, освобождаемым от отбывания наказания, которая заключается, согласно ст. 180, в обязанности администрации учреждений, исполняющих наказание, содействовать в трудовом и бытовом устройстве указанных лиц, например, уведомлять органы местного самоуправления и службу занятости по месту избранного жительства о предстоящем освобождении лица, наличии у него жилья, трудоспособности и имеющихся у него специальностях, разъяснять несовершеннолетним их права и обязанности, направлять инвалидов первой и второй групп, а также лиц пенсионного возраста по их просьбе органами социальной защиты в дома инвалидов и престарелых, а также общие нормы о том, что осуждённые, освобождаемые от некоторых наказаний, имеют право на трудовое и бытовое устройство и получение иных видов социальной помощи в соответствии с нормативно-правовыми актами (ст. 182) [13]. В действующей редакции УИК РФ указанные нормы претерпели скорее небольшие изменения в части некоторых оснований оказания медицинской помощи [14].

На федеральном уровне также частично регулировал оказание помощи осуждённым Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», который содержал лишь нормы о помощи лицу, освобождаемому из мест лишения свободы, в помещении в стационарные организации социального обслуживания [15]. В рамках ранее приведённых положений действовал также, например, Приказ Минюста РФ от 13.01.2006 № 2 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осуждённым, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы».

Он охватывал лишь помощь лицам, освобождаемым из мест лишения свободы, при этом содержал достаточно много положений о социальной адаптации данных лиц, оказании им помощи, например, о направлении администрацией запросов в органы местного самоуправления, органы Федеральной службы занятости населения по избранному месту жительства о возможности его трудоустройства, предоставления регистрации и жилья [16].

Стоит отметить и региональные законы, например, социальной адаптации осуждённых был посвящён закон Республики Башкортостан «О социальной адаптации лиц, освобождаемых и освобождённых из учреждений, исполняющих уголовные наказания» от 08.12.97 № 126-з, который утратил силу в 2009 г. и, например, устанавливал квоты рабочих мест в организациях на основании договоров с органами исполнительной власти, обязанность сохранять рабочее место за осуждённым, если оно не было лишено по приговору суда занимать определённую должность или заниматься определённой деятельностью, а также о возможности представления лицу жилой площади, если имеющаяся у него до осуждения оказалась заселена в установленном порядке [17].

Шире был перечень обязанностей государственных органов в отношении лиц, освобождённых из мест лишения свободы, который содержался в Законе Архангельской области от 14.12.2011 «О социальной адаптации лиц, освобождённых из учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». Он включал в себя также создание информационно-справочных материалов по социальным услугам и трудоустройству, пропаганду здорового образа жизни, организацию спортивных мероприятий, обеспечение жильем и организацию оказания таким лицам необходимой медицинской помощи [18]. Сходный закон был принят и в Тюменской области [19].

Среди некоторых других специфических мер в Кировской области предполагалось также оказание социально-правовой помощи осужденным, в том числе в части восстановления документов, и создание специализированных учреждений социального обслуживания, ориентированных на социальную адаптацию лиц, освобождённых из учреждений уголовно-исполнительной системы [20]. В некоторых регионах названные законы носили «рамочный» характер, например в Ленинградской [21], Омской областях [22]. Отметим, что с принятием Закона о Пробации на региональном уровне уже сейчас наблюдается положительная тенденция. Например, в Мурманской, Орловской, Саратовской областях приняты законы, в которых нашли отражение вопросы разграничения полномочий законодательных и иных органов государственной власти субъектов РФ, а также исполнительных, уточняющие содержание и порядок реинтеграционных мер в отношении «клиента» пробации.

В Указе Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» в пп. 7 п. 3 к задачам ФСИН России отнесена организация деятельности по оказанию осужденным помощи в социальной адаптации [23]. Данная формулировка достаточно общая, позволяющая охватывать также и исполнительную пробацию в рамках деятельности УИИ.

Можно сделать вывод, что исполнительная пробация в некотором роде являлась логичным продолжением расширения перечня социальных мер, направленных на ресоциализацию осужденных, но в то же время такое расширение перечня лиц является слишком радикальной новеллой. Ведь исполнительная пробация значительно более новая, чем пробация пенитенциарная или постпенитенциарная, поскольку ранее действующие нормативные правовые акты не охватывали лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества.

В то же время такой пробел в нормативном регулировании отразился на содержании Закона о Пробации, который посвятил исполнительной пробации непосредственно две статьи в рамках главы 3 «Исполнительная пробация». Они касаются оснований и сроков реализации такой пробации, а также категорий лиц, к которым она может применяться (ст. 11, 12). В то же время, в отличие от исполнительной пробации, нормы постпенитенциарной пробации содержат также положения, регулирующие прекращение пробации при отказе лица от дальнейшего её прохождения, при повторном невыполнении предусмотренных мероприятий без уважительных причин после вынесения соответствующего предупреждения, что может быть обжаловано в судебном порядке (ст. 21).

Одно из противоречий усматривается в Приказе Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [24] (далее – Приказ № 350), в Приложении № 4 к нему выделено 14 критериев нуждаемости, применяемых в рамках пробации в целом, а в Приложении № 1 к Порядку подготовки индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, а именно в образце согласия на обработку персональных данных указано 12 направлений (здесь повторяется перечень мероприятий из ст. 32 Закона о пробации). Такая разница связана с крайне размытыми формулировками мер социальной помощи, в первом перечне это 4 критерия, а во втором только 2. Фактически указанную проблему решили в Приложении 3 к указанному Порядку, где разделили все мероприятия, включаемое в индивидуальную программу, на 10 блоков (к ним можно добавить также блок «Иные меры», которые по очевидным основаниям не могут быть конкретизированы в общем перечне), соответственно, все социальные услуги помещены в блок «Оказание содействия в получении социальных услуг», что является куда более точным и правильным, чем крайне размытые формулировки с конкретными видами социальной помощи.

Выше указывалось, что основаниями прекращения постпенитенциарной пробации может быть отказ лица от дальнейшего её прохождения либо повторное нарушение. Этому также посвящена ст. 28 Закона о пробации, которая указывает, что УИИ обеспечивают вынесение предупреждений лицам и прекращают оказание им помощи при повторном невыполнении (уклонения от выполнения) им мероприятий, предусмотренных индивидуальной

программой (п. 6, 7). Исходя из системного толкования норм, исполнительная пробация может прекращаться только по данному основанию, в отличие от постпенитенциарной, т.е. лицо не может отказаться от прохождения пробации после её начала, что также противоречит Приказу № 350. Последний, помимо прочего, предусматривает в качестве оснований только для исполнительной пробации в пункте 83 окончание срока отбывания наказания или применения иной меры уголовно-правового характера, а также предусматривает возможность её прекращения при отказе лица или при окончании реализации мероприятий и для исполнительной, и для постпенитенциарной пробации, чего рассматриваемый федеральный закон не делает. Это приводит к правовой коллизии, которая разрешается путём толкования в пользу подзаконного акта, что не совсем юридически верно, так как указанные основания прекращения исполнительной пробации, по сути, являются незаконными.

Кроме того, ни Закон о пробации, ни Приказ № 350 не предусматривает возможность прекращения пробации при совершении лицом нового преступления, что является явным правовым пробелом. Кроме того, нельзя прекратить пробацию также при смерти осужденного или при его признании безвестно отсутствующим, так как закон обязывает знакомить осужденного с текстом предупреждения (п. 52).

При этом согласно Приказу № 350 предупреждение может вноситься и при предоставлении лицом недостоверной информации о своей индивидуальной нуждаемости, хотя прекратить пробацию в связи с этим нельзя. Более того, пунктом 65 указанного приказа УИИ может применять при повторном таком случае меры, предусмотренные пунктом 53, т.е. прекратить пробацию, хотя в нём говорится только о повторном невыполнении или уклонении от выполнения без уважительной причины мероприятий индивидуальной программы.

Правовые коллизии также проявляются в части изменений программы, так как в Законе о пробации изменение потребностей осужденного может привести к изменению программы только в рамках постпенитенциарной пробации (ст. 30), хотя право обращаться в УИИ с заявлением об изменении программы в силу пп. 4 п. 1 ст. 29, а также п. 10 Приложения № 5 Приказа № 350 дано и осужденным, в отношении которых применяется исполнительная пробация.

Стоит отметить и не очень ясную формулировку, характерную для указанного приказа: «исполнительная пробация повторно не применяется» (п. 56). Однако в Законе о пробации аналогичная норма в силу п. 3 ст. 21 содержится только в части постпенитенциарной пробации, т.е. подзаконный акт уже закона. На практике порой лицо обращалось за пробацией по другому основанию. Это, на наш взгляд, является законным, ведь потребности лица могли измениться уже после реализации всех мероприятий в рамках пробации, вследствие чего могла возникнуть новая нуждаемость.

Изложенные недостатки нормативно-правового регулирования не умаляют значимости проводимых мероприятий, но на практике могут вызвать

определенные сложности и противоречия при применении исполнительной пробаии, которой законодательству следует уделить значительное внимание.

В ходе проведенного по гранту Российского научного фонда № 24-78-10043 анкетирования в различных субъектах Российской Федерации 1 316 лиц, в отношении которых применялась и применяется исполнительная пробаия, а также 402 сотрудников пробаии и представителей общественности был выявлен ряд проблем реализации исполнительной пробаии.

Значительное количество осужденных обращались в рамках данного вида пробаии за психологической помощью, но в некоторых регионах цифры крайне велики. В рамках изучения 193 личных дел осужденных, в отношении которых применяется исполнительная пробаия, прослеживается, что из 32 дел в Новосибирской области нуждаемость и меры в области психологической помощи были приняты в отношении 29 человек (около 90%), а в Томской области – в отношении 7 лиц из 61 изученного (12%), в Москве и Московской области из 32 изученных дел такие критерии нуждаемости фиксировались в 12 делах (36%), а в Алтайском крае – в 9 случаях из 65 (около 14%).

В то же время при анализе 1316 анкет лиц, в отношении которых применяется исполнительная пробаия, в некоторых регионах отмечается и другая статистическая закономерность, например, в Красноярском крае из 107 анкет в 27 осужденные сообщали, что нуждались в материальной, социальной помощи, получении продуктового набора или заключении социального контракта, т.е. примерно в 25% случаев, хотя в среднем из 1316 изученных анкет за социальной помощью обращались в 129 случаях, т.е. примерно 9,8% лиц.

Говоря о социальном портрете лица, в отношении которого применяется исполнительная пробаия, показатели схожи с портретом среднестатистического преступника в России [25], в частности в Москве [26]. Чаще всего это мужчина от 25 до 50 лет, проживающий в квартире. Имеет основное общее образование или среднее специальное. Здоровый, по крайней мере, он сам у себя заболеваний не отмечает. Холост, возможно, разведен, при этом, согласно имеющимся данным из личных дел «клиентов пробаии», в 45% случаев не имеет детей либо в 43% случаев имеет хотя бы одного ребенка, при этом проживает с родственниками или сожителями (51%).

При анкетировании самих лиц последний показатель значительно вырос. Так, было выявлено, что из 1 316 изученных анкет 72% лиц проживали с семьей, иными родственниками или с сожителем, находясь в фактических брачных отношениях. Таким образом, осужденные, обращающиеся за помощью в рамках исполнительной пробаии, часто не утрачивают семейных связей и так или иначе общаются со своими родственниками, но в то же время им не удается сохранить семью, заботиться о ней, о детях, что является частой причиной, формирующей дополнительную отчужденность, оторуженность таких лиц, что, в свою очередь, может способствовать росту рецидивной преступности. Также из анкет, которые заполняли «клиенты» пробаии, почти 38% имели источник постоянного дохода, чуть более 31% перебывались временными заработками, более 26% были безработными.

Судя по данным опроса, 27 % «клиентов» исполнительной пробации оказались недовольны теми мерами, которые были применены в их отношении. Такие осужденные и освобожденные отмечали буквально следующее: «долго ждал ответа на запросы», «сложно найти подходящую работу в ЦЗН, в итоге нашел работу сам», «надо заполнять много документов», «много времени уходит на оформление документов», «пришлось ездить самому в организацию, но живу далеко от районного центра, нет возможности ездить», «можно было справиться самой», «проблему возможно решить самостоятельно», «ничего не понравилось», «не было ничего особенного». Вместе с тем подавляющее большинство «клиентов» исполнительной пробации (73%) довольны быстрым и своевременным оказанием помощи.

При этом свыше 30% сотрудников УИИ указывают в работе с «клиентами» на следующие препятствующие эффективной реализации исполнительной пробации обстоятельства: «отсутствие желания у осужденных улучшать условия жизни», «низкие морально-волевые качества осужденного», «осужденные озлоблены», «осужденные не хотят работать, не являются в центры занятости населения (ЦЗН) без уважительных причин либо отказываются от индивидуальной программы», «иногда осужденного нужно просто за руку вести».

В деятельности специализированных субъектов пробации, в чьи полномочия входила реализация исполнительной пробации, отмечались следующие наиболее значимые проблемы: увеличение отчетности, дополнительная работа по оформлению документов, таблиц, нехватка времени, отсутствие должной технической оснащенности. Подобные недостатки способны привести к снижению качества проводимых мероприятий, однако сотрудники УИИ отмечают нежелание самих осужденных и освобожденных принимать участие во всех мероприятиях, хоть ранее ими было дано согласие на применение пробации.

Интересно также мнение представителей общественных организаций, которые содействуют реинтеграции «клиентов» пробации, относительно целесообразности и эффективности пробации. Среди недостатков в механизме ее реализации были упомянуты следующие: «все только на бумаге», «все делается ради галочки», «сложность в индивидуальном подходе решения проблем человека». Для решения этих и других проблем предлагается повысить информированность «клиентов» пробации о деятельности различных некоммерческих организаций, предоставить больше возможностей общественным организациям, активнее вовлекать религиозные организации, проводить обучение для представителей общественности по вопросам применения Закона о пробации.

Одной из наиболее частых и сложных ситуаций, с которой сталкивались сотрудники УИИ, являлось содействие в трудоустройстве осужденных, что связано с относительно частым проявлением нежелания лиц, нуждающихся в трудоустройстве, проходить собеседования и искать вакансии, ходить на встречи в ЦЗН и прочее или что «клиенту» не нравилась предложенная работа как слишком тяжелая.

Хотя в большинстве случаев таких проблем не возникает, представляется разумным действовать следующим образом:

1. Уточнить у лица, состоит ли оно на учёте в ЦЗН, на какую работу желает устроиться, какую рабочую специальность имеет.

2. Если осужденный уже состоит на учёте в ЦЗН, уточнить, проходил ли он собеседования, понравилась ли ему работа, предложенная ЦЗН, искали работу вне ЦЗН, почему ему отказывали в предоставлении работы, в том числе уточнить эту информацию в ЦЗН, в особенности о сроке нахождения на учёте. Если лицо не состоит на учёте в ЦЗН и не обращался туда, то дальнейший порядок действий классический: выдача направления и контроль за направленным лицом.

3. Если выяснится, что лицу не нравится предлагаемая работа, он желает другую, то следует рассмотреть возможность переезда в другой регион или местность и согласовать эти действия с ЦЗН на предмет наличия желаемых вакансий, либо предложить пройти переобучение или дополнительное обучение.

4. Если лицо не подходит из-за недостатка образования, то необходимо изменить программу (предложить написать соответствующее заявление) и включить в нее меры по переподготовке лица или даже получения им образования в той или иной требуемой форме по согласованию с ЦЗН и осужденным.

5. Если «клиенту» не нравятся слишком частые встречи с сотрудниками ЦЗН, стоит рекомендовать ему официальный портал «Работа России» или другие аналогичные платформы, и в случае его желания зарегистрировать его там или предложить зарегистрироваться самостоятельно в присутствии инспектора, чтобы дать те или иные советы по написанию автобиографии, заполнению анкеты.

Чаще всего последняя ситуация характерна для лиц с изначально слабой мотивацией, излишние усилия или давление со стороны сотрудников могут лишь вызвать у них негативную реакцию и фактически будут нарушать принцип добровольности.

Тем не менее, как показывает практика, сотрудники проявляют достаточную тактичность и представляют широкий перечень мер, хотя с ЦЗН взаимодействуют не всегда плотно.

Рассмотрим еще одну типовую ситуацию, с которой столкнулось чуть менее 5% «клиентов» пробации, чьи личные дела были нами изучены. Если клиент нуждается в получении медицинской помощи, ему необходимо для начала убедиться в том, что все необходимые для обращения документы у него в наличии (если только речь не идет об экстренной помощи), и только затем получить от сотрудника направление в медицинскую организацию для получения необходимого лечения. Сотруднику пробации предлагаем следующий алгоритм:

1. Уточнить у лица, какая именно помощь необходима, в рамках критерия нуждаемости: либо получить медицинскую помощь, либо помочь с выбором медицинской организации, либо получить полис обязательного медицинского страхования.

2. Если речь идет о получении медицинской помощи, то необходимо удостовериться в наличии всех документов, требуемых для обращения в такое учреждение, так как без экстренных показаний лицам, не имеющим необходимых документов, медицинская помощь не будет оказана (исключение – скорая медицинская помощь). Если нет необходимых документов (например, паспорта, полиса обязательного медицинского страхования), то для начала следует решить вопрос с получением таковых.

3. Также стоит удостовериться, что «клиент» получает помощь по месту жительства, если нет, то следует порекомендовать лицу обратиться в медицинскую организацию (например, поликлинику) для того, чтобы «прикрепиться».

4. После решения вопросов с получением документов (при их отсутствии) сотрудник выдает направление в медицинскую организацию. Сейчас – это управление здравоохранения, но было бы эффективным выдавать направления либо в «распределительную» медицинскую организацию, которая бы в зависимости от показаний направляла в нужное учреждение, либо напрямую в организацию, к которой прикреплен осужденный (либо в специализированную медицинскую организацию).

5. Запросить у организации информацию о том, как проходит (если срок исполнительной пробации подходит к завершению) или как прошло (если помощь получена в период реализации пробации) лечение. Если информация не получена в установленный срок, то стоит уведомить такую медицинскую организацию о нарушении сроков, а после можно обжаловать бездействие в судебном порядке.

6. Если «клиент» уклоняется от получения такой помощи, то следует выяснить причину, при необходимости стоит помочь с ее решением в рамках иных мероприятий по исполнительной пробации.

Тем не менее результаты применения исполнительной пробации в России по итогам 2024 г. оцениваются положительно. Е.А. Коробкова отмечает, что среди данной категории лиц уровень повторной преступности в пять раз ниже по сравнению с остальными осужденными, отбывающими наказание, не связанные с изоляцией осужденных от общества [27], т.е. заявленные цели пробации достижимы.

Список источников

1. Уткин В.А. О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5–8.
2. Хугорская Н.Б. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства России на основе Правил Совета Европы о пробации // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3 (1–4), № 1. С. 68–71.
3. Коровин А.А. Перспективы создания службы пробации в России // III Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Калининград, 19 декабря 2014 г. / Санкт-Петербургский университет МВД России. Калининград: Калининград. филиал СПб. ун-та МВД России, 2015. С. 46–48.

4. Уткин В.А. О системе специализированных воспитательно-профилактических органов // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью. Томск, 1982. С. 63–73.
5. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года. URL: <https://rg.ru/documents/2011/03/08/penitenciariya-site-dok.html> (дата обращения: 15.03.2025).
6. Уткин В.А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 210–214.
7. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения: 15.03.2025).
8. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302060003> (дата обращения: 15.02.2025).
9. Дворянсков И.В. Пробация в России: концептуальные основы и перспективы реализации // Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции (Вологда, 18–19 июня 2024 г.) / редкол.: О.А. Димони (отв. ред.), И.Ю. Коробкина, В.Н. Некрасов. Череповец : ИП Мочалов С.В., 2024. С. 25–38.
10. Дорожинский А.А. Теоретические основы исполнительной пробации, применяемой в отношении осужденных, отбывающих наказания и иные меры уголовно-правового характера без изоляции от общества // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 102–106.
11. Агабекян А.Л. К вопросу о гарантиях защиты частных интересов «клиента» пробации в новом Федеральном законе № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Вестник Кузбасского института. 2023. № 4 (57). С. 9–15.
12. Ольховик Н.В. Предмет, механизмы и правовые основы взаимодействия субъектов пробации с институтами гражданского общества // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1 (54). С. 71–79.
13. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 08 янв. 1997 г. № 1-ФЗ : (ред. от 08 янв. 1997 г.) // СПС КонсультантПлюс. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
14. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 08 янв. 1997 г. № 1-ФЗ : (ред. от 25 нояб. 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
15. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 442-ФЗ : (ред. от 26 дек. 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
16. Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы : Приказ Минюста России от 13 янв. 2006 г. № 2 (ред. от 26 дек. 2019 г.) // СПС КонсультантПлюс. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
17. О социальной адаптации лиц, освобождаемых и освобожденных из учреждений, исполняющих уголовные наказания : Закон Республики Башкортостан от 8 дек. 1997 г. № 126-з (ред. от 8 дек. 1997 г.) // Гарант : информ.-правовое обеспечение. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
18. О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : обл. закон Архангельской области от 16 дек. 2011 г. № 402-27-ОЗ (ред. от 24 февр. 2015 г.) // Гарант : информ.-правовое обеспечение. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
19. О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений исполнения наказаний : Закон Тюменской области от 5 дек. 2011 г. № 98 (ред. от 24 апр. 2014 г.) // Гарант : информ.-правовое обеспечение. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

20. О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы : Закон Кировской области от 1 дек. 2011 г. № 98-ЗО (ред. от 9 дек. 2013 г.) // Гарант : информ.-правовое обеспечение. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
21. О социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы : Закон Ленинградской области от 6 июня 2016 г. № 46-оз (ред. от 6 июня 2016 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации М., 2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4700201606070002?index=1> (дата обращения: 14.04.2025).
22. О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы : Закон Омской области от 26 февр. 2015 г. № 1720-ОЗ (ред. от 23 дек. 2019) // Гарант : информ.-правовое обеспечение. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
23. Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : Указ Президента РФ от 13 окт. 2004 г. № 1314 : (ред. от 5 янв. 2024 г.) // Гарант : информ.-правовое обеспечение. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
24. Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 “О пробации в Российской Федерации”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300040> (дата обращения: 15.03.2025).
25. Генпрокуратура составила портрет типичного преступника. URL: <https://pravo.ru/news/230394/> (дата обращения: 15.03.2025).
26. Прокуратура Москвы составила портрет типичного преступника столицы в 2024 году. URL: <https://lenta.ru/news/2025/02/27/prokuratura-moskvy-sostavila-portret-tipichnogo-prestupnika-stolitsy-v-2024-godu/> (дата обращения: 15.03.2025).
27. ФСИН: Результат пробации – низкий уровень рецидива у бывших осужденных. URL: <https://www.interfax.ru/interview/1005404> (дата обращения: 10.03.2025).

References

1. Utkin, V.A. (2016) O perspektivakh probatsii v Rossii [On the Prospects of Probation in Russia]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 4. pp. 5–8.
2. Khutorskaya, N.B. (2017) Sovershenstvovanie ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Rossii na osnove Pravil Soveta Evropy o probatsii [Improving Russian Penal Legislation Based on the Council of Europe Probation Rules]. *Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy zhurnal*. 3(1–4/1). pp. 68–71.
3. Korovin, A.A. (2015) Perspektivy sozdaniya sluzhby probatsii v Rossii [Prospects for Creating a Probation Service in Russia]. *III Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'em tysyacheletii* [The 3rd Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium"]. Proc. of the International Conference. Kaliningrad, December 19, 2014. Kaliningrad: Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 46–48.
4. Utkin, V.A. (1982) O sisteme spetsializirovannykh vospitatel'no-profilakticheskikh organov [On the System of Specialized Educational and Preventive Bodies]. In: *Problemy teorii i praktiki bor'by s prestupnost'yu* [Theory and Practice of Crime Fighting]. Tomsk: [s.n.]. pp. 63–73.
5. The Russian Federation. (2011) *Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy do 2020 goda* [The Development Concept of the Penal System until 2020]. [Online] Available from: <https://rg.ru/documents/2011/03/08/penitenciyariya-site-dok.html> (Accessed: 15th March 2025).
6. Utkin, V.A. (2018) The penitentiary system modernization concept as a doctrinal political and legal act. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 431. pp. 210–214. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/431/29

7. The Russian Federation. (n.d.) *Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda* [The Concept of the Penal System Development in the Russian Federation until 2030]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (Accessed: 15th March 2025).

8. The Russian Federation. (n.d.) Federal'nyy zakon ot 06.02.2023 № 10-FZ "O probatsii v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, On Probation in the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302060003> (Accessed: 15th February 2025).

9. Dvoryanov, I.V. (2024) Probatsiya v Rossii: kontseptual'nye osnovy i perspektivy realizatsii [Probation in Russia: Conceptual Foundations and Implementation Prospects]. In: Dimoni, O.A. et al. (eds) *Sbornik materialov mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Vologda, 18–19 iyunya 2024 g.)* [Proceedings of the Interregional Research and Practice Conference (Vologda, June 18–19, 2024)]. Cherepovets: IP Mochalov S.V. pp. 25–38.

10. Dorozhinskiy, A.A. (2024) Theoretical Foundations of Executive Probation Applied to Convicts Serving Sentences and Other Criminal Law Measures Without Isolation from Society. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 24. pp. 102–106. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/24/17

11. Agabekyan, A.L. (2023) K voprosu o garantiyakh zashchity chastnykh interesov "klienta" probatsii v novom Federal'nom zakone № 10-FZ "O probatsii v Rossiyskoy Federatsii" [On the Guarantees for Protecting the Private Interests of a Probation "Client" in the New Federal Law No. 10-FZ "On Probation in the Russian Federation"]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4(57). pp. 9–15.

12. Olkhovik, N.V. (2023) Predmet, mekhanizmy i pravovye osnovy vzaimodeystviya sub"ektov probatsii s institutami grazhdanskogo obshchestva [Subject, Mechanisms, and Legal Foundations of Interaction Between Probation Subjects and Civil Society Institutions]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1(54). pp. 71–79.

13. The Russian Federation. (2025) *Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 08 yanv. 1997 g. № 1-FZ: (red. ot 08 yanv. 1997 g.)* [Penal Enforcement Code of the Russian Federation: Federal Law No. 1-FZ of January 8, 1997 (ed. of January 8, 1997)]. [Online] Available from: Konsul'tant Plyus.

14. The Russian Federation. (2025) *Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 08 yanv. 1997 g. № 1-FZ: (red. ot 25 noyab. 2024 g.)* [Penal Enforcement Code of the Russian Federation: Federal Law No. 1-FZ of January 8, 1997 (ed. of November 25, 2024)]. [Online] Available from: Konsul'tant Plyus.

15. The Russian Federation. (2025) *Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 28 dek. 2013 g. № 442-FZ: (red. ot 26 dek. 2024 g.)* [On the Fundamentals of Social Services for Citizens in the Russian Federation: Federal Law No. 442-FZ of December 28, 2013 (amended as of December 26, 2024)]. [Online] Available from: Konsul'tant Plyus.

16. The Russian Federation. (2025) *Ob utverzhdenii Instruksii ob okazanii sodeystviya v trudovom i bytovom ustroystve, a takzhe okazanii pomoshchi osuzhdennym, osvobozhdaemym ot otbyvaniya nakazaniya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: Prikaz Minyusta Rossii ot 13 yanv. 2006 g. № 2: (red. ot 26 dek. 2019 g.)* [On Approving the Instruction on Assisting with Employment and Daily Life Arrangements, as well as Providing Assistance to Convicts Released from Serving Sentences in Penal Institutions: Order No. 2 of the Ministry of Justice of Russia as of January 13, 2006 (amended as of December 26, 2019)]. [Online] Available from: Konsul'tant Plyus.

17. The Russian Federation. (2025) *O sotsial'noy adaptatsii lits, osvobozhdaemykh i osvobozhdennykh iz uchrezhdeniy, ispolnyayushchikh ugolovnye nakazaniya: Zakon Respubliki Bashkortostan ot 8 dek. 1997 g. N 126-z: (red. ot 8 dek. 1997 g.)* [On the Social Adaptation of Persons Being Released and Released from Institutions Executing Criminal Punishments: Law No. 126-z of the Republic of Bashkortostan of December 8, 1997 (amended as of December 8, 1997)]. [Online] Available from: Garant.ru.

18. The Russian Federation. (2025) *O sotsial'noy adaptatsii lits, osvobozhdennykh iz uchrezhdeniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii: obl. zakon Arkhangel'skoy oblasti ot 16 dek. 2011 g. № 402-27-OZ: (red. ot 24 fevr. 2015 g.)* [On the Social Adaptation of Persons Released from Institutions of the Penal System of the Russian Federation: Regional Law No. 402-27-OZ of Arkhangel'sk Oblast of December 16, 2011 (amended as of February 24, 2015)]. [Online] Available from: Garant.ru.

19. The Russian Federation. (2025) *O sotsial'noy adaptatsii lits, osvobozhdennykh iz uchrezhdeniy ispolneniya nakazaniy: Zakon Tyumenskoy oblasti ot 5 dek. 2011 g. № 98: (red. ot 24 apr. 2014 g.)* [On the Social Adaptation of Persons Released from Penal Institutions: Law No. 98 of Tyumen Oblast of December 5, 2011 (amended as of April 24, 2014)]. [Online] Available from: Garant.ru.

20. The Russian Federation. (2025) *O sotsial'noy adaptatsii lits, osvobozhdennykh iz uchrezhdeniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: zakon Kirovskoy oblasti ot 1 dek. 2011 g. № 98-ZO: (red. ot 9 dek. 2013 g.)* [On the Social Adaptation of Persons Released from Institutions of the Penal System: Law No. 98-ZO of Kirov Oblast of December 1, 2011 (amended as of December 9, 2013)]. [Online] Available from: Garant.ru.

21. The Russian Federation. (2025) *O sotsial'noy reabilitatsii lits, osvobozhdennykh iz mest lisheniya svobody: Zakon Leningradskoy oblasti ot 6 iyunya 2016 g. № 46-oz: (red. ot 6 iyunya 2016 g.)* [On the Social Rehabilitation of Persons Released from Prisons: Law No. 46-oz of Leningrad Oblast of June 6, 2016 (amended as of June 6, 2016)]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4700201606070002?index=1> (Accessed: 14th April 2025).

22. The Russian Federation. (2025) *O sotsial'noy adaptatsii lits, osvobozhdennykh iz uchrezhdeniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: Zakon Omskoy oblasti ot 26 fevr. 2015 g. № 1720-OZ: (red. ot 23 dek. 2019)* [On the Social Adaptation of Persons Released from Institutions of the Penal System: Law No. 1720-OZ of Omsk Oblast of February 26, 2015 (amended as of December 23, 2019)]. [Online] Available from: Garant.ru.

23. The Russian Federation. (2025) *Voprosy Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy: ukaz Prezidenta Ros. Federatsii ot 13 okt. 2004 g. № 1314: (red. ot 5 yanv. 2024 g.)* [Issues of the Federal Penitentiary Service: Decree No. 1314 of the President of the Russian Federation of October 13, 2004 (amended as of January 5, 2024)]. [Online] Available from: Garant.ru.

24. The Russian Federation. (2025) *Prikaz Minyusta Rossii ot 29.11.2023 № 350, O resotsializatsii, sotsial'noy adaptatsii i sotsial'noy reabilitatsii lits, v otnoshenii kotorykh primenyaetsya probatsiya v sootvetstviy s Federal'nym zakonom ot 06.02.2023 "O probatsii v Rossiyskoy Federatsii"* [Order of the Ministry of Justice of Russia No. 350 as of November 29, 2023, On Resocialization, Social Adaptation and Social Rehabilitation of Persons Subject to Probation under Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, "On Probation in the Russian Federation"]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300040> (Accessed: 15th March 2025).

25. Pravo.ru. (n.d.) *Genprokuratura sostavila portret tipichnogo prestupnika* [The Prosecutor General's Office Compiled a Portrait of a Typical Criminal]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/230394/> (Accessed: 15th March 2025).

26. Lenta.ru. (2025) *Prokuratura Moskvy sostavila portret tipichnogo prestupnika stolitsy v 2024 godu* [The Moscow Prosecutor's Office Compiled a Portrait of a Typical Criminal in the Capital in 2024]. [Online] Available from: <https://lenta.ru/news/2025/02/27/prokuratura-moskvy-sostavila-portret-tipichnogo-prestupnika-stolitsy-v-2024-godu/> (Accessed: 15th March 2025).

27. Interfax.ru. (n.d.) *FSIN: Rezul'tat probatsii – nizkiy uroven' retsidiva u byvshikh osuzhdennykh* [FSIN: The Result of Probation is a Low Recidivism Rate Among Former Convicts]. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/interview/1005404> (Accessed: 10th March 2025).

Информация об авторах:

Агабекян А.Л. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

Корнаков И.И. – аспирант, младший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kornakosivan@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.L. Agabekyan, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru

I.I. Kornakov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kornakosivan@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.03.2025,
одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 09.12.2025.*

*The article was submitted 17.03.2025;
approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 09.12.2025.*

Научная статья

УДК 342

doi: 10.17223/22253513/58/2

Институт законных ожиданий в РФ и зарубежных странах

Ольга Валентиновна Кривельская¹

¹ МГИМО МИД России, Москва, Россия, o.krivelskaya@inno.mgimo.ru

Аннотация. Рассматривается институт законных ожиданий в административном праве России и зарубежных стран (Германия, Франция, Великобритания). Анализируется содержание принципа, его функции и правозащитный потенциал в контексте обеспечения правовой определенности и предсказуемости административных действий. В российской практике принцип пока не получил прямого законодательного закрепления, однако развивается через доктрину доверия к закону и действиям государства. Представлены модели защиты ожиданий в Германии (через Vertrauensschutz), Франции (в рамках принципа *sécurité juridique*) и Великобритании (доктрина *legitimate expectations*). Сделан вывод о необходимости заимствования зарубежного опыта и законодательного закрепления данного принципа в российском праве.

Ключевые слова: законные ожидания, административное право, правовая определенность, доверие, судебная практика, публичное управление, сравнительный анализ

Для цитирования: Кривельская О.В. Институт законных ожиданий в РФ и зарубежных странах // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 21–30. doi: 10.17223/22253513/58/2

Original article

doi: 10.17223/22253513/58/2

The institute of legitimate expectations in Russia and abroad

Olga V. Krivelskaya¹

¹ *Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, o.krivelskaya@inno.mgimo.ru*

Abstract. This article examines the concept of legitimate expectations in administrative law in Russia and other countries (Germany, France, and the United Kingdom). It analyzes the principle's content, functions, and potential for human rights protection in the context of ensuring legal certainty and predictability of administrative actions. Legitimate expectations are generally understood to refer to a situation in which a person has formed reasonable expectations regarding a specific behavior of government bodies or officials, stemming from applicable legal norms, established administrative practice, or official policy.

In the Russian Federation, the principle of protecting legitimate expectations has not yet been directly enshrined in law. It is not explicitly mentioned in either the Code of Administrative Procedure or laws on administrative procedures. Nevertheless, the preconditions for its development exist.

In Germany, the protection of citizens' legitimate expectations has long been recognized as part of the principle of the rule of law and is specifically manifested through the doctrine of Vertrauensschutz—"protection of trust." This principle states that the state must justify citizens' trust in the stability of the legal situation and the reliability of public promises. In French administrative law, the distinct doctrinal concept of "legitimate expectations" (confiance légitime) long existed. However, the actual protection of such expectations is implemented within the general principle of sécurité juridique—legal security (certainty). The Conseil d'État (French Council of State) has historically held the position that administrative acts should not suddenly and unpredictably violate the established legal status of individuals. The United Kingdom is the birthplace of the term "legitimate expectations" and the country where this institution has received its most developed judicial interpretation. The principle of legitimate expectations developed in English common law in the area of judicial review of administration.

The institution of legitimate expectations has received varying degrees of development and forms of enshrinement in administrative legal systems. Two main legal families of approaches to legitimate expectations can be distinguished:

1. The Continental European approach (Germany, France) – characterized by the inclusion of the principle of trust protection in the general principles of law, closely linked to the principle of legal certainty.
2. The Anglo-Saxon approach (United Kingdom) is shaped by judicial practice and focuses on the principle of fairness toward those who have placed their trust in the promises of the authorities.

The institution of legitimate expectations plays an important role in ensuring a balance between the flexibility of public administration and the protection of citizens' legal certainty. Contemporary Russian and international scholars agree that the protection of legitimate expectations is a necessary element of the concept of the rule of law.

Keywords: legal expectations, administrative law, legal certainty, trust, judicial practice, public administration, comparative analysis

For citation: Krivelskaya, O.V. (2025) The institute of legitimate expectations in Russia and abroad. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 58. pp. 21–30. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/58/2

Одним из актуальных принципов современного административного права является принцип защиты законных ожиданий граждан. В литературе он также известен как принцип защиты доверия, или принцип правомерных ожиданий [3]. Под законными (или легитимными) ожиданиями обычно понимается ситуация, когда у лица сформировались обоснованные ожидания относительно определенного поведения органов власти или должностных лиц, вытекающие из действующей нормы права, сложившейся административной практики либо официальной политики.

Данный институт впервые был сформулирован в судебной практике Англии в деле *Schmidt v. Secretary of State* (1968), после чего получил развитие как в странах англо-американской правовой семьи, так и в государствах континентального права. Например, британский судья лорд Маккензи-Стюарт отмечал, что сущность законных ожиданий состоит в охране доверия частных лиц к стабильности и последовательности действий администрации [6. С. 55].

В административном праве данный принцип служит для защиты добросовестной «слабой стороны» (гражданина) и призван упорядочить деятельность государственных органов, делая ее предсказуемой и справедливой.

На международном уровне и в зарубежных правовых системах идея защиты законных ожиданий тесно связана с принципом правовой определенности и верховенства права. Законные ожидания граждан являются своеобразным продуктом доверия к власти: индивиды планируют свои действия, исходя из уверенности в том, что принятые государством нормы и решения будут оставаться неизменными в разумных пределах времени [7]. Соответственно, резкое изменение правовой ситуации или отступление органа власти от ранее данных обещаний способно ущемить такие ожидания, нарушить стабильность положения гражданина и даже причинить ему убытки. Возникает вопрос: должен ли гражданин мириться с подобным разочарованием или же право должно защитить его доверие? В разных странах данный вопрос решается по-разному, что делает сравнительно-правовой анализ данного института весьма полезным.

В Российской Федерации принцип защиты законных (легитимных) ожиданий пока не получил прямого нормативного закрепления. Он не упоминается ни в Кодексе административного судопроизводства, ни в законах об административных процедурах прямо. Тем не менее предпосылки для его формирования существуют. Еще Конституционный Суд РФ выработал доктрину доверия к закону и действиям государства, согласно которой гражданам должны быть защищены от произвольного ухудшения своего положения со стороны законодателя или администрации. В частности, в ряде постановлений КС РФ подчеркивалось, что обратная сила законов, ухудшающих положение лица, недопустима, поскольку подрывает доверие к власти и правовую определенность. Законодатель при внесении изменений обязан учитывать принцип поддержания доверия граждан к нормативным актам, особенно если граждане предприняли разумные усилия для соблюдения прежнего закона.

Аналогичные идеи прослеживаются и в практике Верховного Суда РФ – например, при разрешении налоговых споров ВС указывал, что налогоплательщик вправе рассчитывать на последовательность фискальной политики и на стабильность ранее данных разъяснений государственных органов [2. С. 71]. Хотя прямого упоминания «принципа законных ожиданий» в решениях российских судов почти нет, по сути, элементы этого института уже проявляются в актах высших судебных инстанций как проявления других правовых принципов (той же правовой определенности, недопустимости злоупотребления правом, принципа добросовестности).

Отечественные ученые все активнее исследуют данную проблематику. Так, О.Н. Шерстобоев отмечает, что принцип защиты законных ожиданий является важной составляющей современной доктрины административного права, обеспечивая предсказуемость действий органов власти [4]. Пока этот принцип в России не занял должного места – он лишь эпизодически упоминается в правоприменении и не закреплён официально, однако существуют

предпосылки для его имплементации ввиду конституционных основ и заимствования опыта континентального права [5. С. 21].

Другие авторы также указывают, что доктрина *legitimate expectation* могла бы стать эффективным инструментом защиты «слабой стороны» в публично-правовых отношениях, аналогично тому как институт эстоппеля сейчас применяется в гражданском праве. Российские исследователи, например Е.В. Виноградова, предлагают более четко закрепить этот принцип в законодательстве [1. С. 117]. В частности, отмечается необходимость законодательно ограничить произвольный отказ государственных органов от ранее взятых на себя обязательств, а также установить механизмы компенсации ущерба, причиненного добросовестным лицам вследствие изменения государственной политики. Пока подобные положения явно не прописаны, но суды постепенно идут по пути защиты оправданных ожиданий граждан через существующие нормы. Например, Верховный Суд РФ в последних обзорах практики разъяснил, что если гражданин или компания действовали добросовестно, опираясь на официальные разъяснения компетентных органов, то внезапное изменение этих разъяснений не должно ставить их в ухудшенное положение – такие ситуации должны разрешаться с учетом принципов справедливости и соразмерности [5. С. 21]. Таким образом, хотя институт законных ожиданий еще формально не оформлен в российском административном праве, тенденция к его признанию очевидна. Он вытекает из конституционного принципа доверия к закону и постепенно получает поддержку в доктрине и судебной практике.

В Германии защита законных ожиданий граждан давно признана частью принципа правового государства и конкретно проявляется через доктрину *Vertrauensschutz* – «защиты доверия». Этот принцип означает, что государство должно оправдывать доверие граждан к стабильности правовой ситуации и надежности публичных обещаний. Если гражданин, полагаясь на действующее правовое регулирование или официальные заявления властей, совершил определенные действия (например, вложил средства, начал деятельность, получил разрешение), то его легитимное ожидание продолжения прежней линии поведения государства подлежит охране.

На практике принцип доверия в Германии выражается двояко: во-первых, строго запрещено обратное действие законов, ухудшающих положение граждан (что прямо следует из конституционного принципа правовой определенности и многократно подтверждено Федеральным конституционным судом). Во-вторых, в сфере административных актов разработаны правила, ограничивающие возможность отмены или пересмотра благоприятных для граждан решений. Еще в 1956 г. немецкий административный суд (ОВГ Берлина) применил понятие защиты доверия, отказав в отмене ранее вынесенного решения о предоставлении льготы, несмотря на его незаконность, поскольку заявитель добросовестно рассчитывал на сохранение этой льготы. В дальнейшем данные подходы были развиты в федеральном законодательстве: в Германии прямо кодифицирован принцип охраны доверия применительно к индивидуальным административным актам. Так, ст. 48(2) Административно-процессуального закона

ФРГ (Verwaltungsverfahrensgesetz, VwVfG) предусматривает, что неправомерный административный акт, устанавливающий права или льготы гражданина, не может быть отозван, если гражданин добросовестно полагался на него, за исключением случаев, когда того требуют существенно важные публичные интересы [8]. Иными словами, даже незаконное разрешение или лицензия не подлежат безусловной отмене *ex post*, если бенефициар уже начал полагаться на них и инвестировал в их реализацию – государство связано его законными ожиданиями.

Кроме того, законодатель (§ 48 VwVfG) обязывает при отмене или изменении решений учитывать срок давности и степень вины гражданина: например, если истек длительный срок или заявитель не знал о незаконности акта, его доверие тем более защищено. В случаях, когда отмена административного акта все же необходима по веским причинам (например, для устранения серьезного ущерба публичным интересам), немецкое право предусматривает механизмы компенсации: гражданину могут возместить понесенные убытки или предоставить переходный период для адаптации.

Во французском административном праве отдельного доктринального понятия «законные ожидания» (*confiance légitime*) долгое время не было, однако фактическая защита подобных ожиданий осуществляется в рамках общего принципа *sécurité juridique* – правовой безопасности (определенности) [9]. Conseil d'État (Государственный совет Франции) исторически стоял на позициях, что административные акты не должны внезапно и непредсказуемо нарушать сложившееся правовое положение частных лиц. Этот подход получил официальное подтверждение в знаменитом решении CE, Ass., 24 mars 2006, Société KPMG [10]. В деле KPMG высшая административная инстанция Франции впервые прямо провозгласила принцип правовой определенности в качестве общего принципа права и обязала правительство предусматривать переходные положения при принятии новых нормативных актов, способных ухудшить положение частных субъектов. Иными словами, новые правила должны вводиться с учетом разумного периода для адаптации, если того требуют законные интересы адресатов прежнего регулирования. Это судебное решение фактически направлено на защиту легитимных ожиданий частных организаций (в данном случае – аудиторских компаний), рассчитывавших на стабильность регулятивных требований [10].

После дела KPMG французская судебная практика последовательно развивает принцип, требующий от администрации учитывать доверие граждан к ранее действовавшим правилам. Несмотря на отсутствие термина «законные ожидания» в национальном законодательстве, логика данного института пронизывает многие сферы французского права. Государственный совет Франции применяет механизм защиты оправданных ожиданий под видом принципа правовой определенности, не называя его открыто принципом *confiance légitime*. Например, суды могут отменить административное решение, если будет установлено, что заявитель действовал, обоснованно рассчитывая на прежнее толкование нормы со стороны администрации, а последняя

внезапно изменила свою практику без предупреждения [9]. Однако во Франции по-прежнему нет прямого нормативного определения, какие именно ожидания считаются правомерными и каков объем их защиты – эти вопросы решаются исходя из баланса интересов и требований разумности.

Характерно, что влияние европейского права также стимулировало развитие данной концепции во Франции. Понятие защиты легитимных ожиданий признается общим принципом права ЕС, обязательным и для Франции.

Великобритания является родиной самого термина *legitimate expectations* и страны, где данный институт получил наиболее развитое судебное толкование. Принцип законных ожиданий сформировался в английском общем праве в сфере судебного контроля за администрацией (*judicial review*). Классическое определение гласит: если государственный орган своим явным обещанием или устоявшейся практикой создал у лица определенное ожидание (например, обещал предоставить право или соблюсти процедуру), то впоследствии неисполнение этого ожидания может быть признано несправедливым и незаконным со стороны власти. Британские суды рассматривают произвольный отказ от обещаний как возможное злоупотребление властью (*abuse of power*).

Развитие доктрины началось в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Прецедент *Schmidt v. Home Office* (1969) впервые упомянул, что иностранные студенты имели *legitimate expectation* быть выслушанными перед депортацией, хотя формального права на продолжение пребывания у них не было [3]. В знаменитом деле *Council of Civil Service Unions v. Minister for the Civil Service* (1985), известном как дело *GCHQ*, палата лордов признала, что обещание правительства соблюдать консультации с профсоюзом породило у сотрудников законные ожидания этой консультации, и отмена такого порядка без консультаций была признана незаконной [11]. После этого доктрина разделилась на два направления: процессуальные законные ожидания – право гражданина на определенную процедуру (например, на предварительное уведомление, проведение слушаний или сохранение набора процедурных гарантий), и материальные (субстантивные) законные ожидания – право ожидать определенного решения или результата, если государство ясно обещало это в пределах своей компетенции.

Британские суды довольно последовательно защищают процессуальные ожидания. Например, если ведомство выпустило руководство или политику, обещающую заинтересованным лицам консультации перед внесением изменений, то невыполнение этого обещания даст основание суду признать решение недействительным. Более сложным был вопрос о субстантивных ожиданиях – могут ли суды принудить администрацию выполнить обещанное действие (например, сохранить выплату или льготу). В деле *R. v. North East Devon Health Authority, ex parte Coughlan* (2001) Апелляционный суд поддержал материальное ожидание: пациентке было обещано пожизненное проживание в специализированном учреждении, и впоследствии здравоохранительные органы решили его закрыть. Суд постановил, что такое обе-

щение породило законные ожидания, и его отмена без крайне веских оснований была бы настолько несправедливой, что стала бы злоупотреблением властью, в результате суд запретил закрытие учреждения [12]. Позднее Верховный суд Великобритании назвал дело Coughlan ключевым прецедентом по доктрине законных ожиданий и подтвердил, что в исключительных случаях субстантивные ожидания подлежат защите, если того требует справедливость.

Следует отметить, что английские суды стремятся сохранять баланс между защитой ожиданий и свободой публичных органов менять политику. Если изменение политики продиктовано важным публичным интересом (например, экономическая необходимость или изменение закона), суд может допустить отступление от ранее данных обещаний. Однако при этом суд требует от органа убедительной аргументации, почему публичный интерес перевешивает ущерб частному доверию, и нередко – компенсационных мер (например, постепенного внедрения изменений, частичного сохранения льгот для уже участвующих лиц и т.д.). Таким образом, в Британии доктрина законных ожиданий стала мощным механизмом контроля за административной fairness (справедливостью): она не позволяет власти «без слова объяснения» нарушать обещанное или резко менять курс, нарушая доверие граждан.

Таким образом, институт законных ожиданий получил различную степень развития и формы закрепления в административно-правовых системах. Можно выделить две основные правовые семьи подхода к *legitimate expectations*:

1. Континентально-европейский подход (Германия, Франция) – характеризуется включением принципа защиты доверия в общие начала права, тесной связью с принципом правовой определенности. В Германии этот принцип детально урегулирован: действует запрет на отзыв правовых актов, нарушающий добросовестные ожидания, и механизм компенсации при неизбежных изменениях. Во Франции институт не выделен терминологически, но реализуется через требования плавности нормативных изменений и неприменения ретроактивных мер. В целом, в странах континентального права защита законных ожиданий рассматривается как неотъемлемая часть правового государства, гарантирующая предсказуемость и стабильность юридического регулирования.

2. Англо-саксонский подход (Великобритания) – сформирован судебной практикой и фокусируется на принципе справедливости по отношению к лицам, поверившим в обещания властей. Британские суды напрямую устанавливают ограничения для администрации: нельзя нарушать обещание без достаточных причин, иначе это будет признано несправедливым и незаконным (как *irrational or unfair action*). Здесь институт законных ожиданий выступает как судебный инструмент контроля над исполнительной властью, гибко применяемый от случая к случаю.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что институт законных ожиданий играет важную роль в обеспечении баланса между гибкостью государственного управления и защитой правовой уверенности граждан. Современные

отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что защита оправданных ожиданий – необходимый элемент концепции верховенства права [13].

Российскому административному праву целесообразно заимствовать лучший зарубежный опыт, а именно закрепить в общих положениях принцип поддержания доверия граждан к действиям власти и ввести процедурные механизмы, препятствующие резкому отходу органов от объявленной политики без веских причин. При этом важно учитывать, что защита ожиданий не должна означать окостенение регулирования: государство сохраняет право реформ, однако реализовывать их следует с соблюдением требований справедливости, предупреждения и компенсирования интересов тех, кто полагался на прежние правила.

В заключение отметим, что постепенное внедрение принципа законных ожиданий в российскую административную практику будет способствовать росту доверия между обществом и государством, повышению предсказуемости правовой среды и эффективности управления. Этот институт, находящийся на стыке морали и права, служит напоминанием власти о необходимости держать свое слово и уважать обоснованные ожидания граждан, что в конечном счете укрепляет законность и порядок в государстве.

Список источников

1. Виноградова Е.В. Влияние конституционного принципа поддержки доверия граждан к законам и действиям государства на законодательный процесс // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 117–119.
2. Ковалева Ю.Н., Адыгезалова Г.Е., Соотношение правового ожидания с отдельными правовыми принципами // Экономические проблемы и юридическая практика. 2021. № 4. С. 71–74.
3. Кривельская О.В., Стерликова С.С. Институт законных ожиданий в административном праве Испанского Королевства // Образование и право. 2024. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-zakonnyh-ozhidaniy-v-administrativnom-prave-ispanskogo-korolevstva> (дата обращения: 17.06.2025).
4. Шерстобоев О.Н. Защита доверия (законных ожиданий) – основополагающий принцип российского административного права // Научные записки НГУЭУ. 2022. № 3. URL: https://nsuem.ru/scientific-notes/issue.php?ISSUE_ID=7389 (дата обращения: 11.06.2025).
5. Шерстобоев О.Н. Защита законных ожиданий – основополагающий принцип административного права // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 21–26. URL: <https://old.lawinfo.ru/catalog/contents-2019/administrativnoe-pravo-i-process/2/> (дата обращения: 11.06.2025).
6. Lord MacKenzie Stuart. Legitimate Expectations and Estoppel in Community Law and English Administrative Law // Legal Issues of European Integration. 1982. Vol. 1. P. 55.
7. Rennert K. The Protection of Legitimate Expectations under German Administrative Law : докл. на семинаре Ассоциации гос. советов и верховных административных юрисдикций Европейского союза (ACA-Europe), 21 апреля 2016 г., Вильнюс, Литва / prof. Dr. Dr. h.c. Klaus Rennert, President of the Federal Administrative Court, Leipzig, Germany. URL: https://www.bverwg.de/medien/pdf/rede_20160421_vilnius_rennert_en.pdf (дата обращения: 11.06.2025).

8. *Verwaltungsverfahrensgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 23. Januar 2003 (BGBl. I S. 102), das zuletzt durch Artikel 2 des Gesetzes vom 15. Juli 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 236) geändert worden ist.*

9. Sylvia Brunet. The Protection of Legitimate Expectations under Administrative Law in France. Anneken Kari Sperr; Diana Princess of Hohenlohe-Oehringen (реж.). *The Protection of Legitimate Expectations in Administrative Law: A Comparative Study*, Bloomsbury Academic (Hart Studies in Comparative Public Law).

10. Conseil d'État, Assemblée. Décision du 24 mars 2006. Société KPMG et autres [Текст] // Conseil d'État – Jurisprudence. URL: <https://www.conseil-etat.fr/decisions-de-justice/jurisprudence/les-grandes-decisions-depuis-1873/conseil-d-etat-assemblee-24-mars-2006-societe-kpmg-et-autres> (дата обращения: 11.06.2025).

11. Council of Civil Service Unions v. Minister for the Civil Service (1985) // LawProf – Public Law. URL: <https://lawprof.co/public-law/separation-of-powers-cases/ccsu-v-minister-for-the-civil-service-1984-ukhl-9-1985-1-ac-374/> (дата обращения: 11.06.2025).

12. R. v. North East Devon Health Authority, ex parte Coughlan (2001) // LawProf. URL: <https://lawprof.co/public-law/legitimate-expectations-cases/r-v-devon-health-authority-ex-p-coughlan-2001-qb-213/> (дата обращения: 11.06.2025).

13. The protection of legitimate expectations in global administrative law. URL: <https://rm.coe.int/the-protection-of-legitimate-expectations-in-global-administrative-law/16809a45b6> (дата обращения: 11.06.2025).

References

1. Vinogradova, E.V. (2020) Vliyanie konstitutsionnogo printsipa podderzhki doveriya grazhdan k zakonam i deystviyam gosudarstva na zakonodatel'nyy protsess [The Influence of the Constitutional Principle of Supporting Citizens' Trust in Laws and State Actions on the Legislative Process]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 14. pp. 117–119.

2. Kovaleva, Yu.N. & Adygezalova, G.E. (2021) Sootnoshenie pravovogo ozhidaniya s odel'nymi pravovymi printsipami [The Relationship of Legal Expectation with Certain Legal Principles]. *Ekonomicheskie problemy i yuridicheskaya praktika*. 4. pp. 71–74.

3. Krivelskaya, O.V. & Sterlikova, S.S. (2024) Institut zakonnykh ozhidaniy v administrativnom prave Ispanskogo Korolevstva [The Institute of Legitimate Expectations in the Administrative Law of the Spanish Kingdom]. *Obrazovanie i pravo*. 5. pp. 131–134.

4. Sherstoboev, O.N. (2022) Zashchita doveriya (zakonnykh ozhidaniy) – osnovopolagayushchiy printsip rossiyskogo administrativnogo prava [The Protection of Trust (Legitimate Expectations) – A Foundational Principle of Russian Administrative Law]. *Nauchnye zapiski NGUEU*. 3. [Online] Available from: https://nsuem.ru/scientific-notes/issue.php?ISSUE_ID=7389 (Accessed: 11th June 2025).

5. Sherstoboev, O.N. (2019) Zashchita zakonnykh ozhidaniy – osnovopolagayushchiy printsip administrativnogo prava [The Protection of Legitimate Expectations – A Foundational Principle of Administrative Law]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 2. pp. 21–26.

6. Lord MacKenzie Stuart. (1982) Legitimate Expectations and Estoppel in Community Law and English Administrative Law. *Legal Issues of European Integration*. 1. p. 55.

7. Rennert, K. (2016) *The Protection of Legitimate Expectations under German Administrative Law: A Report for the Seminar of the Association of the Councils of State and Supreme Administrative Jurisdictions of the European Union (ACA-Europe)*. April 21, 2016, Vilnius, Lithuania. [Online] Available from: https://www.bverwg.de/medien/pdf/rede_20160421_vilnius_rennert_en.pdf (Accessed: 11th June 2025).

8. Germany. (2024) *Verwaltungsverfahrensgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 23. Januar 2003 (BGBl. I S. 102), das zuletzt durch Artikel 2 des Gesetzes vom 15. Juli 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 236) geändert worden ist.*

9. Brunet, S. (n.d.) The Protection of Legitimate Expectations under Administrative Law in France. In: Sperr, A.K. & Princess of Hohenlohe-Oehringen, D. (eds) *The Protection of*

Legitimate Expectations in Administrative Law: A Comparative Study. Bloomsbury Academic (Hart Studies in Comparative Public Law).

10. Conseil d'État, Assemblée. (2006) *Décision du 24 mars 2006. Société KPMG et autres*. [Online] Available from: <https://www.conseil-etat.fr/decisions-de-justice/jurisprudence/les-grandes-decisions-depuis-1873/conseil-d-etat-assemblee-24-mars-2006-societe-kpmg-et-autres> (Accessed: 11th June 2025).

11. Lawprof.co. (1985) *Council of Civil Service Unions v. Minister for the Civil Service*. [Online] Available from: <https://lawprof.co/public-law/separation-of-powers-cases/ccsu-v-minister-for-the-civil-service-1984-ukhl-9-1985-1-ac-374/> (Accessed: 11th June 2025).

12. Lawprof.co. (2001) *R. v. North East Devon Health Authority, ex parte Coughlan*. [Online] Available from: <https://lawprof.co/public-law/legitimate-expectations-cases/r-v-devon-health-authority-ex-p-coughlan-2001-qb-213/> (Accessed: 11th June 2025).

13. European Council. (n.d.) *The protection of legitimate expectations in global administrative law*. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/the-protection-of-legitimate-expectations-in-global-administrative-law/16809a45b6> (Accessed: 11th June 2025).

Информация об авторе:

Кривельская О.В. – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой административного и финансового права по научной работе международно-правового факультета МГИМО МИД России (Москва, Россия). E-mail: o.krivelskaya@inno.mgimo.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Krivelskaya, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: o.krivelskaya@inno.mgimo.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.06.2025;
одобрена после рецензирования 26.10.2025; принята к публикации 09.12.2025.*

*The article was submitted 19.06.2025;
approved after reviewing 26.10.2025; accepted for publication 09.12.2025.*

Научная статья

УДК 343.1

doi: 10.17223/22253513/58/3

Мотив и цель как элементы мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию

Дмитрий Анатольевич Мезинов¹, Николай Трофимович Ведерников²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *mez_da@mail.ru*

² *tsu-crime@mail.ru*

Аннотация. Исследуются понятия мотива и цели применительно к мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию. По результатам анализа и обобщения соответствующих работ ученых в области психологии и наук уголовно-правового цикла, а также положений уголовного закона авторы раскрывают и разграничивают понятия «мотивация», «мотив», «цель», аргументируют необходимость преодоления смешения понятий мотива и цели преступления в законе и работах ученых в области наук уголовно-правового цикла.

Ключевые слова: мотивация лица, подвергаемого уголовному преследованию; мотив и цель преступления

Для цитирования: Мезинов Д.А., Ведерников Н.Т. Мотив и цель как элементы мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 31–47. doi: 10.17223/22253513/58/3

Original article

doi: 10.17223/22253513/58/3

Motive and purpose as elements of motivation of a person being prosecuted

Dmitry A. Mezinov¹, Nikolay T. Vedernikov²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *mez_da@mail.ru*

² *tsu-crime@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the concepts of motive and purpose in relation to the motivation of a person being prosecuted. As a result of the analysis and generalization of the works of scientists in the field of psychology and sciences of the criminal law cycle, the authors reveal and distinguish the concepts of "motivation", "motive", "goal".

The authors conclude that the term "motivation" is used in two senses. Firstly, in the static aspect - to denote the motivational sphere of personality, i.e. a relatively stable

system of personality motives, as a motivating, guiding subsystem of personality, reflecting the factors of its formation and development. Secondly, in the dynamic aspect, the term "motivation" is used to denote the process of determining a certain behavior by the motivational sphere of a personality. In turn, the motive is recognized as the main element of motivation.

Based on the analysis of the functions and signs of a mental phenomenon identified in the scientific literature, designated by the concept of "motive", the authors formulate a definition of this concept. The definition presented by the authors implies two meanings of the concept of "motive". When viewed in the first sense, the motive, acquiring the characteristics of the motivational sphere of personality itself, has a sign of stability, constancy, entering the personality structure, acts as a mental property of personality. In the second sense, the motive appears as a product of the motivation process, which is a complex integral psychological formation, an incentive and an element of specific behavior, entering into its internal subjective side.

The concept of "motive" should be distinguished from the concept of "purpose". Unlike a motive, the purpose of a person's act, as a mental desired image of his future result, along with the means, methods, and other circumstances of achievement corresponding to it, must be realized. In addition, the goal should be tied to a specific behavior, reflect the circumstances of its implementation, be an element of this behavior, the process of its motivation, and not an element of motivation as a motivational sphere of personality.

The authors analyze individual provisions of the criminal law and the proposals of scientists for their improvement, while criticizing the confusion of the concepts of motive and purpose of a crime, and propose to overcome such confusion in the law and the works of scientists in the field of sciences of the criminal law cycle. According to the authors, when making such proposals, it is necessary to analyze each formulation of the law, implying the motive and purpose of the crime, separately, based on the exact meaning of the concepts of "motivation", "motive", "purpose" and understanding the relationship between these concepts.

Keywords: motivation of a person being prosecuted; motive and purpose of the crime

For citation: Mezinov, D.A. & Vedernikov, N.T. (2025) Motive and purpose as elements of motivation of a person being prosecuted. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 58. pp. 31–47. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/58/3

Термины «мотив», «мотивация», «цель» достаточно традиционно используются в исследованиях в сфере наук уголовно-правового цикла¹ для обозначения важных элементов области психических явлений, образующих внутреннюю субъективную сторону преступления и преступного поведения. Внимание ученых – представителей наук уголовно-правового цикла к исследованию этих психических явлений связано, прежде всего, с тем, что

¹ Имеются в виду юридические науки, объединенные в настоящее время под шифром научной специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки и обеспечивающие в рамках своей прикладной функции совершенствование соответствующего законодательства и надлежащий уровень практической уголовно-процессуальной деятельности, в том числе наука уголовного права, наука уголовного процесса, криминалистика, криминология, а также в известной мере наука уголовно-исполнительного права.

мотив и цель преступления рассматриваются в качестве существенных психологических обстоятельств, определяющих степень общественной опасности преступления, а также характеризующих личность преступника. В Уголовном кодексе Российской Федерации [1] (УК РФ) мотив и цель преступления сконструированы как основные или квалифицирующие признаки того или иного состава преступления либо как обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание. Это предопределило значительное количество работ, в первую очередь представителей науки уголовного права, в той или иной мере посвященных уголовно-правовому значению мотивов и целей преступления.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [2] в статье, предусматривающей перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, устанавливает, что в числе других обстоятельств подлежат доказыванию «виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы» (п. 2 ч. 1 ст. 73). Как важные обстоятельства, часто необходимые для квалификации преступления, в целом определяющие степень общественной опасности преступления и его субъекта, мотивы и цели преступления, наряду с иными обстоятельствами, характеризующими личность подозреваемого (а до придания этого статуса – фактически заподозренного), обвиняемого (в судебных стадиях именуемого подсудимым, затем – осужденным), учитываются и при принятии ряда весьма существенных уголовно-процессуальных решений. Это решения, принимаемые в ходе и по результатам проверки сообщения о преступлении, предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела, а также производства в проверочных судебных стадиях.

Мотивация преступного поведения, включая его мотивы и цели, широко исследуется также в криминологии при изучении причин совершения преступлений и личности преступника. При этом в ряде работ ученых-криминологов, пожалуй, наиболее наглядно отражено существующее реально богатство и сложность мотивирующих факторов преступного поведения. Не могли оставить без внимания проблемы изучения мотивов, целей преступления и мотивации преступного поведения (так называемой преступной мотивации) и ученые-криминалисты. В той или иной мере эти вопросы затрагивались в работах, посвященных комплексному изучению личности обвиняемого в процессе расследования преступлений, тактике следственных действий, методике расследования отдельных категорий преступлений, в особенности в связи с установлением свойств личности преступника по принимаемым в широком смысле следам преступления.

Между тем обращение к имеющимся работам представителей наук уголовно-правового цикла позволяет выявить и ряд проблем, в том числе пробелов, в изучении обозначенной области психических явлений. Так, в этих работах не всегда адекватно отражается и используется категориальный аппарат психологии, что необходимо делать, учитывая исходную отнесенность объекта познания, обозначаемого понятиями мотива, мотивации,

цели, к области психических явлений, т.е. к психике человека. Также присутствует и некоторое игнорирование современных и достаточно признанных в психологии представлений о мотивирующих факторах поведения человека. Ещё одной проблемой, в известной мере связанной с обозначенными, является отсутствие единства мнений по основным понятиям, отражающим данный объект познания, – по сути, нет единого понимания терминов «мотив», «мотивация», «цель» и соотношения данных понятий. Настоящая статья является попыткой авторов внести некоторый вклад в разрешение обозначенной проблемы.

Прежде чем обратиться непосредственно к попытке разрешения отмеченной проблемы, необходимо заметить, что в практической уголовно-процессуальной деятельности и в обеспечивающих её надлежащий уровень науках уголовно-правового цикла область психических явлений, обозначаемая понятиями «мотив», «мотивация», «цель», интересна как объект изучения главным образом применительно к лицам, подвергаемым уголовному преследованию¹. Такие лица рассматриваются предполагаемыми преступниками в реальном уголовном процессе, именно им в вину вменяется фактически совершенное деяние, которое содержит признаки определенного состава преступления, включая мотивы и цели преступления, подлежащие изучению наряду с другими явлениями психической жизни этих лиц, охватываемыми понятием мотивации.

Обращаясь к анализу обозначающих определенные психические явления понятий мотива и мотивации, а также их соотношения, необходимо отметить, что в психологических словарях эти понятия, по сути, отождествляются [3. С. 219; 4. С. 419–421]. Относительно многих научных работ в области психологии известный отечественный ученый-психолог Е.П. Ильин также отмечает, что в них эти два понятия используются как синонимы [5. С. 67]. При этом как психологи, так и представители наук уголовно-правового цикла обычно уточняют, что мотив – это побуждение, а мотивация – совокупность (система) побуждений, вызывающих активность и поведение, в том числе преступную деятельность субъекта [6. С. 43; 7. С. 14]. Однако, в большей степени соответствует реальности и представляется оправданным с учетом запросов как психологической, так и правовых наук, в первую

¹ Круг таких лиц представляется следующим. Во-первых, лица, ещё не установленные в качестве предполагаемых преступников (но уже изучаемые в криминалистическом аспекте для их установления, причем нередко ещё до возбуждения уголовного дела) или заподозренные в совершении преступления до придания им официального статуса подозреваемого или обвиняемого. Во-вторых, лица в статусе подозреваемых и обвиняемых. В-третьих, осужденные лица, виновность которых установлена вступившими в законную силу приговорами, которых уже можно именовать преступниками (как это принято в науках уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, а также сложилось в криминалистике). Именно поэтому в данной статье употребляется выражение «лицо, подвергаемое уголовному преследованию» как наиболее удачное, будучи всеохватывающим, включающим в свой логический объем понятия все перечисленные категории лиц, фактически подвергаемых уголовному преследованию.

очередь наук уголовно-правового цикла, рассматривать мотивацию как более сложное и многогранное психическое явление, чем мотив.

Так, термин «мотивация» используется в двух смыслах. Во-первых, в статическом аспекте – для обозначения мотивационной сферы личности, т.е. относительно устойчивой системы мотивов личности, как побуждающей, направляющей подсистемы личности, отражающей факторы её формирования и развития [5. С. 182–183; 8. С. 12; 9. С. 88]. Составляют мотивационную сферу личности такие её элементы, являющиеся устойчивыми и носящими личностный смысл мотивами (а точнее, мотивационными образованиями [5. С. 143–183, 344]), как потребности, интересы, влечения (желания), увлечения, привычки, ценностные ориентации, мотивационные установки, иные побуждения, которые могут при взаимодействии с определенной ситуацией выступать в качестве мотивов уже конкретного поведения. Во-вторых, в динамическом аспекте термином «мотивация» принято обозначать процесс детерминации мотивационной сферой личности определенного поведения [5. С. 67; 10. С. 7; 11. С. 39; 12. С. 115; 13. С. 15; 14. С. 25–26, 31–32, 43; 15. С. 54–55; 16. С. 39, 54].

В свою очередь, мотив признается основным элементом системы мотивации, что можно считать одним из признаков понятия «мотив». В целом, анализ работ в области психологии и наук уголовно-правового цикла позволяет выделить следующие основные признаки понятия «мотив».

1. Мотив – это побуждение, т.е. психическое явление, побуждающее (энергетизирующее и стимулирующее) активность и определенное поведение лица. Этот признак выражает выполнение им побудительной функции [9. С. 66; 10. С. 11; 14. С. 48; 17. С. 131; 18. С. 188; 19. С. 6].

2. Мотив во взаимодействии с целью (т.е. психическим отражением предмета определенной потребности) определяет направленность поведения лица. Этот признак выражает выполнение им направляющей функции [5. С. 122–123; 9. С. 59; 14. С. 29; 20. С. 369–370].

3. Мотив является результатом воздействия внешних (объективных, средовых) и внутренних (субъективных, личностных) факторов, отражая их роль, как в процессе формирования личности, так и при осуществлении конкретного поведения – совершении определенного поступка. Этот признак выражает выполнение мотивом отражательной функции [5. С. 124; 14. С. 48; 18. С. 88].

4. Мотив определяет личностный смысл осуществления конкретного поведения – совершения определенного поступка, включая выбор способа, обстановки иных обстоятельств его совершения, служит его внутренним субъективным оправданием для лица, причем, возможно, неосознанным полностью или в определенной мере. Этот признак выражает выполнение мотивом смыслообразующей функции [14. С. 29; 16. С. 65; 18. С. 144–145, 150; 21. С. 72; 22. С. 64–67; 23. С. 13–15].

5. Мотив не существует и не действует изолированно, а, как уже говорилось выше, является элементом системы мотивации, в статическом измере-

нии существующей в качестве мотивационной сферы личности, а в динамическом измерении функционирующей как процесс мотивации конкретного поведения.

Исходя из изложенных признаков, можно сформулировать следующее определение понятия «мотив»:

Мотив – это сложное психическое явление, которое побуждает и во взаимодействии с целью направляет конкретное поведение лица, определяя его личностный смысл, а также выступает в качестве результата отражения внешних (объективных, средовых) и внутренних (субъективных, личностных) факторов и элемента как мотивационной сферы личности, так и процесса мотивации конкретного поведения лица.

Следует отметить, что, будучи элементом системы мотивации, понимаемой в двух смыслах – как мотивационной сферы личности (в статическом аспекте) и процесса мотивации конкретного поведения (в динамическом аспекте), мотив также, по сути, должен пониматься в двух смыслах. В первом смысле мотив понимается как элемент мотивационной сферы личности, во втором смысле – как элемент процесса мотивации конкретного поведения. Соответственно, при рассмотрении в первом смысле мотив, приобретая признаки самой мотивационной сферы личности, обладает признаком устойчивости, постоянства, как говорится, «живёт в психике лица», по сути, входя в структуру личности, выступает психическим свойством личности. При рассмотрении во втором смысле мотив видится побуждением (разумется, выполняющим и иные указанные выше функции) конкретного поведения (определенного поступка), входит в его внутреннюю субъективную сторону, выступая, собственно, элементом самого поведения. Здесь уместно уточнить, ссылаясь на современные представления отечественных психологов, что в качестве мотивов, понимаемых в первом смысле, подразумеваются входящие в структуру личности потребности, влечения, желания, интересы, склонности, привычки, мотивационные установки и другие психологические образования, обозначенные Е.П. Ильиным понятием «мотивационные образования» [5. С. 143–183, 344]. При употреблении понятия «мотив» во втором смысле это психическое явление предстает как продукт процесса мотивации, являющийся сложным интегральным психологическим образованием [5. С. 84, 115, 344]. Представленное нами определение понятия «мотив» подразумевает оба смысла этого понятия.

Обращаясь к традиционно используемому в науках уголовно-правового цикла, а исходно – в науке уголовного права, понятию «мотив преступления», следует констатировать, что здесь мотив, понимаемый элементом субъективной стороны преступления, рассматривается и должен рассматриваться с акцентом на втором смысле этого понятия – как элемент процесса мотивации конкретного, в данном случае преступного, поведения, т.е. как элемент самого преступного поведения.

Привязку мотива преступления к процессу мотивации преступного поведения мы видим в отмеченных выше работах ряда авторов. Причем часть авторов определяет мотиву преступления место элемента, сформированного

по результатам процесса мотивации преступного поведения, после чего непосредственно детерминирующего совершение преступления [15. С. 55; 16. С. 39; 24. С. 21]. То есть понятие «мотив преступления» рассматривается данными авторами именно в качестве элемента преступления и самого преступного поведения, что соответствует обозначенному нами второму смыслу понятия «мотив».

В то же время другая часть авторов, анализируя процесс мотивации преступного поведения, акцентируют внимание на мотиве как личностном психическом образовании, побуждающем и стимулирующем этот процесс [14. С. 27–28, 41–42; 21. С. 68–71; 25. С. 21–22]. В этом случае под мотивом понимается, по сути, устойчивое мотивационное образование – собственно какая-либо потребность либо отражающие определенную потребность влечения, желания, интересы, мотивационные установки и т.п. В таком случае понятие «мотив» соответствует отраженному в нашем определении первому смыслу этого понятия, употребляется, можно сказать, не в исходном традиционном понимании в качестве элемента преступления и самого преступного поведения, а уже для обозначения элемента мотивационной сферы, по сути, свойства личности преступника.

Игнорирование основных признаков понятия «мотив», особенно его места в системе мотивации личности и поведения, в том числе преступного, иногда приводит к неверному пониманию соотношения и даже смешению понятий «мотив преступления» и «цель преступления», в связи с чем необходимо обратиться к рассмотрению вопроса о понятии «цель» и соотношении понятий «мотив» и «цель» в психологии и науках уголовно-правового цикла.

Наряду с мотивом цель рассматривается многими авторами как элемент процесса мотивации конкретного поведения [15. С. 54; 16. С. 40; 24. С. 20; 25. С. 24; 26. С. 36–37]. Цель преступления, как и мотив преступления, традиционно считается элементом субъективной стороны преступления и закреплена в виде различных формулировок в уголовном законе, например, в п. 1 примечаний к ст. 158, ст. 186, 191.1, 234, п. «к» и «м» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 146, ч. 2 ст. 282.4, п. «б» ч. 2 ст. 322.1, ч. 4 ст. 327 Особенной части УК РФ.

Применительно к связи мотива и цели представителями наук уголовно-правового цикла и психологами отмечается, что смыслообразующую функцию мотив выполняет не сам по себе, а в соотношении с целью деяния [10. С. 25; 23. С. 13; 27. С. 73]. «Собственно сам процесс осмысливания поведения зависит от того, – пишет Б.С. Волков, – как человек ставит цель. Следовательно, смыслообразующая роль мотива сводится главным образом к тому, как он осознал свои побуждения, как он объясняет совершенные им действия, их причинную направленность» [27. С. 73]. С.Л. Рубинштейн замечал: «Мотив как осознанное побуждение для определенного действия, собственно, и формируется по мере того, как человек учитывает, оценивает, взвешивает обстоятельства, в которых он находится, и осознает цель, которая перед ним встает» [28. С. 564].

Сразу следует пояснить, что мы обращаемся к понятию цели, обозначающему субъективное психическое явление, а не объективное, каким, например, является результат деятельности, в котором эта цель уже осуществлена. В таком представлении под целью понимается внутренний идеальный, точнее, психический образ желаемого результата сознательного действия. Подчеркивается, что цель – не просто представление о желаемом будущем результате, но и включает в себя желание, стремление (хотение) или «активную устремленность к нему» [10. С. 20, 26; 29. С. 48; 30. С. 45].

Важно, что цель всегда предполагает представление о средствах достижения желаемого результата. Цель формируется и окончательно формулируется при участии и неотделимо от осмысления средств (способов) ее достижения: «Отношение цели к средству является важнейшим показателем ее реальности... цель и средство взаимно соотносительны: цель как определенность выступает через средство, а средство – как “определенность” предмета через цель» [10. С. 21].

Теперь о соотношении понятий мотива и цели. Некоторый посыл к возможному смешению данных понятий связан с тем, что цель предполагает стремление (хотение), желание ее достижения. В сознании человека цель выступает в связи с переживанием желания, хотения ее достижения, влечения к ней, которые представляются в качестве побуждающих и направляющих деятельность. Однако признание побудительной, отражательной и смыслообразующей функций, необходимых для реализации сложного человеческого поведения, в том числе преступного, все-таки за мотивом – по этому пути мы уже пошли – предполагает проведение разграничения между понятиями мотива и цели.

Еще до революции юрист, причем специалист в области уголовного права, Н.С. Таганцев писал, что «мотив и цель – это два коррелятивных понятия» [31. С. 594]. Однако в понятии «цель» более отчетливо представлена внешняя, предметная компонента, а в понятии «мотив» – личностная, отображающая замыкающие цели на субъекте [32. С. 37]. Но это лишь общие суждения.

Более четкое разграничение понятий мотива и цели приводится в теории деятельности А.Н. Леонтьева. Он выделяет в качестве основных «составляющих» отдельных человеческих деятельностей осуществляющие их действия. «Действием, – пишет он, – мы называем процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, т.е. процесс, подчиненный сознательной цели. Подобно тому, как понятие мотива соотносится с понятием деятельности, понятие цели соотносится с понятием действия». Как следствие, целью А.Н. Леонтьев обозначает ближайший результат (точнее, отражение его в сознании), «достижение которого осуществляет данную деятельность, способную удовлетворить потребность, опредмеченную в ее мотиве» [18. С. 103, 105–106].

В следующей же цитате приводится одно из главных отличий мотивов от целей: «В отличие от целей, мотивы актуально не сознаются субъектом: когда мы совершаем те или иные действия, то в этот момент мы обычно не отдаем себе отчета в мотивах, которые их побуждают. Правда, нам не

трудно привести их мотивировку, но мотивировка вовсе не всегда содержит в себе указание на их действительный мотив... Если цели и отвечающие им действия необходимо сознаются, то иначе обстоит дело с осознанием их мотива – того, ради чего ставятся и достигаются цели» [18. С. 201, 204]. Необходимо пояснить, что речь здесь идет о доминирующих, главных в иерархии мотивационной сферы личности, мотивах (правильнее их называть, как отмечалось выше, входящими в структуру личности мотивационными образованиями) или о смыслообразующих мотивах.

Итак, в отличие от мотива цель, исходя из смысла, вкладываемого в это понятие, должна быть привязана к конкретному поведению, отражать обстоятельства его осуществления (планируемый результат, способы, средства, иные обстоятельства достижения результата), быть элементом этого поведения. Цель должна всегда рассматриваться элементом процесса мотивации конкретного поведения (поступка), а не элементом мотивации как мотивационной сферы личности – неверно считать цель устойчивым свойством самой личности, входящим в её структуру элементом.

Тем более подобное можно утверждать относительно понимания цели преступления – это всегда элемент поведения, процесса мотивации преступного поведения, а не элемент личности преступника. Сами формулировки целей преступления в приведенных выше статьях Особенной части УК РФ соответствуют такому пониманию.

Несмотря на существование явных оснований для разграничений понятий «мотив» и «цель», приведенных нами выше, в работах части представителей наук уголовно-правового цикла понятия мотива и цели, как элементов преступления и преступного поведения, смешиваются [21. С. 41, 78, 81; 26. С. 36–37]. При этом думается, что, кроме непризнания основных признаков понятия «мотив», особенно его места в системе мотивации личности и поведения, в том числе преступного, и оснований для разграничений понятий «мотив» и «цель», в известной мере такое смешение вызвано формулировками отдельных статей УК РФ.

Законодатель иногда подразумевает одно и то же понимание некой побудительной и направляющей силы преступления в таких статьях уголовного закона, используя в одних из них термин «мотив» и также относимые к обозначению мотива преступления термины «побуждение», «заинтересованность» и другие слова и словосочетания (например, «в связи с осуществлением лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга» в статьях о преступлениях против личности), а в других – термин «цель». Наиболее наглядно такое смешение проявляется в формулировках статей о преступлениях корыстной направленности; так, в ст. 153, 155, 215.2, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и др. говорится о «корыстных побуждениях», в ч. 2 и 3 ст. 145.1, ст. 170, ч. 2 ст. 272 УК РФ и др. – о «корыстной заинтересованности», а в п. 1 относящихся ко всем хищениям примечаний к ст. 158 УК РФ закрепляется «корыстная цель».

Полагаем, что такое смешение следует преодолевать и в законе, и в работах ученых в области науки уголовного права, да и других наук уголовно-правового цикла.

Мотив преступления, будучи вариантом сложного психического явления, называемого термином «мотив», должен обладать всеми отмеченными выше функциями (побудительной, направляющей, отражательной, смыслообразующей) и в определенной мере выводить субъектов, его устанавливающих, на характеристику личности преступника. Конечно, мотив преступления – это элемент преступного поведения, а не собственно личности преступника, но образуется он в результате актуализации-преобразования входящих в мотивационную сферу его личности мотивов – устойчивых мотивационных образований в конкретной ситуации совершения преступления. Соответственно, мотив преступления должен отражать определенные устойчивые свойства (которые принято именовать мотивационными) личности преступника и, можно сказать, должен быть в видимой привязке к личности преступника.

Применительно к формулировкам ряда статей УК РФ можно отметить, что употребление в них терминов «побуждение», «заинтересованность» и других не является однозначным критерием, указывающим на мотив преступления. Следует исходить из смысла такой формулировки – понимания, вложенного в неё законодателем и разделенного правоприменителем. Так, о мотиве преступления мы можем говорить в формулировках, по своей сути закрепляющих и отражающих разновидности мотивов, которые являются с очевидностью привязанными к личности побудительными и направляющими детерминантами преступления, в частности, в случаях, когда формулировка статьи отражает типичное для личности преступника отношение, чувство (выраженное в частом у преступника эмоциональном состоянии). В качестве примера можно привести чувство неприязни при обиде со стороны кого-то (мечь); чувство расовой, этнической, религиозной, классовой неприязни или ненависти к определенной группе лиц (экстремистские мотивы); переживание личной неполноценности (обычно связанное с неудачами в определенных сферах жизни лица), сопряженное с чувством озлобленности в отношении всего общества и окружающих (хулиганские мотивы).

Мотив преступления, в отличие от его цели, относительно независим от конкретной ситуации совершения преступления и может реализовываться через постановку различных целей и разными способами при различных обстоятельствах. Цель же преступления все-таки в большей мере привязана к конкретной ситуации совершения преступления и, можно сказать, относительно независима от личности преступника. Как показывалось выше, цель преступления – это всегда элемент именно конкретного преступного поведения (его процесса мотивации), а не мотивационной сферы личности преступника.

Анализ ситуации совершения преступления – сведений об элементах его объективной стороны – выводит в первую очередь на цель преступления, а не на его мотив. Можно сказать, что цель преступления, в отличие от его мотива, «лежит на поверхности». Поэтому законодатель часто подразумевает цель преступления, конечно, взятую в обобщенном виде, в формули-

ровках статей УК РФ, даже используя вместо термина «цель» термины «побуждение», «заинтересованность» (даже «мотив») и др. Закрепление в законе цели преступления служит в большей мере оценке степени общественной опасности самого преступления, а не личности преступника, оценке степени общественной опасности которой служит закрепление в законе мотива преступления. И законодатель, видимо, считает возможным в обозначенных случаях ограничиться этим, тем более установление цели преступления в правоприменительной деятельности всегда более реалистично и требует меньших усилий, чем установление мотива преступления.

Такой подход подтверждается приведенными выше примерами использования законодателем производных от слова «корысть» формулировок статей УК РФ. Под этими формулировками в уголовном праве принято понимать, по сути, стремление (осознанное) преступника к получению материальной выгоды (денег, имущества или прав на их получение и т.п.) для себя или для других лиц либо избавление от материальных затрат (например, возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств) в результате совершения преступления [26. С. 24–25, 29–32]. Для квалификации преступления как корыстного, т.е. совершенного из корыстных побуждений – по формулировкам одних статей УК РФ, либо с корыстной целью – по формулировкам других статей УК РФ, по сути, не имеет значения то, ради чего преступник стремится к материальной выгоде.

Другими словами, не имеет значения то, что на уровне личности преступника стоит за получением этой выгоды, какой личностный смысл она для него имеет. Не требуется устанавливать как таковой мотив (мотивы), отражающий устойчивые свойства личности преступника, стоящий за получением им этой самой выгоды в результате совершения преступления. Компоненты психической деятельности преступника (и субъективной стороны преступления), обозначаемые производными от слова «корысть» формулировками «корыстные побуждения», «корыстная заинтересованность» и «корыстная цель», устойчивые свойства личности преступника отражать не могут. Напротив, эти формулировки в принятом их понимании явно предполагают смещение их содержания от личности преступника к ситуации – акцент на материальной выгоде как относящемуся к внешней среде результату, идеальный желаемый образ которого является целью совершения преступлений, среди которых, так сказать, «сердцевину» составляют хищения. Добавим, что здесь следует согласиться с мнением С.А. Елисеева, который высказывался о большей приемлемости употребления выражения «цель присвоения» в статьях УК РФ, закрепляющих составы преступлений против собственности, поскольку при такой обрисовке данная цель приобретет в составе такого преступления характер признака, доступного объективному восприятию и оценке [33. С. 29; 34. С. 80–81].

Полагаем, что о корыстных мотивах все же можно говорить, но не как об элементах состава преступления, обозначаемых в настоящее время формулировками «корыстная цель», «корыстные побуждения», «корыстная заинтересованность», а как об устойчивых мотивационных образованиях лично-

сти преступника, выражаемых в устойчивой потребности (актуализированной в интересе, желании, страсти) в постоянном материальном обогащении, наживе, накопительстве, обычно обозначаемой словами жадность, алчность и т.п. Далеко не для всех преступников, совершающих хищения и другие преступления, называемые корыстными, характерны такие мотивационные образования личности.

С позиции изложенного выше понимания терминов «мотивация», «мотив», «цель», а также соотношения этих понятий вызывают сомнение и некоторые предложения представителей наук уголовно-правового цикла по совершенствованию уголовного закона. Так, предлагается заменить используемые в статьях Особенной части УК РФ термины «побуждение», «заинтересованность» на единый термин «мотив» [16. С. 49, 62; 35. С. 9, 13]. А.П. Музюкин идёт ещё дальше, предлагая заменить на термин «мотив» и другие термины, обозначающие в законе побудительные начала преступлений определенных составов, включая даже «цель» [35. С. 9, 13]. Возражая такого рода предложениям, выскажем следующие аргументы.

Во-первых, как за термином «цель» в ряде статей УК РФ, так и за предполагающими указание на мотив преступления терминами «побуждение», «заинтересованность» и др. в значительной части других статей этого кодекса, подразумеваются собственно цели преступления, а не его мотивы, о чем говорилось выше с приведением примеров статей УК РФ, закрепляющих составы преступлений корыстной направленности. И здесь следует повторно пояснить, что понятие «мотив» все же имеет принципиально иной смысл, чем понятие «цель», из чего следует и принципиальное разграничение понятий «мотив преступления» и «цель преступления». Подменять указанием на мотив формулировки статей, в которых законодатель закрепляет и понимает в качестве признака (обязательного либо квалифицирующего) состава преступления именно цель (пусть даже используя кроме термина «цель», термины «побуждение», «заинтересованность» и т.п.), означает создавать дополнительные трудности в практической деятельности органов уголовного преследования и суда.

В результате таких нововведений устанавливаемые в преступлениях, соответствующих этим составам, «мотивы» на самом деле по-прежнему будут являться целями преступления. Если же правоприменитель все же воспримет эти нововведения как требование устанавливать именно реальные мотивы в таких преступлениях для решения задачи их квалификации, то это потребует дополнительных усилий, поскольку точное установление мотива преступления все-таки предполагает большую глубину и полноту изучения обстоятельств совершения преступления и личности преступника, чем при установлении целей преступления. Непонятно то, зачем тратить дополнительные усилия на установление мотива преступления, если фактически достаточно установить цель преступления, которая подразумевалась в формулировках таких статей УК РФ за терминами «побуждение», «заинтересованность» и др. и будет-таки подразумеваться за заменяющим данные термины термином «мотив». В итоге эти дополнительные усилия, если они все

же будут приложены, приведут к дополнительным сложностям в квалификации. Поскольку, если будут установлены действительные мотивы преступления, не совпадающие с «мотивами», на которые теперь в рассматриваемых составах заменены цели, подразумеваемые прежде под «побуждениями», «заинтересованностью», «целями» и др., то содеянное придется квалифицировать по иной статье (или части статьи) Особенной части УК РФ либо вообще констатировать отсутствие в нём какого-либо состава преступления.

Во-вторых, мотив реального преступного поведения, как и мотив любого поведения человека, является сложным интегральным психологическим образованием [5. С. 84, 115, 344] и результатом сложной борьбы мотивов (мотивационных образований) в процессе мотивации. Поведение человека, особенно в форме поступка, каковым является и преступное поведение, детерминировано не одним мотивом, оно полимотивировано. Отсюда образованный в результате процесса мотивации собственно мотив конкретного преступного поведения, как сложное интегральное психологическое образование, выражает в качестве компонентов различные мотивы – мотивационные образования, участвовавшие в этом процессе. Да, среди этих компонентов, как правило, можно выделить какой-то один главный компонент – так называемый доминирующий мотив [14. С. 42–43; 27. С. 21; 36. С. 61, 74]. Но при этом уголовный закон не требует обязательного установления мотива преступления, закрепленного в определенной формулировке в какой-либо статье Особенной части УК РФ, в качестве доминирующего мотива. Такого рода устанавливаемый и необходимый для квалификации по соответствующей статье УК РФ мотив преступления может быть сопутствующим, о чем верно пишут отдельные авторы [21. С. 82, 99].

Каждый из отмеченных компонентов-мотивов по отдельности не охватывает мотив реального преступного поведения как сложного интегрального психологического образования. Соответственно, считать такой компонент-мотив собственно полным мотивом реального преступного поведения нельзя. То же самое можно утверждать и относительно компонентов – мотивов, закрепленных в статьях УК РФ под терминами «мотив», а также «побуждение», «заинтересованность», «цель» и т.п.

Следует констатировать, что в статье Особенной части УК РФ невозможно закрепить формулировку, обозначающую мотив как элемент определенного состава преступления, которая охватывала бы всё содержание какого-либо реального мотива преступного поведения. Исходя из вышеизложенного, в ситуации сложившего к настоящему времени понимания использование в статьях Особенной части УК РФ вместо термина «мотив» терминов «побуждение», «заинтересованность», «цель» и т.п. можно считать даже более предпочтительным, поскольку последние не претендуют на полный охват содержания реального мотива конкретного преступного поведения, который, повторимся, является сложным интегральным психологическим образованием и результатом полимотивации.

В то же время, пожалуй, можно согласиться с тем, что употребление в статьях Особенной части УК РФ термина «мотив» также уместно. Однако при этом необходимо принять суженное понимание данного термина как обозначающего не собственно мотив преступного поведения в качестве сложного интегрального психологического образования, а только отдельный компонент этого сложного психологического образования, имеющий значение для оценки общественной опасности личности преступника, а потому включаемый в статьи Особенной части УК РФ как обязательный или квалифицирующий признак определенных составов преступления.

Конечно, попытки сделать конструктивные предложения по совершенствованию положений уголовного закона о мотивах и целях преступления всегда заслуживают поддержки. Тем более если учесть, что недоработки законодателя здесь просматриваются с очевидностью, в частности, в первую очередь видно отсутствие в уголовном законе положений, раскрывающих понятия мотива и цели преступления. Но делая такие предложения, не следует подходить к уточнению формулировок закона, обозначающих мотив и цель преступления, механистично, а каждую формулировку, подразумевающую эти элементы субъективной стороны состава преступления, надо анализировать отдельно, исходя из точного смысла понятий «мотивация», «мотив», «цель» и понимания соотношения этих понятий.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // CONSULTANT.RU: Официальный сайт компании «Консультант Плюс». М., 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 03.10.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // CONSULTANT.RU: Официальный сайт компании «Консультант Плюс». М., 1997–2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 03.10.2025).
3. Психология. Словарь / под ред. А.В. Петровского М. : Политиздат, 1990. 494 с.
4. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 2006. 1096 с.
5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2011. 512 с.
6. Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности. М. : Наука, 1988. 191 с.
7. Трухачев В.В. Мотивация как элемент криминалистической характеристики преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1990. 24 с.
8. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М. : Просвещение, 1969. 317 с.
9. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький : ВШ МВД СССР, 1974. 168 с.
10. Котов Д.П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 152 с.
11. Механизм преступного поведения / под ред. В.Н. Кудрявцева. М. : Наука, 1981. 248 с.
12. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 213 с.
13. Криминальная мотивация / под ред. В.Н. Кудрявцева. М. : Наука, 1986. 304 с.

14. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М : Наука, 1991. 383 с.
15. Думанская Е.Г. Мотив преступления как итог мотивационного процесса; его значение при квалификации убийств : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 163 с.
16. Станкевич К.К. Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 199 с.
17. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т. 1. Ростов н/Д : Феникс, 1996. 416 с.
18. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
19. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. 152 с.
20. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1969. 376 с.
21. Рачицкая В.А. Мотивационная типология убийств и вопросы дифференцированного предупреждения этих преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 185 с.
22. Мезинов Д.А. Преступная мотивация как объект познания в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. 188 с.
23. Тазин И.И. Криминалистическая характеристика мотивационно-смысловой сферы личности преступника : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 252 с.
24. Титовец А.Э. Преступления, совершаемые по мотиву ревности, и их предупреждение (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 299 с.
25. Соколова О.В. Уголовно-правовой аспект мотивации преступного поведения и проблемы доказывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 28 с.
26. Тютюнник И.Г. Корыстный мотив в структуре преступлений против свободы личности: уголовно-правовой и криминологический анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 160 с.
27. Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1968. 166 с.
28. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М. : Учпедгиз, 1946. 704 с.
29. Мерлин В.С. Лекции по психологии мотивов человека. Пермь, 1971. 120 с.
30. Харазисвили Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси : Цодна, 1963. 288 с.
31. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. СПб. : Гос. тип., 1902. Т. 1. 815 с.
32. Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М. : Наука, 1977. 391 с.
33. Елисеев С.А. Основные направления совершенствования уголовно-правовых норм, предусмотренных главой 21 Уголовного кодекса РФ 1996 г. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 4 (6). С. 26–30.
34. Елисеев С.А. Определение кражи в уголовных законах России и Беларуси: история и современность // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2017. № 2. С. 77–81.
35. Музюкин А.П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. 23 с.
36. Тарарухин С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М. : Юрид. лит., 1974. 221 с.

References

1. The Russian Federation. (1966) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: ot 13.06.1996g. № 63-FZ (red. ot 31.07.2025)* [Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (amended as of July 31, 2025)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (Accessed: 3rd October 2025).
2. The Russian Federation. (n.d.) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: ot 18.12.2001g. № 174-FZ (red. ot 31.07.2025)* [Criminal Procedure Code of the Russian

Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (amended as of July 31, 2025)). [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (Accessed: 3rd October 2025).

3. Petrovskiy, A.V. (ed.) (1990) *Psikhologiya. Slovar'* [Psychology. Dictionary]. Moscow: Politizdat.

4. Korsini, R. & Auerbach, A. (eds) (2006) *Psikhologicheskaya entsiklopediya* [The Encyclopedia of Psychology]. 2nd ed. Translated from English. St. Petersburg: Piter.

5. Ilin, E.P. (2011) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and Motives]. St. Petersburg: Piter.

6. Kovalev, V.I. (1988) *Motivy povedeniya i deyatel'nosti* [Motives of Behavior and Activity]. Moscow: Nauka.

7. Trukhachev, V.V. (1990) *Motivatsiya kak element kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy* [Motivation as an Element of the Criminalistic Characteristic of Crimes]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.

8. Yakobson, P.M. (1969) *Psikhologicheskie problemy motivatsii povedeniya cheloveka* [Psychological Problems of Human Behavior Motivation]. Moscow: Prosveshchenie.

9. Igoshev, K.E. (1974) *Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Typology of the Criminal Personality and Motivation of Criminal Behavior]. Gorkiy: MIA USSR.

10. Kotov, D.P. (1975) *Motivy prestupleniy i ikh dokazyvanie* [Motives of Crimes and Their Proof]. Voronezh: Voronezh University.

11. Kudryavtsev, V.N. (ed.) (1981) *Mekhanizm prestupnogo povedeniya* [The Mechanism of Criminal Behavior]. Moscow: Nauka.

12. Filimonov, V.D. (1981) *Kriminalogicheskie osnovy ugovnogo prava* [Criminological Foundations of Criminal Law]. Tomsk: Tomsk State University.

13. Kudryavtsev, V.N. (1986) *Kriminal'naya motivatsiya* [Criminal Motivation]. Moscow: Nauka.

14. Lunev, V.V. (1991) *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Motivation of Criminal Behavior]. Moscow: Nauka.

15. Dumanskaya, E.G. (2005) *Motiv prestupleniya kak itog motivatsionnogo protsessa; ego znachenie pri kvalifikatsii ubiystv* [The Motive of a Crime as the Outcome of the Motivational Process; Its Significance in Qualifying Murders]. Law Cand. Diss. Ekaterinburg.

16. Stankevich, K.K. (2019) *Motivy i tseli ubiystva: doktrina, zakon, primeneniye* [Motives and Goals of Murder: Doctrine, Law, Application]. Law Cand. Diss. Ekaterinburg.

17. Petrovskiy, A.V. & Yaroshevskiy, M.G. (1996) *Istoriya i teoriya psikhologii* [History and Theory of Psychology]. Vol. 1. Rostov on Don: Feniks.

18. Leontiev, A.N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.

19. Volkov, B.S. (1982) *Motivy prestupleniy* [Motives of Crimes]. Kazan: Kazan University.

20. Anon. (1969) *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. Moscow: Nauka.

21. Rachitskaya, V.A. (2012) *Motivatsionnaya tipologiya ubiystv i voprosy differentsirovannogo preduprezhdeniya etikh prestupleniy* [Motivational Typology of Murders and Issues of Differentiated Prevention of These Crimes]. Law Cand. Diss. Moscow.

22. Mezinov, D.A. (1999) *Prestupnaya motivatsiya kak ob"ekt poznaniya v kriminalistike* [Criminal Motivation as an Object of Study in Criminalistics]. Law Cand. Diss. Tomsk.

23. Tazin, I.I. (2006) *Kriminalisticheskaya kharakteristika motivatsionno-smyslovoy sfery lichnosti prestupnika* [Criminalistic Characteristic of the Motivational-Meaning Sphere of the Criminal's Personality]. Law Cand. Diss. Tomsk.

24. Titovets, A.E. (2023) *Prestupleniya, sovershaemye po motivu revnosti, i ikh preduprezhdenie (ugolovno-pravove i kriminalogicheskie aspekty)* [Crimes Committed Out of Jealousy and Their Prevention (Criminal-Law and Criminological Aspects)]. Law Cand. Diss. Saratov.

25. Sokolova, O.V. (2003) *Ugolovno-pravovoy aspekt motivatsii prestupnogo povedeniya i problemy dokazyvaniya* [The Criminal-Law Aspect of Criminal Behavior Motivation and Problems of Proof]. Law Cand. Diss. Saratov.

26. Tyutyunnik, I.G. (2015) *Korystnyy motiv v strukture prestupleniy protiv svobody lichnosti: ugovolno-pravovoy i kriminologicheskiy analiz* [The Mercenary Motive in the Structure of Crimes Against Personal Freedom: A Criminal-Law and Criminological Analysis]. Law Cand. Diss. Moscow.
27. Volkov, B.S. (1968) *Motiv i kvalifikatsiya prestupleniy* [Motive and Qualification of Crimes]. Kazan: Kazan University.
28. Rubinstein, S.L. (1946) *Osnovy obshchey psikhologii* [Foundations of General Psychology]. Moscow: Uchpedgiz.
29. Merlin, V.S. (1971) *Leksii po psikhologii motivov cheloveka* [Lectures on the Psychology of Human Motives]. Perm: [s.n.].
30. Kharazishvili, B.V. (1963) *Voprosy motiva povedeniya prestupnika v sovetskom prave* [Questions of the Criminal's Behavior Motive in Soviet Law]. Tbilisi: Tsodna.
31. Tagantsev, N.S. (1902) *Russkoe ugovolnoe pravo. Chast' obshchaya* [Russian Criminal Law. General Part]. Vol. 1. St. Petersburg: Gos. tip.
32. Feigenberg, I.M. (1977) *Veroyatnostnoye prognozirovaniye v deyatel'nosti cheloveka* [Probabilistic Forecasting in Human Activity]. Moscow: Nauka.
33. Eliseev, S.A. (2012) Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya ugovolno-pravovykh norm, predusmotrennykh glavoy 21 Ugolovnogo kodeksa RF 1996 g. [Main Directions for Improving the Criminal Law Norms Provided for in Chapter 21 of the 1996 Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4(6). pp. 26–30.
34. Eliseev, S.A. (2017) *Opreделение krazhi v ugovolnykh zakonakh Rossii i Belarusi: istoriya i sovremennost'* [Definition of Theft in the Criminal Laws of Russia and Belarus: History and Modernity]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 2. pp. 77–81.
35. Muzyukin, A.P. (2010) *Motiv prestupleniya i ego ugovolno-pravovoe znachenie* [The Motive of a Crime and Its Criminal-Law Significance]. Abstract of Law Cand. Diss. Ryazan.
36. Tararukhin, S.A. (1974) *Prestupnoye povedenie. Sotsial'nye i psikhologicheskie cherty* [Criminal Behavior. Social and Psychological Features]. Moscow: Yurid. lit.

Информация об авторах:

Мезинов Д.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mez_da@mail.ru

Ведерников Н.Т. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tsu-crime@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.A. Mezinov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

N.T. Vedernikov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tsu-crime@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.10.2025;
одобрена после рецензирования 29.11.2025; принята к публикации 09.12.2025.*

*The article was submitted 05.10.2025;
approved after reviewing 29.11.2025; accepted for publication 09.12.2025.*

Научная статья
УДК 346.62
doi: 10.17223/22253513/58/4

Законодательство о цифровых финансовых активах: на пороге реформ

Лариса Владимировна Санникова¹, Ольга Ивановна Андреева²

¹ *Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия, 7718609@mail.ru*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, andreevaoi_70@mail.ru*

Аннотация. На основе анализа правового регулирования рынка цифровых финансовых активов выявлены его ключевые проблемы: неопределенность правового режима ЦФА; фрагментация инфраструктуры; информационная асимметрия на рынке, ограниченный доступ инвесторов и отсутствие механизмов защиты их прав. Сделан вывод, что создание специального режима ЦФА привело к формированию дуализма правового регулирования и возникновению регуляторного арбитража. Обоснована целесообразность комплексного реформирования законодательства о ЦФА.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, дуализм правового регулирования, регуляторный арбитраж, токенизация актива

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00618, <https://rscf.ru/project/24-18-00618/>

Для цитирования: Санникова Л.В., Андреева О.И. Законодательство о цифровых финансовых активах: на пороге реформ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 48–64. doi: 10.17223/22253513/58/4

Original article
doi: 10.17223/22253513/58/4

Legislation on digital financial assets: on the verge of reforms

Larisa V. Sannikova¹, Olga I. Andreeva²

¹ *The State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
7718609@mail.ru*

² *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
andreevaoi_70@mail.ru*

Abstract. The article presents a systematic analysis of the legal regulation of the digital financial asset (DFA) market and identifies its key challenges. Russia was among the first countries to establish a special legal regime for digital assets. However, the market is currently dominated by monetary DFAs, as legal uncertainty regarding

other types of DFAs constrains the emergence of new financial instruments. This indicates that the existing regulatory framework does not fully unlock the potential of DFAs as innovative financial instruments.

The formation of a secondary DFA market is hindered by the fragmentation of market infrastructure. Most information system operators are integrated into banking ecosystems, which limits the pool of potential investors to bank clients. The lack of interoperability between platforms further impedes the circulation of DFAs. Moreover, the Bank of Russia allows organized trading in DFAs only through intermediaries, which effectively negates one of the core advantages of digital assets—their ability to eliminate intermediaries and operate in a decentralized manner compared to traditional securities.

The insufficient protection of DFA investors compels the Bank of Russia to impose high entry barriers to the market. This issue is compounded by information asymmetry: the absence of mandatory disclosure requirements for issuers and the lack of rating mechanisms prevent investors from adequately assessing the risks associated with acquiring DFAs.

The identified problems largely stem from the establishment of a special legal regime for DFAs that differs from the legal framework governing securities. The resulting dualism in legal regulation has created conditions for regulatory arbitrage. Issuers opt for DFAs due to lighter regulatory burdens, while investors face limited protection and heightened risks.

Recognizing the need for reform, the Bank of Russia has initiated legislative amendments that remain largely fragmented and do not address the conceptual foundations of DFA regulation. To foster the development of the DFA market, it is necessary to move beyond isolated legislative adjustments and toward a long-term regulatory strategy. Such a strategy should aim to eliminate the dualism of legal regulation for DFAs that possess the characteristics of securities and to promote the broader use of experimental legal regimes as a means of developing innovative financial instruments in the form of DFAs.

Keywords: digital financial assets, dualism of legal regulation, regulatory arbitration, asset tokenization

Financing: the research was supported by RSF № 24-18-00618, <https://rscf.ru/project/24-18-00618/>

For citation: Sannikova, L.V. & Andreeva, O.I. (2025) Legislation on digital financial assets: on the verge of reforms. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 58. pp. 48–64. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/58/4

Введение

По мере цифровизации финансового рынка существенно возрастает роль цифровых финансовых активов (далее – ЦФА). Привлекательность ЦФА как инновационного финансового инструмента во многом зависит от наличия эффективного правового регулирования, поскольку именно оно способно обеспечить предсказуемость, стабильность и защищенность для участников рынка. В России архитектура рынка цифровых финансовых активов получила закрепление в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении измене-

ний в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА). Несмотря на то, что с момента принятия закона прошло всего 5 лет, в экспертном сообществе формируется консенсус о необходимости реформирования законодательства о ЦФА. Регуляторы также осознают наличие в действующем законодательстве ограничений и пробелов, предлагая как отдельные меры регуляторного характера, так и законодательные инициативы, которые, впрочем, не всегда поддерживаются индустрией. В рамках настоящей статьи на основе анализа действующего правового регулирования и сложившейся практики выявляются ключевые проблемы законодательства о ЦФА и анализируются перспективы его реформирования.

Правовой режим ЦФА

Россия стала одной из первых стран в мире, которая пошла по пути создания специального правового регулирования для цифровых активов в области финансов. ЦФА являются разновидностью цифровых прав – самостоятельного объекта гражданских прав. Согласно ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

В ст. 1 Закона о ЦФА закреплены категории цифровых финансовых активов, включающие:

- денежные требования;
- возможность осуществления права, связанных с эмиссионными ценными бумагами;
- права участия в капитале непубличного акционерного общества;
- право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов.

Формулировки, использованные законодателем, не позволяют выявить экономическую и правовую сущность различных категорий ЦФА. В правовых исследованиях при описании ЦФА, как правило, цитируется закон [1. С. 504–526; 2. С. 46–55]. В экономических исследованиях предпринимаются попытки раскрыть их экономическое содержание [3. С. 422–452; 4. С. 49–54].

Цифровые права, включающие в себя денежные требования, представляют собой долговые инструменты. Они могут выступать в качестве аналога денежных требований по облигациям с фиксированным доходом или аналога векселя, либо денежные требования могут быть привязаны к стоимости базового актива (например, акций). Так как денежные требования разнообразны и их перечень не является исчерпывающим, возможно создание множества вариантов ЦФА, в основе которых лежит денежное требование. В настоящее время именно данная категория ЦФА доминирует на рынке, так как на их долю приходится 98% выпусков ЦФА [5].

ЦФА, включающие права по эмиссионным ценным бумагам, предназначены для токенизации корпоративного капитала. Существует дискуссия о том, какие именно права по эмиссионной ценной бумаге, прежде всего по акции, может реализовать владелец таких ЦФА. Так, эксперты в области ЦФА утверждают, что «их владелец вправе участвовать в собрании акционеров и получать дивиденды. При этом характеристики прав, которые удостоверяют токены, записаны в решении об их эмиссии» [6]. Однако анализ действующего законодательства об акционерных обществах убедительно показывает на невозможность реализации прав акционера только на основе владения ЦФА [7].

Представляется, что ЦФА на права по эмиссионным ценным бумагам, являются производными финансовыми инструментами, так как привязаны к такому базовому активу, как акции и облигации. Соответственно их держатель не получает никаких прав акционера, а может рассчитывать только на доход от роста стоимости акций (или облигаций), который ему обещает эмитент ЦФА. Как отмечают экономисты, их использование «может оптимизировать функционирование инфраструктуры фондового рынка – производить оборот (операции) не с ценной бумагой на фондовом рынке, а обрабатывать транзакции с использованием цифрового токена, выпущенного в распределенном реестре» [3].

Наиболее близки к ним по своему содержанию ЦФА, выпущенные ООО «Цифровые активы» на платформе Атомайз в целях реализации корпоративной программы «Цифровой инвестор» ПАО «ГМК «Норильский никель». Их владельцы получали право на периодические выплаты в размере, равном суммам дивидендов на одну обыкновенную акцию, если решение о выплате дивидендов было принято компанией. Кроме того, они также получали право на единовременную выплату при погашении ЦФА в размере, равном стоимости одной акции ГМК Норникель. Однако в решении о выпуске [8] данные ЦФА были квалифицированы эмитентом как ЦФА на денежные требования. При этом в описании вида и объема прав, удостоверяемых ЦФА, прямо указано, что они не удостоверяют возможность осуществления прав по акциям компании, их обладатели не получают право требовать передачи им акций и не получают каких-либо прав в отношении акций.

Не востребованной оказалась и другая категория ЦФА, включающая права участия в капитале непубличного акционерного общества, предназначенная для фиксации в цифровой форме долей компании. По сути, такие ЦФА должны были стать аналогом акций в цифровой форме. Однако непубличное акционерное общество является крайне непопулярной организационно-правовой формой в России, поэтому данный вид ЦФА не заинтересовал эмитентов.

Отсутствуют и выпуски ЦФА, включающие в себя право требования передачи эмиссионных ценных бумаг. Такие ЦФА могли бы использоваться для привлечения финансирования до эмиссии акций и облигаций. Однако в настоящее время в законодательстве о ценных бумагах и акционерных обществах отсутствуют нормы, регулирующие реализацию требований, содержащихся в ЦФА, что создает правовую неопределенность.

На практике была создана и новая категория цифровых прав – гибридные цифровые права, в которых объединены ЦФА и утилитарные цифровые права [5]. Утилитарные цифровые права закреплены в ст. 8 Федерального закона «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 № 259-ФЗ (далее – Закон об инвестиционных платформах). К ним относятся:

- 1) право требовать передачи вещи (вещей);
- 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
- 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг. Право требовать передачи вещи (вещей).

Конструкция утилитарных цифровых прав стала востребованной только в сочетании с ЦФА. Гибридные цифровые права предоставляют их обладателю право выбора способа погашения: получение денежных средств или базового актива. На гибридные цифровые права приходится 2% от всех выпусков ЦФА [5].

Таким образом, востребованной оказалась только одна категория ЦФА, предусмотренная в законе, а именно ЦФА на денежные требования. Выпуск остальных сдерживается из-за сохраняющейся правовой неопределенности. В отличие от ведущих стран, где потребности рынка определяют появление различных видов цифровых активов, в России выпуск новых видов ЦФА зависит от позиции регулятора. В качестве примера можно привести Информационное письмо Банка России от 28.05.2025 № ИН-018-52/86 «О совершении операций с отдельными финансовыми инструментами и цифровыми финансовыми активами», в котором регулятор через рекомендации о допуске квалифицированных инвесторов к ЦФА, доходность которых привязана к стоимости криптовалюты, по сути, разрешил выпуск таких ЦФА. В свою очередь, Минфин РФ анонсировал разработку законопроекта, позволяющего выйти за рамки долговых ЦФА и запустить процесс токенизации реальных активов в рамках экспериментального правового режима [9].

Преобладание на рынке денежных ЦФА свидетельствует о том, что действующее правовое регулирование не позволяет раскрыть потенциал ЦФА как инновационного финансового инструмента. Исследователи видят основное отличие ЦФА от ценных бумаг в том, что ЦФА существуют исключительно в информационной системе [10. С. 100–115]. Однако ценность ЦФА заключается не только в возможности токенизации существующих ценных бумаг, но и в создании принципиально новых финансовых инструментов.

Закон о ЦФА создавался как рамочный закон, позволяющий осуществлять выпуски и обращение ЦФА на территории страны. По словам заместителя председателя Банка России Филиппа Габуния, «По факту у нас получился такой экспериментальный режим, не в юридическом термине, а по сути, что в ЦФА была дана возможность операторам что-то попробовать»

[11]. Но отсутствие детального правового регулирования не обеспечило гибкость правового режима ЦФА, а лишь способствовало сохранению правовой неопределенности. Такой подход сдерживает развитие инновационных финансовых инструментов в форме ЦФА и нуждается в корректировке.

Правовые основы инфраструктуры рынка ЦФА

Объем рынка ЦФА в России существенно возрос в 2025 г. и достиг 1 трлн руб. Тем не менее рынок ЦФА функционирует в формате первичных размещений без полноценного вторичного обращения. В таких условиях ЦФА остаются низколиквидными активами. Во многом это обусловлено существующей инфраструктурой рынка ЦФА, которая была закреплена в Законе о ЦФА.

Выпуск ЦФА может осуществляться только на платформе операторов информационных систем (далее – ОИС). Требования к операторам закреплены в ст. 5 Закона о ЦФА, главным из которых является включение в реестр Банка России [12. С. 124–134]. Как следует из ст. 9 Закона о ЦФА, ОИС несут ответственность за функционирование самой информационной системы: утрату информации, хранящейся в информационной системе, сбой в ее работе и т.д. Соответственно функционал ОИС носит сугубо технический характер. Тем не менее большинство из зарегистрированных Банком России ОИС, а их число достигло 23, представляют ведущие банки. Такой подход позволяет Банку России оптимизировать свои затраты на контроль за деятельностью операторов. Однако возникает вопрос о том, какую роль ОИС играют и должны играть на рынке ЦФА.

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к развитию банковских экосистем. Банки рассматривают ОИС как часть своей экосистемы. Поэтому они используют свои ОИС, предоставляющие возможность эмитировать ЦФА или инвестировать в ЦФА, для сохранения своих клиентов и привлечения новых. Но стремление к развитию ОИС только в рамках банковской экосистемы приводит к проблеме интероперабельности (технической совместимости) платформ ЦФА. Каждая платформа использует свои технические стандарты для создания ЦФА, поэтому рынок ЦФА фрагментирован, что создает сложности как для эмитентов, так и для инвесторов.

Эмитенты заинтересованы в максимальном охвате потенциальных инвесторов. При размещении ЦФА на одной платформе круг таких инвесторов ограничивается, по существу, клиентами одного банка. Соответственно эмитенты вынуждены одновременно размещать свои ЦФА у разных ОИС. Это приводит к увеличению транзакционных издержек, так как у каждого оператора действуют свои правила размещения ЦФА, процедуры комплаенса, тарифы и т.д.

У инвесторов также возникают проблемы из-за фрагментации рынка ЦФА. Их выбор ЦФА ограничен рамками конкретной платформы. Для диверсификации своего инвестиционного портфеля им необходимо регистри-

роваться на разных платформах, в частности, квалифицированному инвестору необходимо подтверждение своего статуса каждым ОИС. Кроме того, как показал недавний кейс с невыполнением ООО «Форте Хоум ГмБХ» своих обязательств по ЦФА, их держатели на разных платформах оказались в неравных условиях.

В экспертном сообществе высказываются различные мнения о том, как может быть решена данная проблема. Некоторые эксперты считают неоправданным допуск на рынок такого количества операторов. Другие предлагают введение единых стандартов по примеру блокчейн-платформы Ethereum. Так, ERC-1400 представляет собой стандарт для регулируемых цифровых активов, в том числе токенизированных ценных бумаг, который обеспечивает соблюдение нормативных требований. Однако все эти меры представляют собой искусственные ограничения конкуренции на формирующемся рынке ЦФА. Возможно, что они были бы эффективны на начальном этапе развития рынка, но вряд ли способствовали технологическому развитию отрасли.

Доступ инвестору к широкому кругу цифровых активов на зарубежных рынках обеспечивают криптобиржи [13. С. 1035–1068]. В России эту роль призваны играть операторы обмена цифровых финансовых активов, деятельность которых регламентирована в ст. 10 Закона о ЦФА. Как и ОИС, операторы обмена ЦФА должны быть включены в реестр Банка России. На сегодняшний день в реестре зарегистрированы два оператора, ПАО Московская биржа и ПАО «СПБ биржа». Однако ни на одной площадке не проводятся торги ЦФА.

Инициативы Банка России свидетельствуют о том, что регулятор осознает проблему низкой ликвидности ЦФА из-за отсутствия вторичного рынка. Попытка использовать для этих целей цифровые свидетельства не увенчалась успехом. В настоящее время цифровые свидетельства закреплены в ст. 9 Закона об инвестиционных платформах в качестве неэмиссионной бездокументарной ценной бумаги, не имеющей номинальной стоимости, которая удостоверяет принадлежность ее владельцу утилитарного цифрового права [14. С. 76–82]. Банк России предложил использовать цифровые свидетельства и для совершения сделок с ЦФА на организованных торгах [15]. Однако банки не поддержали эту идею, справедливо указав на нецелесообразность использования такого архаичного финансового инструмента, лишь усложняющего и удорожающего обращение ЦФА.

Проблема заключается в том, что Банк России рассматривает возможность организованных торгов ЦФА только с участием посредников. В докладе Банка России «Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации»: «Для обеспечения возможности совершения сделок с цифровыми активами на организованном рынке целесообразно проработать вопрос о создании дополнительных регуляторных условий, позволяющих клиентам совершать сделки с цифровыми правами через инфраструктуру посредников (брокеров, управляющих), а также с использованием биржевой инфраструктуры» [16]. Несмотря на то, что данный доклад был опубликован в 2022 г.,

только спустя три года регулятор вернулся к этой идее и готовит поправки в законодательство, открывающие допуск на рынок ЦФА брокерам и управляющим компаниям.

При таком подходе теряются все преимущества цифровых активов по сравнению с традиционными ценными бумагами. Использование технологий распределенных реестров позволило обеспечить децентрализацию и избавиться от финансовых посредников, что и обусловило существенное снижение транзакционных издержек, повышение прозрачности сделок и скорости проведения операций с цифровыми активами. По существу, Банк России при поддержке банков, учредителей ОИС, стремится сформировать для ЦФА инфраструктуру, аналогичную рынку ценных бумаг, но на новой технологической основе.

Защита прав инвесторов

Развитие рынка ЦФА во многом искусственно сдерживается Банком России из-за опасений по поводу защищенности прав и интересов инвесторов. Регулятором установлены довольно высокие барьеры для входа на рынок инвесторов. В Указании Банка России № 5635-У от 25 ноября 2020 г. установлены три категории инвесторов ЦФА: квалифицированные инвесторы, неквалифицированные инвесторы – физические лица, неквалифицированные инвесторы – юридические лица. Для каждой категории инвесторов установлены признаки ЦФА, которые доступны для приобретения, а также условия их приобретения.

Для квалифицированных инвесторов доступны все виды ЦФА, выпускаемые ОИС. Статус квалифицированного инвестора ЦФА присваивается ОИС при подаче заявления и предоставления документов, предусмотренных законодательством о ценных бумагах и Указанием Банка России от 21 мая 2025 г. № 7060-У «О требованиях, которым должно отвечать лицо для признания квалифицированным инвестором, порядке признания лица квалифицированным инвестором и порядке ведения реестра лиц, признанных квалифицированными инвесторами». Таким образом, несмотря на единые требования к квалифицированным инвесторам как ценных бумаг, так и ЦФА, инвестору, получившему статус квалифицированного инвестора у брокера, приходится получать его отдельно и у каждого ОИС. Такой подход вряд ли оправдан и создает дополнительные препятствия для входа на рынок.

Российским физическим и юридическим лицам, которые являются неквалифицированными инвесторами, также доступны ЦФА, но их круг существенно ограничен. Кроме того, для неквалифицированных инвесторов – физических лиц установлен лимит в размере 600 тыс. руб. в течение одного года.

Существующие ограничения, с одной стороны, защищают инвесторов, с другой стороны, сдерживают развитие рынка ЦФА. Поэтому важно обеспечить баланс между защитой прав инвесторов и стимулированием инвестиционной активности с использованием ЦФА. О том, что регулятор осознал

существующую проблему, свидетельствует проект указаний Банка России, вынесенный на обсуждение в июне 2025 г. [17], в котором были предложены меры по расширению доступа инвесторов в ЦФА. В частности, установленный лимит для физических лиц – неквалифицированных инвесторов может быть увеличен до 1 000 000 руб., также планируется наделить статусом квалифицированного инвестора всех юридических лиц.

Тем не менее нельзя не признать наличие проблем с защитой прав инвесторов на рынке ЦФА. Особенно они обострились на фоне роста дефолтов в 2025 г. С начала года зафиксировано уже 11 дефолтов, что вызвало обеспокоенность у участников рынка. В качестве основной причины задержки в выплатах по ЦФА эмитенты называют кассовый разрыв. Однако именно за оборотными средствами они и приходят на рынок долговых ЦФА.

На фоне дефолтов ярко проявилась информационная асимметрия на рынке ЦФА. Отсутствие требований к эмитенту по раскрытию информации, а также механизмов их рейтингования не позволяет инвесторам в полной мере оценить риски при приобретении ЦФА. В инвестиционном сообществе высказывается мнение, что непубличные компании прибегают к выпуску ЦФА, когда получают отказ в кредитовании от банков, что само по себе может свидетельствовать об их не вполне благополучном финансовом состоянии. При этом у инвесторов нет никаких эффективных инструментов для проверки финансового состояния эмитента и его кредитоспособности.

Информация о конкретном активе раскрывается в решении о выпуске. Перечень сведений о ЦФА, которые должны содержаться в решении о выпуске, установлен в ст. 3 Закона о ЦФА. В него должны быть включены, в частности, сведения об эмитенте и ОИС; виде и объеме прав, удостоверяемых выпускаемыми ЦФА; их количестве и цене и др. Данный перечень не является исчерпывающим и может быть дополнен эмитентом. Для более полной информированности инвесторов операторы информационных систем также публикуют уведомления о рисках эмитента, которые являются неотъемлемой частью решения о выпуске ЦФА. Однако они носят преимущественно формальный характер. В законодательстве о ЦФА предусмотрена возможность для Банка России установить дополнительные требования к содержанию решения о выпуске. Так, Банк России намерен повысить качество раскрытия информации по кредитным ЦФА, разработав для них стандарты информирования инвестора [18]. Возможно, что пришло время обсудить целесообразность установления таких стандартов и для других видов ЦФА.

В связи с ростом дефолтов возникает вопрос об ответственности ОИС за неисполнение или ненадлежащее исполнения обязательств эмитентов на их платформах. Ответ на него не так однозначен, как может показаться. Международный опыт функционирования блокчейн-платформ, особенно децентрализованных, свидетельствует о том, что сама платформа является лишь техническим оператором выпуска цифровых активов. Поэтому на нее не возлагаются дополнительные обязанности по проверке финансового поло-

жения эмитента, обеспечению исполнения его обязательств перед инвесторами и др. В ст. 9 Закона о ЦФА гражданско-правовая ответственность ОИС в виде возмещения убытков предусмотрена только из-за нарушений в работе самой информационной системы: утраты информации, сбоя в работе и т.д. Однако в российском законодательстве о ЦФА функционал ОИС не ограничен лишь поддержанием бесперебойной работы информационной системы.

На ОИС возложены обязанности по допуску на платформу как эмитентов, так и ответчиков, а также обязанности по обеспечению целостности и достоверности информации о ЦФА, которая содержится в записях информационной системы. Соответственно Банку России согласно п. 18 ст. 5 Закона о ЦФА предоставлены широкие полномочия по ограничению деятельности ОИС в случаях нарушения требований закона, принятых в соответствие с ним нормативных актов Банка России, правил информационной системы. Многочисленные случаи дефолтов в рамках конкретной информационной системы могут послужить основанием для проверки Банком России ее деятельности.

Представляется, что ОИС должны проводить более ответственную политику в отношении инвесторов. Несмотря на то, что, по словам представителей ОИС, они пытаются работать с эмитентами и стимулировать их надлежаще исполнять обязательства по ЦФА, их усилий явно недостаточно. Как показала ситуация на рынке ЦФА в условиях роста дефолтов эмитентов, при просрочках выплат по ЦФА инвесторы не всегда оперативно получают информацию об их причинах задержки, новых сроках погашения и т.д. В рамках соглашений между ОИС и эмитентами по размещению ЦФА можно было бы предусмотреть обязанность эмитента незамедлительно уведомлять ОИС обо всех обстоятельствах, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением эмитентом своих обязательств по ЦФА, предусмотрев штрафные санкции за непредоставление такой информации. Кроме того, для инвесторов удобным решением могла бы стать автоматизация подачи претензионных требований к эмитентам на платформе ОИС. В настоящее время некоторые ОИС предлагает инвесторам правовое содействие во взыскании задолженности эмитента в судебном порядке, привлекая для этого третьих лиц.

Необходимо также отметить, что инвесторы только в связи с возникшими просрочками начинают изучать решение о выпуске ЦФА на предмет наличия в нем условий о неустойке при нарушении сроков, об обеспечении исполнения обязательств по ЦФА и порядка их реализации и т.д. Это свидетельствует о том, что даже квалифицированные инвесторы не обладают необходимыми ресурсами или компетенциями для оценки юридических рисков при покупке ЦФА.

Пока ни один дефолт не стал предметом судебного разбирательства, хотя первые исковые заявления уже поданы. В 2014 г. ОИС Токенон предпринял попытку смоделировать первый судебный спор в рамках «контролируемого» дефолта по выпуску ЦФА, обеспеченному залогом. В Арбитражный

суд Удмуртской республики был подан иск об обращении взыскания на заложенное имущество в пользу инвесторов ЦФА. Несмотря на то, что суд удовлетворил данное требование, по мнению экспертов [19], это было сделано скорее по формальным основаниям из-за публичного позиционирования данного спора в качестве контролируемого дефолта. Поэтому данный правовой эксперимент не позволил выявить возможные правовые риски и стать прецедентом для будущих судебных процессов.

Дуализм правового регулирования: pro et contra

Как показало исследование, российский законодатель пошел по пути создания специального правового режима для ЦФА, отличного от правового режима ценных бумаг. Однако анализ легального определения цифровых прав, закрепленного в ст. 141.1 ГК РФ, позволяет сделать вывод, что правовая конструкция цифровых прав (соответственно и ЦФА) основана на концепции ценных бумаг. По своей экономической сущности ЦФА весьма близки к ценным бумагам и могут рассматриваться как разновидность финансовых инструментов. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности создания двух разных правовых режимов для объектов, обладающих сходным экономическим содержанием.

Ведущие зарубежные страны демонстрируют принципиально иной подход, распространив правовое регулирование ценных бумаг на цифровые активы. В США на цифровые активы распространяется правовой режим ценных бумаг, если они соответствуют критериям теста Хоуи (Howey test), который определяет границы инвестиционного контракта как универсального класса ценных бумаг [20. С. 128]. В ЕС токены, выполняющие функции ценных бумаг, квалифицируются в качестве финансовых инструментов и подпадают под действие Директивы ЕС «О рынках финансовых инструментов» 2014/65/EU (MiFID II).

Сформировавшийся в России дуализм правового регулирования создал условия для возникновения регуляторного арбитража. Эмитенты выбирают ЦФА из-за более мягких требований к их выпуску по сравнению с ценными бумагами, например облигациями. Это позволяет им не только сократить свои издержки при привлечении капитала, но и получить финансирование даже в тех случаях, когда традиционные источники капитала, такие как рынок ценных бумаг или банковское кредитование, для них не доступны. Для инвесторов регуляторный арбитраж, наоборот, создает менее выгодные условия, снижая уровень их защищенности и усиливая правовую неопределенность.

Негативный эффект регуляторного арбитражного может проявляться и в сдерживании развития рынка ЦФА. Например, налогообложение долговых ЦФА на практике оказалось менее выгодным по сравнению с традиционными долговыми инструментами, такими как займы и облигации. Учет операций с ЦФА должен осуществляться отдельно, что не позволяет эмитентам

учитывать выплаты инвесторам по ЦФА в составе себестоимости. Выравнивание налогового режима может привлечь новых эмитентов.

Проблемы, связанные с регуляторным арбитражем, очевидны как для участников рынка, так и для регулятора. Несмотря на ряд законодательных инициатив, направленных на гармонизацию законодательства о ЦФА и ценных бумагах, концепция самостоятельного правового режима для ЦФА остается неизменной. Банк России планирует постепенно распространять законодательство о ценных бумагах на те ЦФА, которые обладают сходными характеристиками с традиционными финансовыми инструментами. По мнению регулятора, такой подход позволяет не сдерживать развитие цифровых технологий на финансовом рынке и учитывать их специфику [14]. Соответственно, регуляторный арбитраж рассматривается как драйвер развития рынка цифровых активов.

Но опыт функционирования российского рынка ЦФА не подтвердил завышенных ожиданий. Отсутствие прямых законодательных ограничений в отношении ЦФА не привело к созданию инновационных финансовых продуктов. В то же время отказ от использования инструментов защиты прав инвесторов, аналогичных действующим на рынке традиционных ценных бумаг, в отношении владельцев ЦФА, с одной стороны, привел к нарушению прав таких инвесторов, а с другой – потребовал от регулятора принятия мер по сдерживанию развития рынка ЦФА. Такая противоречивая позиция регулятора не позволила создать благоприятную регуляторную среду для развития инноваций на рынке ЦФА.

Участники рынка настаивают на необходимости внесения изменений в законодательство о ЦФА, направленных на устранение регуляторного арбитража. Однако пока предлагаемые поправки носят преимущественно фрагментарный характер и не способны качественно изменить модель российского рынка ЦФА.

Одним из возможных решений могло бы быть распространение правового регулирования ценных бумаг на отношения, связанные с выпуском и оборотом ЦФА. При этом целесообразно сохранить в Законе о ЦФА те правила, которые обусловлены спецификой цифровых активов как финансовых инструментов. При таком подходе будут лучше защищены права инвесторов как квалифицированных, так и неквалифицированных, что обеспечит их приток на рынок ЦФА и будет способствовать формированию и расширению вторичного рынка. Для минимизации рисков при выпуске инновационных финансовых инструментов в форме ЦФА можно было бы использовать экспериментальный правовой режим, который позволил бы не только оценить экономическую эффективность предлагаемого цифрового актива, но и проверить его соответствие нормативным требованиям. Особое значение формирование правовой среды приобретает при токенизации реальных активов, когда важно юридически обеспечить связь между базовым активом и ЦФА. Поэтому Минфин РФ поддерживает применение экспериментального правового режима при токенизации [9].

В любом случае реформирование правового регулирования рынка ЦФА необходимо начинать с системного анализа проблем развития рынка ЦФА и выработки концептуального представления об оптимальной модели его функционирования. Только на основе стратегического видения перспектив развития рынка ЦФА можно сформировать целостную и непротиворечивую правовую основу, обеспечивающую баланс интересов государства, эмитентов и инвесторов, а также создающую благоприятные условия для финтех-индустрии.

Заключение

Как показало проведенное исследование, в действующем законодательстве о ЦФА заложены системные противоречия и ограничения, препятствующие раскрытию инновационного потенциала ЦФА. Создание для ЦФА специального правового режима не привело к появлению принципиально новых финансовых инструментов, а лишь способствовало возникновению дуализма правового регулирования и условий для регуляторного арбитража. Правовая неопределенность в отношении возможных видов ЦФА, фрагментация инфраструктуры, информационная асимметрия на рынке ЦФА, ограниченный доступ инвесторов и отсутствие механизмов защиты их прав не позволили сформировать вторичный рынок ЦФА, в результате ЦФА остаются низколиквидным активом. Банк России осознает необходимость реформирования рынка ЦФА и инициирует изменения в законодательство, которые носят преимущественно фрагментарный характер и не направлены на изменение концептуальных основ правового регулирования. Для развития рынка ЦФА необходимо перейти от точечных изменений в законодательстве, направленных на решение отдельных проблем, к формированию долгосрочной стратегии правового регулирования, предполагающей отказ от дуализма правового регулирования в отношении ЦФА, и более активного использования экспериментального правового режима для создания инновационных финансовых инструментов в форме ЦФА.

Список источников

1. Захаркина А.В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 504–526. doi: 10.17072/1995-4190-2022-57-504-526
2. Акинфиева В.В. Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав // Ex jure. 2021. № 1. С. 46–55. doi: 10.17072/2619-0648-2021-1-46-55
3. Станкевич В.С., Власов А.В. Обзор цифровых активов. Тенденции развития цифровых финансовых активов в РФ и прогноз развития // Russian Journal of Economics and Law. 2024. № 18 (2). С. 422–452.
4. Попов А.Ю. Цифровые финансовые активы как особый вид финансовых инструментов: вопросы идентификации, классификации и налогообложения // Фундаментальные исследования. 2024. № 8. С. 49–54. doi: <https://doi.org/10.17513/fr.43659>
5. Цифра приказала долгом жить. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommer-sant.ru/doc/7659561> (дата обращения: 25.07.2025).

6. ЦФА: что такое токены на права по эмиссионным ценным бумагам. URL: <https://xn--80a3bf.xn--p1ai/cfa-securities.html> (дата обращения: 25.07.2025).

7. Федотова А.М. Цифровые финансовые активы в РФ: доминирование денежных требований и причины неиспользования иных видов ЦФА. 2025. URL: https://zakon.ru/blog/2025/6/13/cifrovye_finansovy_e_aktivy_v_rf_dominirovanie_denezhnyh_trebovaniy_i_prichiny_neispolzovaniya_inyh_v

8. Решение о выпуске цифровых финансовых активов. URL: https://ato-myze.ru/files/Reshenie-o-vypuske-100.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com

9. Алексей Яковлев: Эксперимент по токенизации можно будет провести на базе инфраструктуры ЦФА-платформ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39719-aleksei_yakovlev_eksperiment_po_tokenizatsii_mozhno_budet_provesti_na_baze_infrastruktury_tsfa-platform (дата обращения: 25.07.2025).

10. Кузьменко Ю.А., Кузьминов А.Н. Экономический и правовой конструктив цифровых финансовых активов и цифровой валюты в Российской Федерации // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 1. С. 100–115.

11. ЦБ РФ займется устранением регуляторного арбитража между ЦФА и традиционными инструментами. URL: <https://www.interfax.ru/russia/987517> (дата обращения: 25.07.2025).

12. Рождественская Т.Э., Гузов А.Г. Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 9 (85). С. 124–134. doi: 10.17803/2311-5998.2021.85.9.124-134

13. Almeida J., Gonçalves T.C. Cryptocurrency market microstructure: a systematic literature review // Annals of Operations Research. 2024. Vol. 332 (1). P. 1035–1068.

14. Шевченко О.М. Цифровое свидетельство – новый вид ценной бумаги // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7. С. 76–82. doi: 10.17803/2311-5998.2020.71.7.076-082

15. Проект Федерального закона № 446411-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О рынке ценных бумаг” и в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 16.04.2025) // СПС «Консультант +».

16. Доклад Банка России «Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации». URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/141991/Consultation_Paper_07112022.pdf (дата обращения: 25.07.2025).

17. Проект указания Банка России «О признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только физическими лицами – гражданами Российской Федерации и российскими юридическими лицами, являющимися квалифицированными инвесторами, о признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых физическими лицами – гражданами Российской Федерации и российскими юридическими лицами, не являющимися квалифицированными инвесторами, может осуществляться только в пределах установленной Банком России суммы денежных средств, передаваемых в их оплату, и о совокупной стоимости иных цифровых финансовых активов, передаваемых в качестве встречного предоставления» (по состоянию на 2 июня 2025) // СПС «Гарант».

18. Перспективные направления развития банковского регулирования и надзора: текущий статус и новые задачи. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=26862> (дата обращения: 25.07.2025).

19. Новоселов А., Матей Е. Итоги судебного процесса по «контролируемому дефолту» эмитента залоговых ЦФА. URL: <https://цфа.рф/negarantirovanniye-garantii-narynke-cfa.html> (дата обращения: 25.07.2025).

20. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. М. : 4 Принт, 2020. 304 с.

References

1. Zakharkina, A.V. (2022) Osnovy tsivilisticheskoy teorii tsifrovyykh finansovykh aktivov [Fundamentals of the Civil Law Theory of Digital Financial Assets]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 57. pp. 504–526. doi: 10.17072/1995-4190-2022-57-504-526
2. Akinfieva, V.V. (2021) Tsifrovye finansovye aktivy kak novyy vid tsifrovyykh prav [Digital Financial Assets as a New Type of Digital Rights]. *Ex jure*. 1. pp. 46–55. doi: 10.17072/2619-0648-2021-1-46-55
3. Stankevich, V.S. & Vlasov, A.V. (2024) Obzor tsifrovyykh aktivov. Tendentsii razvitiya tsifrovyykh finansovykh aktivov v RF i prognoz razvitiya [Review of Digital Assets. Development Trends of Digital Financial Assets in the Russian Federation and Development Forecast]. *Russian Journal of Economics and Law*. 18(2). pp. 422–452.
4. Popov, A.Yu. (2024) Tsifrovye finansovye aktivy kak osobyby vid finansovykh instrumentov: voprosy identifikatsii, klassifikatsii i nalogooblozheniya [Digital Financial Assets as a Special Type of Financial Instruments: Issues of Identification, Classification, and Taxation]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 8. pp. 49–54. doi: 10.17513/fr.43659
5. *Kommersant*. (2025) Tsifra prikazala dolgom zhit' [Digital Ordered to Live in Debt]. 17th April. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/7659561> (Accessed: 25th July 2025).
6. Anon. (n.d.) *TsFA: chto takoye tokeny na prava po emissionnym tsennym bumagam* [CFA: What Are Tokens for Rights to Issued Securities]. [Online] Available from: <https://xn--80a3bf.xn--p1ai/cfa-securities.html> (Accessed: 25th July 2025).
7. Fedotova, A.M. (2025) *Tsifrovye finansovye aktivy v RF: dominiranie denezhnykh trebovaniy i prichiny neispol'zovaniya inyykh vidov TsFA* [Digital Financial Assets in the Russian Federation: The Dominance of Monetary Claims and Reasons for Non-Use of Other Types of DFA] [Online] Available from: https://zakon.ru/blog/2025/6/13/cifrovye_finance_aktivy_v_rf_dominirovanie_denezhnykh_trebovaniy_i_prichiny_neispolzovaniya_inyykh_v (Accessed: 25th July 2025).
8. Trofimov, M.A. (2024) *Reshenie o vypuske tsifrovyykh finansovykh aktivov* [Decision on the Issue of Digital Financial Assets]. [Online] Available from: <https://atomyze.ru/files/Reshenie-o-vypuske-100.pdf> (Accessed: 25th July 2025).
9. Yakovlev, A. (2025) *Eksperiment po tokenizatsii mozjno budet provesti na baze infrastruktury TsFA-platform* [The Tokenization Experiment Can Be Conducted on the Infrastructure of DFA Platforms]. [Online] Available from: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39719-aleksei_yakovlev_eksperiment_po_tokenizatsii_mozhno_budet_provesti_na_baze_infrastruktury_tsfa-platform (Accessed: 25th July 2025).
10. Kuzmenko, Yu.A. & Kuzminov, A.N. (2025) Ekonomicheskiy i pravovoy konstruktiv tsifrovyykh finansovykh aktivov i tsifrovoy valyuty v Rossiyskoy Federatsii [Economic and Legal Construct of Digital Financial Assets and Digital Currency in the Russian Federation]. *Vestnik RGGU. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. 1. pp. 100–115.
11. Interfax.ru. (2024) *TsB RF zaymetsya ustraneniem regul'yatornogo arbitrazha mezhdu TsFA i traditsionnymi instrumentami* [The Bank of Russia Will Engage in Eliminating Regulatory Arbitrage Between DFA and Traditional Instruments]. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/russia/987517> (Accessed: 25th July 2025).
12. Rozhdestvenskaya, T.E. & Guznova, A.G. (2021) Osobennost' pravovogo statusa operatora informatsionnoy sistemy, v kotoroy osushchestvlyayetsya vypusk tsifrovyykh finansovykh aktivov, i operatora obmena tsifrovyykh finansovykh aktivov kak organizatsiy, obespechivayushchikh tsifrovye finansovye tekhnologii [Specifics of the Legal Status of an Information System Operator Issuing Digital Financial Assets and an Exchange Operator of Digital Financial Assets as Organizations Ensuring Digital Financial Technologies]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 9(85). pp. 124–134. doi: 10.17803/2311-5998.2021.85.9.124-134

13. Almeida, J. & Gonçalves, T.C. (2024) Cryptocurrency market microstructure: a systematic literature review. *Annals of Operations Research*. 332(1). pp. 1035–1068.

14. Shevchenko, O.M. (2020) Tsifrovoye svidetel'stvo – novyy vid tsennoy bumagi [Digital Certificate – A New Type of Security]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 7. pp. 76–82. doi: 10.17803/2311-5998.2020.71.7.076-082

15. The Russian Federation. (2025) Proekt Federal'nogo zakona № 446411-8, O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon “O rynke tsennikh bumag” i v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii (red., vnesennaya v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 16.04.2025) [Draft Federal Law No. 446411-8, On Amending the Federal Law “On the Securities Market” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation (ed. submitted to the State Duma, text as of April 16, 2025)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant Plyus.

16. The Russian Federation. (2022) *Doklad Banka Rossii “Razvitie rynka tsifrovyykh aktivov v Rossiyskoy Federatsii”* [Report of the Bank of Russia “Development of the Digital Asset Market in the Russian Federation”]. [Online] Available from: (Accessed: 25th July 2025).

17. The Russian Federation. (2025) *Proekt ukazaniya Banka Rossii “O priznakakh tsifrovyykh finansovykh aktivov, priobretenie kotorykh mozhetsya osushchestvlyat'sya tol'ko fizicheskimi litsami – grazhdanami Rossiyskoy Federatsii i rossiyskimi yuridicheskimi litsami, yavlyayushchimisya kvalifitsirovannymi investorami, o priznakakh tsifrovyykh finansovykh aktivov, priobretenie kotorykh fizicheskimi litsami – grazhdanami Rossiyskoy Federatsii i rossiyskimi yuridicheskimi litsami, ne yavlyayushchimisya kvalifitsirovannymi investorami, mozhetsya osushchestvlyat'sya tol'ko v predelakh ustanovlennoy Bankom Rossii summy denezhnykh sredstv, peredavaemykh v ikh oplatu, i o sovkupnoy stoimosti inyykh tsifrovyykh finansovykh aktivov, peredavaemykh v kachestve vstrechnogo predostavleniya”* (po sostoyaniyu na 2 iyunya 2025) [Draft Directive of the Bank of Russia “On the Features of Digital Financial Assets, the Acquisition of Which May Be Carried Out Only by Individuals Who Are Citizens of the Russian Federation and Russian Legal Entities That Are Qualified Investors, on the Features of Digital Financial Assets, the Acquisition of Which by Individuals Who Are Citizens of the Russian Federation and Russian Legal Entities That Are Not Qualified Investors May Be Carried Out Only Within the Amount of Funds Established by the Bank of Russia Transferred in Payment for Them, and on the Total Value of Other Digital Financial Assets Transferred as Counterprovision” (as of June 2, 2025)]. [Online] Available from: Garant.ru.

18. The Russian Federation. (2025) *Perspektivnye napravleniya razvitiya bankovskogo regulirovaniya i nadzora: tekushchiy status i novye zadachi* [Promising Directions for the Development of Banking Regulation and Supervision: Current Status and New Challenges]. [Online] Available from: <https://cbr.ru/press/event/?id=26862> (Accessed: 25th July 2025).

19. Novoselov, A. & Matey, E. (2025) Itogi sudebnogo protsesssa po “kontroliruemomu defol'tu” emitenta zalogovykh TsFA [Results of the Court Proceedings on the “Controlled Default” of an Issuer of Collateral DFAs]. [Online] Available from: <https://цфа.рф/negarantirovannye-garantii-na-rynke-cfa.html> (Accessed: 25th July 2025).

20. Sannikova, L.V. & Kharitonova, Yu.S. (2020) *Tsifrovyye aktivy: pravovoy analiz* [Digital Assets: A Legal Analysis]. Moscow: 4 Print.

Информация об авторах:

Санникова Л.В. – доктор юридических наук, профессор, профессор Российской академии наук, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия). E-mail: 7718609@mail.ru

Андреева О.И. – доктор юридических наук, доцент, директор, заведующий кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.V. Sannikova, The State Academic University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: 7718609@mail.ru

O.I. Andreeva, Doctor of Law, Associate Professor, Director, Head of the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement Activities of the Law Institute of the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.08.2025;
одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 09.12.2025.*

*The article was submitted 04.08.2025;
approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 09.12.2025.*

Научная статья
УДК 343.8
doi: 10.17223/22253513/58/5

Пробация: правовая природа и институциональная роль

Мария Александровна Сerezкина¹

¹ Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Новокузнецк, Россия, domb2@mail.ru

Аннотация. В условиях современного развития уголовно-исполнительной политики и трансформации подходов к социальной реинтеграции осуждённых проблема институционального оформления probation приобретает особую значимость. Исследование универсальных признаков probation как субинститута уголовно-исполнительного права, её институциональной природы и адаптивного потенциала к национальным правовым традициям является актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения. Это способствует оптимизации уголовно-исполнительной политики, внедрению современных ресоциализационных и профилактических методик, а также интеграции лучших международных практик в национальные системы права.

Ключевые слова: probation, уголовно-исполнительное право, институциональная принадлежность

Для цитирования: Сerezкина М.А. Пробация: правовая природа и институциональная роль // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 65–78. doi: 10.17223/22253513/58/5

Original article
doi: 10.17223/22253513/58/5

Probation: legal nature and institutional role

Maria A. Serezkhina¹

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Novokuznetsk, Russian Federation, domb2@mail.ru

Abstract. Probation occupies a special place in the system of criminal law and requires a precise definition of its role. In Russia, the introduction of probation pursues goals of preventing recidivism and integrating convicted persons into society. Defining the institutional affiliation of probation ensures uniform application of the law, facilitates legislative drafting, and stimulates scholarly research.

Probation originated in the Anglo-American system in the mid-19th century as a response to rising recidivism among juvenile offenders. Initially, it represented a postponement of the execution of punishment and an experimental period under the supervision of the probation service. The successful adoption of probation in Europe gave rise to several models. In English-speaking countries, probation services operate as state or autonomous entities, interact with courts and law enforcement bodies, implement

court decisions, and offer individualized supervision and support programs. Their task is to connect the criminal justice system with social support: assistance in employment, treatment for addictions, restoration of social ties, and the rehabilitation of offenders in society. Probation preserves autonomy in the choice of methods and programs, ensuring a balance between supervision and humanitarianism.

Legislative enshrinement of probation in Russia defined it as the object of interdisciplinary analysis in jurisprudence, pedagogy, and social sciences. Russian scholars A.P. Skiba, P.V. Teplishin, E.V. Ermasov, and P.V. Golodov formulate theoretical foundations, compare international experience, and justify the introduction of new types of probation and the improvement of existing ones, confirming its humanitarian nature and treating probation as part of the penal execution system, performing functions of control and support for persons who have committed offenses, linking the court, the penal enforcement authorities, and social services. An in-depth theoretical and legal analysis of fundamental legal categories led to the conclusion that probation occupies a distinctive place in the system of criminal executive law, functioning as an autonomous functional sub-institution. It satisfies key institutional characteristics and operates as an autonomous element of criminal executive law.

The aim of probation is the correction of offenders' behavior and their preparation for life in society after serving the sentence, as well as the realization of functions of supervision, accompaniment, and provision of comprehensive social assistance. The principles underlying probation's activities are legality, individualization, humanitarianism, and respect for the rights of the individual; to achieve its goals, diverse methodologies are employed, including personalized resocialization programs. Recognition of probation as an autonomous sub-institution of criminal executive law has practical significance: it contributes to a deeper understanding of its role and functions within the system, simplifies the process of formulating and refining the normative-legal framework, and facilitates the development of effective instruments for its implementation.

Keywords probation, criminal executive law, institutional affiliation

For citation: Serezkhina, M.A. (2025) Probation: legal nature and institutional role. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 58. pp. 65–78. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/58/5

Введение

Пробация как правовой механизм занимает особое место в системе уголовного права, отличаясь значительной спецификой, проявляющейся в различных национальных правовых системах. Эта специфика обуславливает необходимость чёткого и однозначного определения институциональной роли probation, а также её содержательных и функциональных особенностей. В современных условиях probation становится всё более востребованной, поскольку способствует снижению уровня преступности, реализации принципов гуманизации уголовной политики, индивидуализации наказания и ресоциализации правонарушителей. Внедрение probation в Российское правовое поле направлено на предотвращение рецидива, сохранение социальных связей осуждённых и их успешную интеграцию в общество, что соответствует актуальным задачам современного уголовного права и политики. В этом контексте особое значение приобретает определение институциональной принадлежности probation, что важно как для правопримените-

лей, так и для теоретиков права. Чёткое установление того, к какому институту или подсистеме относится то или иное правовое явление, обеспечивает единообразие и предсказуемость правоприменительной практики, а также способствует более эффективной реализации соответствующих правовых механизмов. Такой подход позволяет достигать поставленных целей, упрощает разработку и совершенствование законодательства, а также способствует развитию научных исследований в данной области. Анализ институциональной принадлежности пробации имеет не только теоретическую значимость, но и оказывает непосредственное влияние на качество и результативность правоприменительной деятельности, позволяя пробации выполнять свою ключевую функцию – быть эффективным инструментом гуманизации уголовной политики, индивидуализации наказания и ресоциализации правонарушителей в условиях современного общества.

В зарубежных правовых системах

Институт пробации сформировался в англо-американской правовой системе в середине XIX в. как ответ на рост преступности среди несовершеннолетних [1. С. 133]. Первоначально он предусматривал признание обвиняемого виновным, отсрочку исполнения приговора, а также возложение на осуждённого несовершеннолетнего обязанности соблюдать определённые условия в течение испытательного срока, который проходил под контролем службы пробации. Введение испытательного срока основывалось на убеждении, что применение наказания к несовершеннолетнему не всегда необходимо для достижения целей уголовного преследования, в частности – для предотвращения рецидива. Кроме того, экономические соображения усиливали позицию о том, что лица, совершившие деяния, не представляющие серьёзной общественной опасности, не должны подвергаться лишению свободы. Вместо этого к ним целесообразно применять меры, которые, с одной стороны, сохраняют необходимую строгость, а с другой – не требуют значительных государственных расходов на содержание осуждённых в местах лишения свободы. Во второй половине XIX в. успешное внедрение пробации в ряде стран обусловило её быстрое распространение по всей Европе и привело к формированию различных национальных моделей этого института. В результате в европейских правовых системах сложились основные модели пробации.

Пробация в странах англосаксонской правовой семьи (Великобритания, США, Канада) институционально является неотъемлемой частью системы уголовного правосудия. Она занимает промежуточное положение между судебной властью и системой исполнения наказаний, реализуя функции контроля, надзора и реабилитации осуждённых. Пробационные службы действуют как специализированные государственные или полуавтономные органы, подчинённые министерствам юстиции или соответствующим ведомствам по исполнению наказаний, и тесно взаимодействуют с судами, правоохранительными органами и социальными службами. Пробация реализует

решения суда, обеспечивая альтернативу лишению свободы и отсрочку исполнения наказания, а также обеспечивает индивидуализированный надзор за осуждёнными, реализует предписания суда и способствует их социальной реабилитации. Включая значительный реабилитационный компонент, пробация сближает уголовно-исполнительную систему с системой социальной поддержки и профилактики правонарушений, оказывая помощь в трудоустройстве, лечении зависимостей, восстановлении социальных связей и адаптации к жизни в обществе. Несмотря на тесную связь с судебной системой и органами исполнения наказаний, пробационные службы обладают значительной степенью самостоятельности в выборе методов контроля и реабилитации, а также в разработке индивидуальных программ для осуждённых. Таким образом, пробация в англосаксонских странах институционально принадлежит к уголовно-исполнительной системе, выполняя роль самостоятельного и специализированного института, который обеспечивает баланс между контролем, надзором и социальной поддержкой осуждённых.

В государствах романо-германской правовой традиции пробация институционально является частью уголовно-правовой и уголовно-исполнительной системы и тесно интегрирована в государственный механизм обеспечения правосудия и социальной реабилитации правонарушителей. Она функционирует как специализированный государственный институт или служба, находящаяся в ведении министерств юстиции, судебных органов или соответствующих агентств, ответственных за исполнение наказаний и ресоциализацию. Пробационные службы в этих странах обладают официальным статусом, действуют на основе национального законодательства и подчиняются государственным органам, обеспечивая реализацию решений суда на всех стадиях уголовного процесса. Их деятельность направлена не только на контроль за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией от общества, но и на предоставление комплексной поддержки осуждённым, включая психологическую, социальную и профессиональную помощь. Это сближает пробацию с системой социальной политики, однако её институциональная принадлежность всё же остаётся в рамках уголовно-правовой системы, где она выполняет функцию связующего звена между судом, органами исполнения наказаний и структурами социальной поддержки.

Анализ институциональной принадлежности пробации в различных правовых традициях свидетельствует о её устойчивой интеграции в систему уголовного правосудия и уголовно-исполнительного права, несмотря на существующие различия в организационных моделях и степени автономии. В большинстве стран пробация сохраняет свою правовую сущность как института, обеспечивающего оптимальное соотношение между выполнением задач уголовного правосудия и реализацией принципов социальной поддержки и реабилитации осуждённых. Это подтверждает универсальный характер пробации как ключевого элемента уголовно-исполнительной политики, способного адаптироваться к особенностям национальных правовых систем и эффективно способствовать снижению рецидивной преступности посредством комплексного подхода к ресоциализации правонарушителей.

Научный дискурс

С момента законодательного закрепления пробации в России Федеральным законом № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» этот институт стал предметом всестороннего научного анализа в юридических, педагогических и социальных науках. Ведущие отечественные исследователи предлагают различные подходы к определению природы, функций и задач пробации, подчёркивая её междисциплинарный и социально-правовой характер. А.П. Скиба [2], П.В. Тепляшин [3] и Е.В. Ермасов [4] занимают ключевые позиции в разработке теоретических основ пробации в России. Их работы посвящены системному анализу института пробации в контексте реформирования уголовно-исполнительного законодательства. Исследователи акцентируют внимание на необходимости концептуального обоснования пробации, анализируют международный опыт и обосновывают внедрение в России моделей досудебной пробации, что, по их мнению, соответствует современным тенденциям развития уголовной политики и способствует гуманизации уголовного правосудия. По их мнению, пробация является частью уголовно-исполнительной системы, выполняя функции контроля, надзора и поддержки лиц, находящихся на различных стадиях уголовного процесса, но не связанных с изоляцией от общества. Вместе с тем пробация выступает связующим звеном между судебной системой, органами исполнения наказаний и социальными службами, обеспечивая индивидуализированный подход к каждому правонарушителю.

П.В. Голодов рассматривает пробацию как важный элемент современной пенитенциарной политики, подчёркивая её значимость в процессе гуманизации уголовного правосудия и развития альтернативных мер наказания, не связанных с лишением свободы. Он определяет пробацию как комплексную уголовно-правовую меру, объединяющую функции контроля, надзора, поддержки и коррекции социального поведения осуждённых, находящихся вне мест лишения свободы [5]. Благодаря такому подходу пробация выступает не только инструментом контроля, но и эффективным механизмом ресоциализации, направленным на снижение уровня рецидивной преступности и успешную интеграцию осуждённых в общество. Особое внимание в концепции П.В. Голодова уделяется необходимости межведомственного взаимодействия: различные государственные органы – правоохранительные, социальные, медицинские и образовательные учреждения – должны совместно работать над реализацией пробационных программ. Важной составляющей также является активное участие общественных организаций и волонтеров, что способствует формированию атмосферы поддержки и доверия, а также снижает риск стигматизации лиц, находящихся под пробационным надзором. В целом пробация, по мнению П.В. Голодова, представляет собой социально-реабилитационный механизм, способствующий восстановлению социальных связей, преодолению факторов, способствующих совершению

преступлений, и формированию у осуждённых навыков законопослушного поведения.

По мнению И.В. Дворянскова, пробация представляет собой гуманную и некарательную альтернативу уголовному наказанию, направленную на ресоциализацию и социальную адаптацию лиц, совершивших преступления, при этом не лишая их возможности вести законопослушную жизнь без стигматизации [6. С. 49]. Она является эффективным механизмом разрешения социального конфликта, вызванного преступлением, обеспечивая восстановление справедливости и возмещение вреда без применения карательных мер. Вместе с тем пробация не является способом ухода от ответственности, а представляет собой особую форму социальной ответственности, применяемую в случаях, когда уголовное преследование признано нецелесообразным. Основная цель государственной политики в сфере борьбы с преступностью заключается не в безусловной мести, а в предупреждении преступлений и возвращении правонарушителей к нормальной жизни, что делает пробацию важным инструментом гуманного и эффективного реагирования на преступления. Таким образом, И.В. Дворянсков склоняется к тому, что по своей институциональной природе пробация занимает промежуточное положение между уголовным правом и социальной работой, выступая самостоятельным институтом, который обеспечивает баланс между защитой общественных интересов и реализацией принципов гуманизма в уголовной политике [7].

А.В. Новиков рассматривает пробацию как важный элемент уголовно-исполнительной системы, подчёркивая её социально-правовую природу и необходимость межведомственного взаимодействия для успешной ресоциализации осуждённых и профилактики рецидива. По мнению А.В. Новикова, пробация является самостоятельным социально-правовым институтом, интегрированным в структуру уголовно-исполнительной системы, но при этом обладающим собственной спецификой и уникальными задачами [8. С. 462]. Она сочетает в себе функции контроля, надзора, поддержки и сопровождения, направленные на социальную адаптацию правонарушителей, и предполагает участие не только государственных органов, но и общественных организаций. Таким образом, институциональная принадлежность пробации определяется её положением в уголовно-исполнительной системе как особого социально-правового института, который обеспечивает баланс между исполнением наказаний и реализацией принципов социальной поддержки и реабилитации.

Анализ научных подходов к пробации в России показывает значительную общность взглядов среди ведущих исследователей, несмотря на отдельные различия в деталях и акцентах. Все авторы единодушно признают пробацию эффективным инструментом социальной реабилитации, профилактики рецидива и интеграции осуждённых в общество. Особо подчёркивается, что пробация не существует изолированно от уголовного права: её

применение тесно связано с фактом совершения преступления и исполнением наказания. Это обстоятельство служит убедительным основанием для рассмотрения пробации как субинститута уголовно-исполнительного права.

Теоретическое обоснование

В современной юридической науке субинститут права определяется как упорядоченная совокупность правовых норм, регулирующих специфическую разновидность общественных отношений, находящихся внутри более крупного правового института. Субинститут формируется в рамках института права и представляет собой его органическое образование, основанное на систематизации и обособлении норм, что позволяет выявить его отличительные признаки и особенности функционирования в системе права. К основным признакам субинститута права относят: упорядоченность и системность, внутреннюю подчинённость базовому институту, регулирование видовых общественных отношений, единство и согласованность норм, необходимость и логичность выделения в структуре института [9. С. 10]. Все эти признаки отчётливо проявляются в нормативном регулировании пробации в российском законодательстве. Пробация получила законодательное закрепление с принятием Федерального закона № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Нормативные положения этого закона тесно связаны с положениями Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, особенно с целями уголовно-исполнительного законодательства, что подтверждает функциональную подчинённость субинститута пробации базовому институту уголовно-исполнительного права. В научной литературе пробация рассматривается как публично-правовой, процедурный и комплексный субинститут, нормы которого рассредоточены в различных нормативных актах и обладают императивным характером регулирования [10. С. 128].

Пробация охватывает широкий спектр мероприятий, включая содействие в трудоустройстве и восстановлении социальных связей, обеспечение жильём, получение образования и профессиональной подготовки, предоставление медицинской, психологической и юридической помощи, а также реализацию права на социальное обслуживание и получение социальных выплат. Комплексность пробации обусловлена тем, что она интегрирует нормы разных отраслей права – уголовного, уголовно-исполнительного, административного, трудового, социального и других. Однако, несмотря на межотраслевой характер отдельных нормативных предписаний, пробация сохраняет свою институциональную привязку к уголовно-исполнительному праву, что позволяет квалифицировать её как субинститут именно этой отрасли. В юридической доктрине подчёркивается, что пробация как субинститут уголовно-исполнительного права обладает самостоятельной системой норм, регулирующих отношения по ресоциализации и социальной адаптации осуждённых, выполняет интегративную функцию, объединяя усилия различных государственных и общественных институтов, а также

способствует реализации целей уголовно-исполнительного законодательства, включая предупреждение рецидива и успешную реинтеграцию лиц, отбывших наказание, в общество. П.В. Тепляшин отмечает, что пробация как субинститут может включать нормы различной отраслевой принадлежности, но при этом сохраняет свою первичную институциональную связь с базовым институтом права, что подтверждает её органичность в системе уголовно-исполнительного права [10. С. 129].

В теории государства и права такие категории, как цель, принципы, методы и объект правового регулирования, являются основными характеристиками любого правового образования – отрасли, института или субинститута права. Они отражают внутреннюю организацию и специфику правового регулирования. Пробация как элемент уголовно-исполнительного права обладает специфическими признаками, определяющими её правовую природу и функции. Её основная *цель* – коррекция социального поведения осуждённых посредством мер ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации. Ключевая задача пенитенциарной probation заключается в профилактике рецидива преступлений за счёт восстановления социальных связей, содействия трудоустройству, решения жилищных вопросов и предоставления комплексной помощи осуждённым. Законодательство закрепляет за пенитенциарной probation особую цель – исправление осуждённых, находящихся в местах лишения свободы или отбывающих наказание в виде принудительных работ, а также их подготовку к освобождению. Эта цель отличает пенитенциарную probation от других видов probation. Вместе с тем, по мнению ряда исследователей, расширение функций пенитенциарной probation может привести к дублированию задач между различными службами, усложнению организационной структуры и возникновению коллизий между нормами законодательства. Это, в свою очередь, негативно сказывается на эффективности исправительного процесса и может вызвать правовую неопределённость [11. С. 201].

Функциональная составляющая пенитенциарной probation заключается в организации и реализации комплекса мероприятий, направленных на достижение целей, установленных законодательством. Этот процесс предполагает системное и многоуровневое взаимодействие широкого круга субъектов probationной деятельности, что способствует координации и эффективности принимаемых мер. К субъектам пенитенциарной probation относятся учреждения уголовно-исполнительной системы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации социального обслуживания, коммерческие и некоммерческие организации, а также научные, медицинские и образовательные учреждения, индивидуальные предприниматели и граждане. Для достижения таких целей, как исправление осуждённых, их подготовка к освобождению, социальная адаптация и реабилитация, все перечисленные субъекты взаимодействуют между собой, а также с самим осуждённым, используя методы, предусмотренные Федеральным законом № 10-ФЗ. В рамках probation

ционной деятельности реализуются различные меры: проводится социальная и воспитательная работа, оказывается психологическая помощь, осуществляется содействие в восстановлении и оформлении утраченных документов, предоставляется информация о возможностях профессионального обучения и трудоустройства, обеспечивается доступ к медицинскому и пенсионному страхованию, а также оказывается помощь в получении социального жилья и иной необходимой поддержки. Такой комплексный подход способствует повышению эффективности исправительного процесса и успешной ресоциализации осуждённых.

Системообразующими *принципами* пробации являются приоритет прав и законных интересов личности, гуманизм, законность, рациональность применяемых мер принуждения, мер исправительного, социального и иного характера, мер стимулирования правопослушного поведения, открытость, преемственность, непрерывность и добровольность. Эти принципы составляют фундамент правового регулирования субинститута пробации, определяя его специфику и отличия от других институтов уголовно-исполнительного права. Особое значение имеет проблема противоречия между принципом рациональности применения мер принуждения и принципом добровольности, закреплёнными в Федеральном законе № 10-ФЗ «О пробации в РФ». Принцип рациональности требует, чтобы меры принуждения применялись строго обоснованно с учётом конкретных обстоятельств и индивидуальных особенностей осуждённого, что подразумевает определённую степень обязательности и даже принудительности. В то же время принцип добровольности ориентирован на активное и осознанное участие осуждённого в программах пробации, предполагая свободу выбора и отсутствие давления. Возникновение данной коллизии обусловлено стремлением объединить в рамках одного института элементы как принудительного, так и добровольного воздействия, чтобы обеспечить баланс между необходимостью государственного контроля и уважением к личной свободе и инициативе осуждённого. На практике одновременная реализация этих принципов затруднена: применение мер принуждения способно нивелировать добровольность участия, а акцент на добровольности – снизить эффективность контроля и коррекции поведения. Для преодоления этой коллизии требуется дальнейшая научная разработка вопросов соотношения и конкуренции принципов права, а также выработка чётких критериев разграничения сфер применения каждого из них. В частности, возможно определение приоритета одного из принципов в зависимости от стадии пробационного процесса или категории осуждённых, а также создание гибких механизмов, позволяющих сочетать элементы принуждения и добровольного участия без ущерба для эффективности пробации и соблюдения прав личности. Несмотря на выявленное противоречие, можно утверждать, что пробации присущи основные начала и положения, необходимые для достижения её целей. Эти принципы, хотя и не полностью совпадают с принципами уголовно-исполнительного права, отражают специфику субинститута и обеспечивают его самостоятельность в системе уголовно-исполнительного законодательства.

Методологическая специфика пробации, включая её пенитенциарный вариант, заключается в преобладании диспозитивных методов правового регулирования. Это придаёт пробационному воздействию необходимую гибкость, позволяя учитывать индивидуальные особенности осуждённых, обстоятельства совершённого преступления и их социальные потребности. Такой подход способствует не только более точному прогнозированию риска рецидива, но и формированию индивидуальных траекторий ресоциализации, нацеленных на устойчивое восстановление социального статуса лица, совершившего правонарушение. В основе методов пробации лежат социальная и воспитательная работа. Социальная работа направлена на восстановление и укрепление социальных связей, содействие трудоустройству, решение жилищных и бытовых вопросов, а также информирование осуждённых о доступных социальных гарантиях и возможностях их получения. Воспитательная деятельность включает формирование правопослушных установок, развитие конструктивных моделей поведения, повышение уровня правовой культуры и осознание личной ответственности. Особое значение имеет предоставление психологической помощи, включающей диагностику и коррекцию психологических проблем, поддержку в преодолении стрессовых ситуаций, повышение самооценки, развитие рефлексии и самоконтроля. Пенитенциарная пробация занимает особое место в системе пробационного воздействия и ориентирована на подготовку осуждённых к освобождению и жизни на свободе. В данной сфере пробация реализует межинституциональное взаимодействие с учреждениями уголовно-исполнительной системы, органами социальной защиты, службами занятости и медицинскими организациями, что усиливает её интеграционную функцию и эффективность. Хотя многие из перечисленных методов применяются и в других институтах уголовно-исполнительного права, именно в пробации основное внимание уделяется формированию и развитию у лиц, совершивших преступление, знаний, умений и навыков, необходимых для ведения правопослушной жизни в обществе. Такой акцент на образовательной, воспитательной и адаптационной работе придаёт пробации особую уникальность и позволяет выделить её специфические институциональные черты.

Объект правового регулирования пробации, включая её пенитенциарное направление, представляет собой весьма сложную, разветвлённую и многоуровневую систему общественных отношений, в которых отражается весь спектр взаимодействий между государством, специализированными учреждениями, сотрудниками пробации, поднадзорными лицами и даже их непосредственным социальным окружением. В процессе создания, внедрения и функционирования системы пробации возникают устойчивые отношения между органами государственной власти (например, службами занятости, органами опеки и попечительства и др.) и учреждениями, специализированными на реализации пробационных программ (в России – учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы). Особую роль в этой системе играют отношения между сотрудниками, реализующими пробацию, и лицами, к которым пробация применяется: здесь должен быть не

только непосредственный контроль, но и построение доверительных, консультативных, воспитательных и коррекционных связей. В рамках пробации формируются разнообразные общественные отношения: регулирование порядка и содержания индивидуальных программ пробационного сопровождения, где значительное внимание уделяется адаптации и персонификации методик; вопросы внутреннего и межведомственного взаимодействия между государственными органами и организациями гражданского общества для комплексной поддержки лиц, являющихся получателями пробации; применение мер поощрения, дисциплинарного воздействия, коррекции поведения, обеспечения мотивации правопослушных форм поведения. Особенно сложной областью является пенитенциарная пробация, которая охватывает отношения, направленные на содействие поэтапной социальной адаптации осуждённых и их интеграции в общество. Здесь объектом правоотношений становятся не только официальные контакты между субъектами системы, но и такие важные направления, как: индивидуальная работа по восстановлению и развитию утраченных или повреждённых социальных связей; организация мер по трудоустройству, получению образования, профессиональной подготовке, консультационной и юридической поддержке; содействие в решении бытовых, жилищных и материальных вопросов, а также профилактика попадания в негативные социальные среды и т.д. Преемником пенитенциарной пробации выступает пробация постпенитенциарная, в рамках которой особый акцент сделан на социальных программах поддержки, так как именно они превентивно способствуют предотвращению рецидива, формированию у бывших осуждённых навыков правопослушного образа жизни и востребованности в обществе.

Таким образом, объект правового регулирования пробации охватывает широкий и динамично изменяющийся комплекс общественных отношений, который обеспечивает выполнение главной цели системы – постепенную и устойчивую интеграцию лиц, совершивших преступление, в общество, снижение рецидива и, как следствие, укрепление общественной безопасности.

Заключение

На основе всестороннего теоретического анализа ключевых правовых категорий можно утверждать, что пробация занимает особое место в системе уголовно-исполнительного права, формируясь как самостоятельный функциональный субинститут с уникальными характеристиками. Пробация соответствует всем необходимым институциональным признакам, что даёт основание рассматривать её как самостоятельный субинститут уголовно-исполнительного права. Её сущность определяется чётко сформулированной целью, направленной на исправление осуждённых и их подготовку к полноценной жизни в обществе после освобождения, а также выполнением специфических функций контроля, сопровождения и оказания комплексной социальной помощи. В основе деятельности пробации лежат принципы закон-

ности, индивидуализации, гуманизма и уважения прав личности, а для достижения поставленных целей используются разнообразные методы, включая разработку и реализацию индивидуальных программ ресоциализации. Определение пробации в качестве самостоятельного субинститута уголовно-исполнительного права обладает существенным практическим значением, поскольку способствует более точному и глубокому пониманию её роли и функций в уголовно-исполнительной системе. Это, в свою очередь, облегчает формирование и совершенствование законодательной базы, регулирующей пробационные отношения, способствует разработке эффективных механизмов реализации пробационных программ.

Список источников

1. Kamiński R. Characteristics of Selected Institutions of Probation in the Context of the Participation of Non-Governmental Organizations in their Implementation // *Białostockie Studia Prawnicze*. 2016. Vol. 21. P. 133–145.

2. Ермасов Е.В., Тепляшин П.В., Скиба А.П. Перспективы введения досудебной пробации в Российской Федерации // *Уголовно-исполнительное право*. 2024. Т. 19 (1–4), № 1. С. 12–28.

3. Тепляшин П.В. Некоторые аспекты соотношения института условно-досрочного освобождения и субинститута пробации // *Правовая система России: история, современность, тенденции развития* : сб. материалов XI заоч. науч.-практ. конф. с междунар. участием (посвященный 300-летию науки в России), Благовещенск, 26 февраля 2024 г. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2024. С. 223–229.

4. Ермасов Е.В. Пробация и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации: вопросы соотношения сфер правового регулирования // *Уголовно-исполнительное право*. 2024. Т. 19, № 4. С. 520–533.

5. Голодов П.В. Проблемы законодательного регулирования пробации в Российской Федерации // *Административное право и процесс*. 2023. № 7. С. 9–11.

6. Дворянсков И.В. Пробация: истоки, концепция, апробация // *Преступление, наказание, исправление* : материалы VI междунар. пенитенциарного форума, приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», Рязань, 15–17 ноября 2023 г. Рязань : Академия ФСИН России, 2023. С. 44–50.

7. Дворянсков И.В. Постпенитенциарная пробация: концептуальные принципы // *Пенитенциарная наука*. 2024. Т. 18, № 2 (66). С. 179–186.

8. Новиков А.В. Социально-правовая природа института пробации в Российской Федерации // *Вопросы российского и международного права*. 2024. Т. 14, № 4А. С. 462–469.

9. Усенко С.П. Субинституты российского уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 32 с.

10. Тепляшин П.В. Пробация как субинститут уголовно-исполнительного права // *Вестник Кузбасского института*. 2023. № 3 (56). С. 126–135.

11. Чорный В.Н. Характеристика пробации зарубежных государств и особенности формирования института пробации в законодательстве России // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тез. выступлений и докл. участников (приурочен к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»), Рязань, 15–17 нояб. 2023 г. Рязань : Академия ФСИН России, 2023. С. 195–201.

References

1. Kamiński, R. (2016) Characteristics of Selected Institutions of Probation in the Context of the Participation of Non-Governmental Organizations in their Implementation. *Białostockie Studia Prawnicze*. 21. pp. 133–145.
2. Ermasov, E.V., Teplyashin, P.V. & Skiba, A.P. (2024) Perspektivy vvedeniya dosudebnoy probatsii v Rossiyskoy Federatsii [Prospects for Introducing Pre-Trial Probation in the Russian Federation]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 19(1–4/1). pp. 12–28.
3. Teplyashin, P.V. (2024) Nekotore aspekty sootnosheniya instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya i subinstituta probatsii [Some Aspects of the Correlation Between the Institute of Parole and the Sub-Institute of Probation]. *Pravovaya sistema Rossii: istoriya, sovremennost', tendentsii razvitiya* [The Legal System of Russia: History, Current State, and Development Trends]. Proc. of the 11th Conference. Blagoveshchensk, February 26, 2024. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 223–229.
4. Ermasov, E.V. (2024) Probatsiya i ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii: voprosy sootnosheniya sfer pravovogo regulirovaniya [Probation and the Penal Legislation of the Russian Federation: Issues of Correlation of Legal Regulation Spheres]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 19(4). pp. 520–533.
5. Golodov, P.V. (2023) Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya probatsii v Rossiyskoy Federatsii [Problems of Legislative Regulation of Probation in the Russian Federation]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 7. pp. 9–11.
6. Dvoryanskov, I.V. (2023) Probatsiya: istoki, kontseptsiya, aprobatsiya [Probation: Origins, Concept, Testing]. *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Crime, Punishment, Correction]. Proc. of the Sixth International Penitentiary Forum dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and Law of the Russian Federation No. 5473-I of July 21, 1993, "On the Institutions and Bodies of the Penal System of the Russian Federation", Ryazan, November 15–17, 2023. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 44–50.
7. Dvoryanskov, I.V. (2024) Postpenitentsiarnaya probatsiya: kontseptual'nye printsipy [Post-Penitentiary Probation: Conceptual Principles]. *Penitentsiarnaya nauka*. 18(2/(66)). pp. 179–186.
8. Novikov, A.V. (2024) Sotsial'no-pravovaya priroda instituta probatsii v Rossiyskoy Federatsii [The Socio-Legal Nature of the Institute of Probation in the Russian Federation]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. 14(4A). pp. 462–469.
9. Usenko, S.P. (2023) Subinstituty rossiyskogo ugolovnogo prava [Sub-Institutes of Russian Criminal Law]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
10. Teplyashin, P.V. (2023) Probatsiya kak subinstitut ugolovno-ispolnitel'nogo prava [Probation as a Sub-Institute of Penal Law]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 3(56). pp. 126–135.
11. Chorny, V.N. (2023) Kharakteristika probatsii zarubezhnykh gosudarstv i osobennosti formirovaniya instituta probatsii v zakonodatel'stve Rossii [Characteristics of Probation in Foreign States and Specifics of Forming the Institute of Probation in Russian Legislation]. *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Crime, Punishment, Correction]. Proc. of the Sixth International Penitentiary Forum dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and Law of the Russian Federation No. 5473-I of July 21, 1993, "On the Institutions and Bodies of the Penal System of the Russian Federation", Ryazan, November 15–17, 2023. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 195–201.

Информация об авторе:

Сережкина М.А. – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, подполковник внутренней службы (Новокузнецк, Россия). E-mail: domb2@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.A. Serezhkina, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: domb2@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.09.2025;
одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 09.12.2025.*

*The article was submitted 22.09.2025;
approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 09.12.2025.*

Проблемы частного права / Problems of the private law

Научная статья

УДК 347.9

doi: 10.17223/22253513/58/6

Возбуждает ли теперь суд гражданские дела по собственной инициативе? (к новеллизации ГПК РФ Федеральным законом от 12.06.2024 № 135-ФЗ)

Тигран Тигранович Алиев¹, Андрей Владимирович Юдин²

¹ *Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия, tta70@mail.ru*

² *Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С.П. Королева, Самара, Россия, yudin77@ssau.ru*

Аннотация. Федеральным законом от 12.06.2024 № 135-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» часть вторая статьи 313 ГПК РФ была дополнена положением, которое позволяет суду общей юрисдикции возбуждать по собственной инициативе такую категорию дел особого производства, как дела о восстановлении утраченного судебного производства. Несмотря на специальный характер данной процессуальной нормы, нельзя не заметить, что она посягает на фундаментальное положение гражданского процесса о невозможности возбуждения судом гражданских дел по собственной инициативе. Правило «нет судьи без истца» является аксиомой. Предпринятый авторами анализ нововведения показал отсутствие реальной необходимости в подобной новеллизации. Восстановление утраченного судебного производства для целей использования полученных материалов в другом рассматриваемом гражданском деле достигалось либо путем предоставления истцу возможности соединения соответствующих требований, возможности заявления ходатайства о восстановлении в рамках уже рассматриваемого дела, либо путем предоставления такого права суду. Таким образом, восстановление утраченного судебного производства может быть произведено в порядке обращения заявителя в суд по делу особого производства (как и было ранее) либо посредством предоставления суду права инициировать восстановление в уже рассматриваемом деле путем постановки данного вопроса на обсуждение сторон в режиме получения доказательств.

Ключевые слова: восстановление утраченного судебного производства, принцип диспозитивности, особое производство, инициатива суда, возбуждение гражданского дела, соединение требований, заявление ходатайства

Для цитирования: Алиев Т.Т., Юдин А.В. Возбуждает ли теперь суд гражданские дела по собственной инициативе? (к новеллизации ГПК РФ Федеральным законом от 12.06.2024 № 135-ФЗ) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 79–90. doi: 10.17223/22253513/58/6

Original article

doi: 10.17223/22253513/58/6

Does the court now initiate civil cases on its own initiative? (to the novelization of the Civil Procedure Code of the Russian Federation by Federal Law No. 135-FZ 12.06.2024)

Tigran T. Aliev¹, Andrei V. Yudin²

¹ *Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation,
tta70@mail.ru*

² *Samara National Research University, Samara Russian Federation, yudin77@ssau.ru*

Abstract. The civil process does not require special evidence, according to which the court cannot initiate civil cases on its own initiative. In various historical eras, this rule was considered a stronghold of the principle of disposition. The article uses historical, normative, and doctrinal material to demonstrate that exceptions to this rule, if they existed, were rare and exceptional, and existed in a specific historical context with an investigative civil process and exaggerated public principles.

By Federal Law No. 135-FZ dated June 12, 2024, "On Amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation," Part Two of Article 313 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation was supplemented with five new words, resulting in the following procedural norm regarding one of the categories of special proceedings: "A case for the restoration of a lost judicial proceeding is initiated upon the application of the parties to the case, as well as at the initiative of the court."

It is hypothesized that the basis of the permissible exception to the rule is the legislator's doubt about the procedural nature of the relations that arise here, i.e., the evolution of the idea of the non-procedural nature of the court's activities to restore the lost judicial proceedings, as was the case in the Civil Procedure Code of the RSFSR, when this category of cases existed as an appendix to the code. As another hypothesis, it is considered that if the plaintiff had previously expressed their will to initiate a case that was subsequently lost, then a second expression of will may no longer be necessary. However, the authors conclude that there is no reason to deny the just and procedural nature of the activities and relations that arise when the issue of restoring a lost judicial proceeding is addressed.

The court's right to initiate proceedings to restore a lost court case on its own initiative is significant in cases where the court faces the need to restore lost materials during the consideration of other cases that are somehow related to the lost case, or in cases where the parties seek to enforce (implement) a court order related to the lost case. This means that the court-initiated proceedings are likely to be dependent on another ongoing case that may require the restoration of a related case.

It is concluded that the court's initiation of the issue of restoring a lost judicial proceeding is not the initiation of a case by the court acting as an independent entity, but rather the forced completion of the materials of another case under consideration. The court should be given the right to initiate the restoration of lost judicial proceedings in an ongoing case, just as it initiates the collection of additional evidence.

Keywords: restoration of lost judicial proceedings, the principle of dispositivity, special proceedings, court initiative, initiation of a civil case, joining of claims, application for petition

For citation: Aliev, T.T. & Yudin, A.V. (2025) Does the court now initiate civil cases on its own initiative? (to the novelization of the Civil Procedure Code of the Russian

Federation by Federal Law No. 135-FZ 12.06.2024). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 58. pp. 79–90. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/58/6

Постановка проблемы

Незыблемое правило цивилистического процесса, давно возведенное в ранг аксиомы, относительно того, что «нет судьи без истца» [9. С. 10], оказалось подвергнуто сомнению в результате изменения процессуального закона. Хотя речь и идет о частных случаях, посягающих на правило фундаментального характера, но тем интереснее проследить, обнаружило ли такое правило всеобщего характера устойчивость и чем порождена необходимость отступления от основ процесса.

Указанное правило считается оплотом принципа диспозитивности, о чем писали очень многие авторы в различные исторические эпохи. Для иллюстрации вневременного характера этого правила приведем мнения процессуалистов трех веков: «суд не производит гражданских дел без просьбы заинтересованных лиц» [6. С. 359] – пишет К. Малышев в XIX в.; «право возбуждения дела в суде, то есть право использования процессуальных средств судебной защиты гражданских прав, принадлежит субъекту спорного гражданского правоотношения» [1. С. 34] – отмечает С.Н. Абрамов в середине XX в.; ограниченность круга субъектов, имеющих право на возбуждение гражданских и административных дел, исключаяющая суд в качестве такого субъекта, стала общим местом в работах процессуалистов XXI в. [8. С. 151].

В ст. 2 ГПК РСФСР 1923 г. подчеркивалось, что «суд приступает к рассмотрению дела не иначе, как по заявлению заинтересованной в том стороны»¹. Исключения из указанного правила относились к периоду становления гражданского процессуального законодательства, имели единичный и исключительный характер.

Например, согласно ст. 2 ГПК РСФСР 1923 г., «дела о взыскании с родителей средств на содержание детей (алиментов) принимаются к производству в судах ... также по инициативе суда, по иску прокурора, органа охраны материнства и младенчества, опеки или профсоюза»². В силу пункта «г» ст. 321 ГПК РСФСР 1923 г., право возбуждения дела об открытии несостоятельности принадлежало в том числе суду.

ГПК РСФСР 1964 г. устанавливал, что «суд по делам о восстановлении на работе незаконно уволенных или переведенных работников при установлении того, что увольнение или перевод были произведены с явным нарушением закона, имел право в том же процессе “возложить на виновное должностное лицо обязанность возместить... ущерб, причиненный в связи

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1923. № 46–47. Ст. 478.

² СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

с оплатой за время вынужденного прогула или за время выполнения нижеоплачиваемой работы”»¹ (ст. 39). Однако и это правило, от которого законодатель отказался в ГПК РФ 2002 г., не могло позиционироваться в качестве примера возбуждения судом дела по собственной инициативе.

Тем не менее в период, казалось бы, нераздельного господства повсеместно утвердившегося принципа диспозитивности он оказался поставлен под сомнение.

Федеральным законом от 12.06.2024 № 135-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»² часть вторая ст. 313 ГПК РФ была дополнена пятью новыми словами, в результате чего данная процессуальная норма, посвященная одной из категорий дел особого производства, приобрела следующий вид: «дело о восстановлении утраченного судебного производства возбуждается по заявлениям лиц, участвующих в деле, **а также по инициативе суда**».

Насколько применено здесь *exceptio probat regulam in casibus non exceptis* («исключение подтверждает правило»)? И могут ли вообще по определению существовать исключения из правила относительно невозбуждения судом дела по собственной инициативе? Как показала практика законотворчества, такие исключения оказались возможны.

Основное содержание

Этот частный случай изменения гражданского процессуального законодательства, продиктованный потребностями практической деятельности, мог бы остаться в целом незамеченным, если бы его принятие не посягало на считавшуюся до сего времени незыблемой аксиому цивилистического процесса относительно того, что **суд не возбуждает гражданские дела по собственной инициативе**.

Реформируя рассматриваемое производство, законодатель, вероятно, находился под влиянием исторического опыта и опыта регулирования смежных процессуальных отношений в арбитражном судопроизводстве. Возрождение интереса к проблематике восстановления утраченного судебного производства периодически наблюдается в науке [3. С. 46–50; 4. С. 191–216; 5. С. 69–70; 7. С. 29–32].

В исторической ретроспективе можно заметить, что ГПК РСФСР 1964 г. регулировал восстановление утраченного судебного производства в Приложении № 2 к кодексу. Статья 1 данного Приложения прямо устанавливала, что «Утраченное судебное или исполнительное производство по гражданскому делу может быть восстановлено судом по заявлению лиц, участвовавших в деле, прокурора, **а также по инициативе суда**».

Таким образом, обсуждаемая новелла есть не что иное, как возрождение нормы ГПК РСФСР 1964 г. с той лишь разницей, что советский процессуальный кодекс не определял дела о восстановлении утраченного судебного

¹ Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

² Собрание законодательства РФ. 17.06.2024. № 25. Ст. 3399.

производства в качестве **самостоятельной категории гражданских дел особого или какого-то иного производства.**

Несмотря на то, что правила Приложения № 2 к ГПК РСФСР 1964 г. имели квазипроцессуальный характер (регламентировались требования к обращению в суд, доказательственная деятельность, условия освобождения от судебных расходов и пр.), законодатель той эпохи воздерживался от определения соответствующей процедуры в качестве деятельности по управлению правосудия или деятельности, имеющей качество деятельности процессуальной. При таких условиях инициатива в возбуждении процедуры по инициативе суда ничего предосудительного не имела.

Характерно, что в еще более раннем акте восстановление утраченного судебного производства осуществлялось по заявлению заинтересованного лица в судебный орган, и возбуждение судом таких дел по собственной инициативе предусмотрено не было (см., например, п. 3 Инструкции НККХ РСФСР № 506, Наркомюста РСФСР № Б-И-7 от 05.10.1942 «О порядке восстановления документации на право владения строениями и пользования земельными участками в местностях, где указанная документация утрачена в связи с условиями военной обстановки»¹).

Обращаясь к опыту регулирования сходных отношений в арбитражном судопроизводстве, заметим, что в п. 16 Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации, утвержденной Постановлением Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)»², во-первых, соответствующая операция определена как «делопроизводство по восстановлению утраченных судебных дел»; во-вторых, дело может быть восстановлено судом не только по заявлению лиц, участвовавших в деле, но и по инициативе суда (аб. 2 п. 16.1). Если придавать рассматриваемой процедуре значение, не выходящее за рамки отношений по делопроизводству [2. С. 183–224], то инициатива в ее возбуждении никакого принципиального значения не имеет.

В изложенном контексте реализованная законодательная инициатива может расцениваться как постановка под сомнение процессуального характера возникающих отношений. Возможно, в основе передачи данного вопроса инициативе суда лежит эволюционирование идеи о непроцессуальном характере деятельности суда по восстановлению утраченного судебного производства, поскольку, как отмечено, **ранее такой порядок был вне ГПК РСФСР (как приложение к кодексу, возможно, технического характера), а сейчас применительно к арбитражному судопроизводству является порядком делопроизводства, а не судопроизводства.**

¹ Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22.03.1942 по 01.05.1943. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943.

² Доступно в ИПС «КонсультантПлюс».

Также не лишено резона рассуждение, что если уже однажды процесс состоялся, то допустимо ли повторное судебное рассмотрение тех же правоотношений; если же считать предметом судебного рассмотрения отношения процессуальные, пришедшие в состояние неопределенности из-за утраты судебного производства, то насколько вообще данный вопрос может являться предметом судебного рассмотрения? По нашему убеждению, нет оснований для отрицания правосудного и процессуального характера деятельности и отношений, складывающихся при решении вопроса о восстановлении утраченного судебного производства. Решение законодателя о включении данной категории дел в корпус дел особого производства вполне оправданно.

Парируя сформулированный нами в предыдущем абзаце довод о повторном судебном рассмотрении тех же отношений и о процессуальных отношениях, пришедших в состоянии спорности, можно сделать такое допущение: а что, если заявление о восстановлении является ложным, ошибочным и в действительности подобное судебное производство отсутствовало? Задача суда в виде отклонения необоснованных притязаний – уже достаточный аргумент в пользу подчинения рассмотрения таких дел судебному порядку. Если вдруг восстановленное в неkritичной и несостязательной делопроизводственной процедуре судебное производство никогда не существовало или существовало в абсолютно другом виде, то не будет ли отказ от судебного порядка лазейкой для недобросовестных лиц?

Таким образом, если восстановление утраченного судебного производства – это судебное производство, отнесенное к бесспорному особому производству, то и все правила, касающиеся субъекта инициативы в возбуждении процесса, должны действовать здесь в полной мере.

Следовательно, требуется оценить, достаточно ли аргументов в пользу предоставления суду права возбуждать дела о восстановлении утраченного судебного производства по собственной инициативе.

1. На первый план выходит довод, что в основе предоставления суду права возбуждения дела по собственной инициативе лежит «промах» («чувство вины») самого суда, поскольку дело утрачено (уничтожено и т.п.) не по вине заявителя, а по причинам, так или иначе связанным с деятельностью суда; поэтому было бы негуманно заставлять лицо вновь предпринимать меры по восстановлению своего права. Облегчить его положение можно в том числе посредством инициативного возбуждения дела по восстановлению утраченного судебного производства.

Иными словами, инициатива юридически заинтересованного лица важна для возбуждения **первого дела**, но когда речь идет о возбуждении **второго дела**, связанного с восстановлением первого, инициатива отступает на второй план, ведь однажды такое лицо уже проявило свою инициативу.

Однако такие рассуждения могут привести к тому, что все дела, в основе которых лежат факты, относящиеся к ненадлежащей судебной деятельности, могли бы возбуждаться и без просьбы заявителя. В частности, о возме-

щении вреда, причиненного при отправлении правосудия; о взыскании с ответчика санкций, связанных с неисполнением обязательств перед истцом, в результате длительного рассмотрения дела судом и пр.

2. Можно также сослаться на публичный характер подобных дел, отнесенных к числу дел особого производства. Преследуемая здесь судом цель и преследуемый заявителем интерес – очевидны.

Однако в других, не менее значимых с позиций защиты публичного и общественного интереса, делах особого производства суд все равно не имеет права возбуждать дела по собственной инициативе. Например, почему бы не передать тогда суду право признавать лиц недееспособными по собственной инициативе при получении соответствующей информации об этом? Ведь определение статуса лица, возможное предупреждение причинения им вреда будет отвечать общим интересам. Такие рассуждения можно парировать вполне очевидным образом, следовательно, и этот довод нельзя признать универсальным для обоснования передачи суду право возбуждать дела по собственной инициативе.

По нашему мнению, оценка предпринятой новеллизации и порожденные ею последствия должны основываться на следующем.

Сложно представить ситуацию, при которой участники былых споров, отстоящих по времени от текущего момента на неопределенно длительное время (как известно, такой срок не установлен нормативно и может составлять хоть столетие, если речь не идет о восстановлении для целей исполнения – ч. 2 ст. 318 ГПК РФ), вдруг получают извещение от суда о возобновлении своего ранее рассмотренного дела в форме возбуждения вопроса о восстановлении утраченного судебного производства. Также невозможно представить ситуацию, при которой бы суд осуществлял мониторинг ранее имевших место в истории дел на предмет их восстановления при обнаружении недостаточной сохранности.

Явно, что право суда на возбуждение дел о восстановлении утраченного судебного производства по собственной инициативе значимо в случаях, когда суд **сталкивается с необходимостью восстановления утраченных материалов в ходе рассмотрения других дел, так или иначе связанных с утраченным, либо в случаях, когда стороны добиваются исполнения (реализации) судебного акта по утраченному делу.** То есть инициированное судом возбуждение дела, скорее всего, будет иметь **зависимый от другого рассматриваемого в настоящий момент дела, в ходе которого выявится необходимость восстановления взаимосвязанного дела.** Невероятно, что восстановление утраченного судебного производства последует со стороны суда с какой-либо иной целью (например, для восстановления статистического учета, обобщения судебной практики и т.п.).

В свете принятой нормы суд может не дожидаться момента, когда лица, участвующие в деле, выразят волю на обращение с заявлением о восстановлении утраченного судебного производства, а самостоятельно инициировать подобную процедуру. Возникающее в результате этого самостоятель-

ное дело особого производства может повлечь приостановление производства по взаимосвязанному делу. Впоследствии решение суда по делу о восстановлении утраченного судебного производства восполнит отсутствующие факты и правоотношения в рассматриваемом деле либо послужит основанием для исполнения (реализации) последствий, обусловленных решением по рассматриваемому делу.

Таким образом, имеется несколько неравноценных между собой альтернатив, одной из которых следует отдать предпочтение.

Первая заключается в том, что суд при рассмотрении спора ожидает от сторон воли на обращение в суд с заявлением о восстановлении утраченного судебного производства, и при длительном отсутствии проявления такой воли он оказывается вынужденным отказать в требованиях со ссылкой на недоказанность фактов, относящихся к ранее состоявшемуся процессу. Важно, что при этом суд останется в границах принципов процесса (диспозитивности и состязательности).

Вторая состоит в том, что суд сам возбуждает вопрос о восстановлении утраченного судебного производства для использования его результатов в рассматриваемом деле, нарушив при этом доктринальный запрет на возбуждение гражданских дел по собственной инициативе. Можно полагать, что в данном случае факты ранее состоявшегося процесса будут установлены более оперативно, без каких-либо осложняющих факторов.

В связи с нововведением появляется целый пласт сугубо процессуальных вопросов, обязанных своим возникновением передаче судом инициативы в возбуждении дела, в частности, о принятии судом на себя функций доказывания; о ситуации, когда лица, участвующие в деле, не согласны с восстановлением, предпринимаемым в их интересах, об их праве противиться воле суда на возбуждение дела и пр. Возможна постановка и более экзотических вопросов, показывающих несостоятельность самой конструкции возбуждения дела судом по собственной инициативе: каковы последствия несоблюдения судом порядка и формы обращения; о праве суда на отказ от своего обращения и о последствиях такого отказа; и др.

Полагаем, что все перечисленные вопросы и отступления от принципов процесса могли быть преодолены гораздо более простым способом: **следовало признать и указать, что вопрос о восстановлении утраченного судебного производства может быть разрешен как по заявлениям лиц в самостоятельном процессуальном порядке, установленном главой 38 ГПК РФ, так и в рамках другого дела, рассматриваемого судом, при наличии взаимной связи таких дел.**

Инициирование судом вопроса о восстановлении утраченного судебного производства – это не возбуждение дела судом, действующим в качестве самостоятельного субъекта обращения в суд, а это вынужденное восполнение материалов другого рассматриваемого дела. Ситуации, при которых определенный вопрос может решаться судом в самостоятельном порядке, а может оказаться частью другого вопроса или дела, многочисленны. Например, признание сделки недействительной в виде ничтожности может относиться

к самостоятельному полноценному исковому делу, а может быть констатировано в мотивировочной части судебного акта по другому спору; исковое требование о взыскании имущественных санкций может последовать по делу о взыскании суммы основного долга, составляя предмет самостоятельных требований, а может разрешаться совместно с иском о взыскании основной задолженности на правах дополнительного требования; истребование доказательств может при определенных обстоятельствах составлять предмет самостоятельного иска, а может производиться в порядке разрешения процессуальных ходатайств лиц, участвующих в деле, и пр.

Это определяет вывод о природе самого дела о восстановлении утраченного судебного производства, которое может выступать и как самостоятельный предмет требований по делам особого производства, и как процедура получения доказательств, однако более сложная и ресурсозатратная по сравнению с другими аналогичными процедурами.

Суд должен быть наделен правом поставить вопрос о восстановлении утраченного судебного производства в инициативном порядке в уже рассматриваемом деле, подобно тому, как он ставит на обсуждение вопрос о получении дополнительных доказательств.

При рассмотрении данного вопроса в рамках «основного» дела вполне могут применяться правила главы 39 ГПК РФ. Никакого внутреннего конфликта с правилами искового производства они обнаруживать не будут. Вполне можно представить, что данные требования будут соседствовать в резолютивной части общего судебного акта: суд восстанавливает утраченное судебное производство, а затем высказывается о судьбе «основных» требований. Логично, что восстановление утраченного судебного производства в том или в ином качестве повлечет положительный или отрицательный ответ на заявленные иски.

Возможна и постановка вопроса, связанная с отказом от тезиса относительно бесспорной природы данных дел, как помещенных в подраздел IV ГПК РФ о бесспорном производстве. Разве не ожидаемым будет являться спор сторон по поводу существования самого утраченного производства или в отношении содержания принятого судебного акта?

Поскольку в начале публикации мы вели речь об отступлении от принципа недопустимости возбуждения судом дела по собственной инициативе во множественном числе, то в постановочном плане можно указать еще на одно проявление отступления от такого принципа.

Согласно ч. 2 ст. 309 УПК РФ, «при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства». В п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по

уголовному делу»¹ данное правило разъяснено следующим образом: «...суд, постановивший приговор, направляет для такого рассмотрения в суд, которому данный гражданский иск подсуден в соответствии с правилами, предусмотренными Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (в установленных законом случаях – с учетом волеизъявления гражданского истца), копии обвинительного приговора ...либо выписку из протокола судебного заседания, копии иных материалов дела, подтверждающих исковые требования, а также необходимых для решения вопроса об их размере. В любом случае гражданский истец должен быть уведомлен о том, в какой суд направлены указанные материалы»².

На основании ч. 1 ст. 4 ГПК РФ, «суд возбуждает гражданское дело по заявлению лица, обратившегося за защитой своих прав, свобод и законных интересов». Передача материалов на рассмотрение суда из уголовного дела в гражданское несколько колеблет данный постулат. Формально лицо не предъявляло иска в порядке гражданского судопроизводства. Он поступает от суда другой инстанции, рассматривающего дело в порядке другого вида процесса.

Такую передачу следует уподобить передаче дела по подсудности. Если суд общей юрисдикции или арбитражный суд передают по подсудности дело внутри соответствующей системы судов или обмениваются делами между собою, то от истца не требуется повторного предъявления иска или подачи искового заявления «под требования суда», в который попало его дело. В настоящий момент границы института подсудности включают возможную передачу дел между судами общей и арбитражной юрисдикции, при которой истцу не требовалось бы подавать новое исковое заявление.

Следовательно, имеются основания говорить о функциональном расширении института подсудности путем включения в систему судов, между которыми происходит передача дела, также и судов, рассматривающих уголовные дела, в части заявленного гражданского иска.

Заключение

Исследование лишний раз подтвердило незыблемость правила о возбуждении гражданских дел исключительно по инициативе заинтересованных лиц, но никак не по воле или инициативе суда. Несмотря на прямое указание закона о возможности такого возбуждения, критический разбор процессуальной новеллы привел к выводу, что задачи могли быть решены посредством разрешения восстановления утраченного судебного производства в рамках рассматриваемого гражданского дела посредством заявления лицами ходатайства либо даже при отсутствии такового. В случае, когда восстановление утраченного судебного производства непосредственно связано с находящимся в производстве суда делом, это повод не для предоставления

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 12.

² Там же.

суду права возбуждать дела, а для гармонизации рассмотрения двух взаимосвязанных вопросов – существа спора и вопроса о восстановлении утраченного судебного производства.

Список источников

1. Абрамов С.Н. Гражданский процесс. М. : Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. 484 с.
2. Аргунов В.В. А.Т. Боннер – теоретик, практик, политик права – об особом производстве // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 183–224.
3. Афанасьев С.Ф. Восстановить нельзя отказать: запятую для заинтересованных лиц разные суды расставляют по-разному // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 1. С. 46–50.
4. Давидян Ю.С. Правовая природа дел о восстановлении утраченного судебного производства в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2013. № 3. С. 191–216.
5. Клеандров М.И. Об институте восстановительного производства в арбитражном процессе // Арбитражная практика. 2005. № 11. С. 69–70.
6. Курс гражданского судопроизводства. Сочинение Кронида Малышева. 2-е, испр. и доп. изд. СПб., 1876. Т. 1. 444 с.
7. Мамкиева Ю.Х. Дискреционные полномочия суда при рассмотрении дел о восстановлении утраченного судебного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 1. С. 29–32.
8. Плотноков Д.А. Принципы гражданского и административного судопроизводства: сравнительно-правовое исследование : учеб. пособие / под ред. проф. О.В. Исаенковой. М. : Проспект, 2022. 221 с.
9. Ференц-Сороцкий А.А. Аксиомы и принципы гражданского процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989. 150 с.

References

1. Abramov, S.N. (1948) *Grazhdanskiy protsess* [Civil Procedure]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yustitsii SSSR.
2. Argunov, V.V. (2022) A.T. Bonner – teoretik, praktik, politik prava – ob osobom proizvodstve [A.T. Bonner – Theorist, Practitioner, Legal Politician – on Special Proceedings]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*. 4. pp. 183–224.
3. Afanasiev, S.F. (2017) Vostanovit' nel'zya otkazat': zapyatuyu dlya zainteresovannykh lits raznye sudy rasstavlyayut po-raznomu [Restore Cannot Deny: Different Courts Place the Comma for Interested Parties Differently]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 1. pp. 46–50.
4. Davadyan, Yu.S. (2013) Pravovaya priroda del o vosstanovlenii utrachennogo sudebnogo proizvodstva v grazhdanskom i arbitrazhnom protsessakh [The Legal Nature of Cases on the Restoration of Lost Court Proceedings in Civil and Arbitration Processes]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*. 3. pp. 191–216.
5. Kleandrov, M.I. (2005) Ob institute vosstanovitel'nogo proizvodstva v arbitrazhnom protsesse [On the Institute of Restorative Proceedings in Arbitration Process]. *Arbitrazhnaya praktika*. 11. pp. 69–70.
6. Malyshev, K. (1876) *Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva* [A Course in Civil Procedure]. Vol. 1. 2nd ed. St. Petersburg: [s.n.].
7. Mamkueva, Yu.Kh. (2023) Diskretsionnye polnomochiya suda pri rassmotrenii del o vosstanovlenii utrachennogo sudebnogo proizvodstva [Discretionary Powers of the Court in Considering Cases on the Restoration of Lost Court Proceedings]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*. 1. pp. 29–32.

8. Plotnikov, D.A. (2022) *Printsipy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Principles of Civil and Administrative Legal Proceedings: A Comparative Legal Study]. Moscow: Prospekt.

9. Ferents-Sorotskiy, A.A. (1989) *Aksiomy i printsipy grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Axioms and Principles of Civil Procedural Law]. Abstract of Law Cand. Diss. Leningrad.

Информация об авторах:

Алиев Т.Т. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского, арбитражного процесса и правоохранительной деятельности Российской государственной академии интеллектуальной собственности, почетный адвокат России (Москва, Россия). E-mail: tta70@mail.ru

Юдин А.В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права Юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, Россия). E-mail: yudin77@ssau.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.T. Aliev, LL.D., Professor, Head of the Department of Civil, Arbitration Procedure and Law Enforcement Activities of the Russian State Academy of Intellectual Property, Honored Attorney of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: tta70@mail.ru

A.V. Yudin, Doctoral degree in law, professor, head of Department of Civil Procedural and Business Law, Faculty of Law, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: yudin77@ssau.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.06.2025;
одобрена после рецензирования 07.10.2025; принята к публикации 09.12.2025.*

*The article was submitted 16.06.2025;
approved after reviewing 07.10.2025; accepted for publication 09.12.2025.*

Научная статья

УДК 340.5

doi: 10.17223/22253513/58/7

Биолого-социальные чрезвычайные ситуации: правовой и социальный аспекты

Сара Кимадиевна Идрышева¹, Людмила Викторовна Сокольская²

¹ *Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева,
Астана, Республика Казахстан, isk.80@mail.ru*

² *Государственный гуманитарно-технологический университет,
Орехово-Зуево, Россия, cokol4512@yandex.ru*

Аннотация. С помощью логического, формально-юридического и сравнительно-правового методов исследуются социальные и правовые проблемы, возникающие во время биологических катастроф в Казахстане и России, повлекших значительные социальные последствия. Анализ действующей нормативной базы этих стран выявил отсутствие четкого определения биолого-социальных чрезвычайных ситуаций в законодательстве, что привело к значительным пробелам в регламентации взаимоотношений в период пандемии. Введение санитарно-эпидемиологических мер спровоцировало социальные проблемы в мире, а также негативно отразилось на психоэмоциональном состоянии жителей данных стран. Результаты исследования позволили авторам работы разработать рекомендации по дальнейшему развитию законодательной базы с целью оптимизации управления социальными аспектами в периоды биологических катастроф.

Ключевые слова: право, пандемия, чрезвычайная ситуация, биолого-социальная чрезвычайная ситуация, социальное напряжение

Для цитирования: Идрышева С.К., Сокольская Л.В. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации: правовой и социальный аспекты // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 91–102. doi: 10.17223/22253513/58/7

Original article

doi: 10.17223/22253513/58/7

Biological and social emergencies: legal and social aspects

Sarah K. Idrysheva¹, Lyudmila V. Sokolskaya²

¹ *University named after M.S. Narikbaev (JSC KAZGUU), Astana,
Republic of Kazakhstan, isk.80@mail.ru*

² *State Humanitarian and Technological University,
Orekhovo-Zuevo, Russian Federation, cokol4512@yandex.ru*

Abstract. The relevance of this problem is due to the fact that in most countries, legal regulation of emergencies (hereinafter referred to as ES) does not foresee scenarios for the global spread of infectious diseases that threaten public health. Typically, only natural and man-made emergencies are distinguished. An analysis of the current

regulatory frameworks of Russia and Kazakhstan revealed the lack of a clear definition of biological and social emergencies in legislation, which has led to significant gaps in the regulation of relationships during a pandemic. In studying the psychological and social problems arising during a pandemic, general scientific methods of scientific inquiry, such as the logical method, analysis, and synthesis, were applied. Regulatory legal acts of Russia and Kazakhstan regulating social relations during a pandemic were analyzed using formal legal and comparative legal methods.

The study revealed that the global pandemic has exposed shortcomings in the regulation of social relations at the legislative level, including restrictions on movement, self-isolation, suspension of communication services, unequal access to routine medical care and social government services for various categories of citizens (primarily paid PCR testing), and others. All of the above factors are related to social factors and have negatively impacted the emotional and psychological well-being of citizens in Russia and Kazakhstan, causing social tension in society.

The authors of this study offer a number of recommendations for improving Russian and Kazakh legislation and legal education of the population, in particular:

- a detailed classification of emergency situations, taking into account their causes and scale, must be established in the regulatory framework;
- the state regulatory act declaring an emergency must specify that the management of the epidemic situation will be carried out by the Chief Sanitary Doctor or epidemiologist (if such a position is provided for in the state);
- all restrictive measures must be reviewed by parliament or a court within 30 days of their introduction. Established restrictions may only be in effect for the period necessary to achieve the epidemiological objective and cannot be used for other purposes;
- terminology in the legal regulation of emergency situations must also be standardized, taking into account international documents.

The development of these proposals for mitigating social conflicts during the pandemic can reduce the destructive impact of adverse social tensions, the spread of coronavirus, false information, and psycho-emotional distress.

Keywords: law, pandemic, emergency, biosocial emergency, social tension

For citation: Idrysheva, S.K. & Sokolskaya, L.V. (2025) Biological and social emergencies: legal and social aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 58. pp. 91–102. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/58/7

Введение

Прежде чем исследовать причины социального напряжения в период пандемии, необходимо выяснить, как закреплено понятие биолого-социальной чрезвычайной ситуации в национальном законодательстве России и Казахстана. Исследование действующей законодательной базы, технической документации и научной литературы показало, что в большинстве стран правовое регулирование чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) не предусматривает сценариев глобального распространения инфекционных заболеваний, угрожающих здоровью населения. Как правило, выделяют только природные и техногенные ЧС. Небольшая группа экспертов включают в классификацию экологические, биологические и смешанные биолого-социальные ЧС, к которым причисляют эпидемии и пандемии [1. С. 9–10].

Опыт перенесенной пандемии коронавируса вынудил государственную власть некоторых стран внести определенные корректировки в действовавшее ранее законодательство в сфере ЧС. Например, в Кыргызской Республике чрезвычайные ситуации по характеру их проявления подразделяются: на ЧС природного характера; ЧС техногенного характера; ЧС конфликтного характера, ЧС экологического характера; ЧС биологического и социального характера [2]. При этом с учетом изменений 2022 г. в числе оснований ЧС биолого-социального характера на первом месте указана массовая инфекционная заболеваемость, эпидемия и пандемия. Федеральным законом от 01.04.2020 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» в легальное «определение чрезвычайной ситуации» было внесено дополнение о том, что основанием возникновения ЧС является распространение заболевания, представляющего опасность для окружающих. К сожалению, в казахстанском законодательстве данное основание не внесено в соответствующие законодательные акты и соответственно общественные отношения, сложившиеся в связи с пандемией, не урегулированы и даже не обозначены на законодательном уровне» [3. С. 56]. Более подробно анализ казахстанского законодательства по вопросу регулирования правовых отношений в период пандемии авторами данной статьи проведен в исследовании, опубликованном ранее [3].

В Российской Федерации действует ГОСТ Р22.0.04-95 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения»¹. Уже из названия данного документа вытекает, что еще с 1995 г. официально было признано существование биолого-социальной ЧС, под которой следовало понимать «состояние, при котором в результате возникновения источника биолого-социальной чрезвычайной ситуации на определенной территории нарушаются нормальные условия жизни и деятельности людей, существования сельскохозяйственных животных и произрастания растений, возникает угроза жизни и здоровью людей, широкого распространения инфекционных болезней, потерь сельскохозяйственных животных и растений» [4]. Согласно ГОСТу, биолого-социальная чрезвычайная ситуация подразумевает наличие заболевания, представляющего серьезную угрозу либо широко распространенного среди населения, домашних животных и растительности. Однако в российском законодательстве отсутствуют законодательные и подзаконные нормативные акты, регулирующие подобные ситуации.

Методология исследования

В процессе проведения исследования была изучена отечественная и зарубежная научная литература по юриспруденции [5, 6], психологии [7, 8] и

¹ ГОСТ Р22.0.04-95 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения». URL: <http://municipal.garant.ru> (дата обращения: 15.09.2025).

социологии [9], в которой обозначены отдельные социальные факторы, негативно влияющие на социальную напряженность и эмоциональное состояние личности в период пандемии коронавируса. Воздействие биологических катастроф на личность и ее психоэмоциональное состояние рассмотрено в работах Б. Андраде, С.К. Брукс, Р.К. Вебстер, Н. Кобуччи, К. Лима, Ф. Сильва, Л.Е. Смит и др. [10]. Результаты проведенной психодиагностики эмоционально-волевой сферы людей, находившихся в чрезвычайных ситуациях биолого-социального характера, мы находим в работах Л. Жуковой, О.И. Мироновой, Е.С. Першковой, V.Saladino, D. Algeri, V. Auriemma и др. [7, 11–13].

При исследовании психолого-социальных проблем, возникающих в период пандемии, были применены такие общенаучные методы научного познания, как логический метод, методы анализа и синтеза. Посредством формально-юридического, и сравнительно-правового методов анализировались нормативные правовые акты России и Казахстана по регулированию общественных отношений в период пандемии.

Результаты исследования

В опубликованных источниках научной литературы представлены результаты социологических исследований отдельных групп населения в период пандемии COVID-19 и выявлены важнейшие социальные причины возникновения тревожности и психоэмоционального напряжения [14]. Среди них были названы такие причины, как «общественные конфликты на фоне необходимости эпидемиологических ограничений и принудительной вакцинации; объем негативной информации, транслируемой через СМИ, социальные сети и другие источники; изменения в работе привычных сервисов и служб; социальное дистанцирование, вызванное принудительной самоизоляцией и локдауном» [7. С. 195].

Более того, многие ученые подчеркивают, что влияние пандемии на личность имеет как непосредственные последствия, проявившиеся сразу с начала пандемии, так и отдаленные, которые проявляются по прошествии некоторого времени [7]. Например, психологи подчеркивают, что социальное дистанцирование, вызванное изоляцией и карантином, провоцирует социальное напряжение и вызывает чувство беспокойства и напряженности. Как верно отмечает Т.А. Нестик, «люди лишились необходимой эмоциональной поддержки из-за невозможности физического контакта с родными и близкими» [15]. Поэтому не только при помощи технических средств, но и на законодательном уровне желательно продумать расширение сферы бесконтактной социальной коммуникации (сотовая связь, интернет, телекоммуникации и т.д.), а не ограничивать ее, что, несомненно, окажет положительное влияние на психоэмоциональное состояние граждан России и Казахстана. Вместе с тем следует учитывать, что одновременно с расширением и углублением сферы бесконтактной коммуникации возрастает поток негативных сообщений через средства массовой информации на онлайн-платформах.

Международные организации, такие как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), ввели новый термин «инфодемия» – ситуацию переизбытка данных и быстрого распространения ложной информации, будь то сообщения, фото или видео. Чтобы эффективно бороться с инфодемией и предотвращать её последствия, требуется создание экспертных групп в каждом регионе, состоящих из профессионалов, которые смогут разоблачать ложные сведения и предоставлять населению проверенные данные. Уже сегодня в законодательных актах предусмотрены механизмы противодействия дезинформации в период эпидемий, а также установлена ответственность за распространение заведомо ложных или недостоверных сведений. Например, внесены изменения в ст. 13.15 КоАП РФ, вступившие в силу в 2020 г. Теперь самостоятельным составом административного правонарушения считается публикация в средствах массовой информации и сети Интернет сведений об угрозе жизни и безопасности людей. Юридические лица несут ответственность за это деяние посредством штрафа – от полутора до трех миллионов рублей, возможную конфискацию изъятых предметов правонарушения (ст. 10.1 ч. 1 ст. 13.15 КоАП РФ). В случае, если распространение недостоверной информации о подобных событиях привело к гибели человека, нанесению ему телесных повреждений или материального ущерба, возникновению беспорядков или угрозе общественной безопасности, размер штрафа для компаний возрастает до пяти миллионов рублей (ст. 10.2 ч. 1 ст. 13.15 КоАП РФ). Помимо этого, публичная демонстрация заведомо ложной информации, представляющей социальный интерес, также влечет наказание.

Распространение недостоверной информации, создающей опасность для людей и их имущества, теперь квалифицируется как преступление (ст. 207.2 Уголовного кодекса), подобно публикации ложных данных о событиях, угрожающих жизни и безопасности населения (ст. 207.1 УК РФ). Изучив нормы российского и казахстанского законодательства, касающиеся урегулирования прав и свобод личности, исследователи обнаружили ряд правовых противоречий. Согласно общепринятым нормам, ограничения прав и свобод допускаются исключительно на основании закона и только в случаях, когда это требуется для обеспечения стабильности государства, поддержания порядка, защиты прав других лиц, а также здоровья и моральных ценностей общества (ст. 39 Конституции Республики Казахстан (далее РК) и 55 Конституции Российской Федерации). Важно отметить, что действия, принимаемые во время режима чрезвычайного положения, не должны нарушать обязательства по международным соглашениям в сфере прав человека (так называемые Сиракузские принципы).

В Российской Федерации ограничение прав и свобод человека и гражданина регламентируется на законодательном уровне. В Казахстане это осуществляется на уровне подзаконных правовых актов главных государственных санитарных врачей. Так, в ст. 104 Кодекса Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» закреплено, что в случае

распространения на территории РК паразитарных и инфекционных заболеваний Главные государственные санитарные врачи вводят ограничительные мероприятия, вплоть до карантина, а также проведение обязательной вакцинации населения. Однако в Указе Президента РК от 15 марта 2020 г. о введении в стране чрезвычайного положения в качестве уполномоченного государственного органа по введению запретов и ограничений не была указана должность Главного государственного санитарного врача¹. А в специальном законе «О чрезвычайном положении» только комендант местности, назначаемый президентом, может осуществлять единое управление силами и средствами, обеспечивающими режим чрезвычайного положения². Но в период пандемии не был назначен комендант ни в одном из городов либо районов государства. Данное обстоятельство также оказывало влияние на социальную обстановку, на психологическое состояние населения в части негативного восприятия решений Главного санврача об ограничении конституционных прав.

Вопрос об обязательном вакцинировании при пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией, явился камнем преткновения в обществе. Идея всеобщей обязательной вакцинации стала властвовать во многих государствах, хотя научно выверенных и апробированных результатов применения различных вакцин и их эффективности у человечества не имелось, а санитарные службы предлагали только небольшой перечень противопоказаний для вакцинирования. Всё это вызывало недоверие населения к принудительной вакцинации. Ситуация осложняется тем, что в законодательстве некоторых стран прослеживается явное несоответствие между нормами закона и подзаконного акта, которое пока не разъяснено уполномоченным органом власти. К примеру, из правил осуществления ограничительных мероприятий, включая карантин, на территории Республики Казахстан (от 21 декабря 2020 г.) исключено «*требование о проведении обязательной вакцинации населения согласно перечню заболеваний, против которых проводятся профилактические прививки*»³. Согласно ст. 85 нового Кодекса «О здоровье народа и системе здравоохранения РК», порядок «проведения спорных профилактических вакцинаций четко определен: все физические лица, по-

¹ О введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан. Указ Президента Республики Казахстан от 15 марта 2020 года № 285. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000285> (дата обращения: 09.09.2025).

² О чрезвычайном положении. Закон Республики Казахстан от 8 февраля 2003 года № 387. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000387> (дата обращения: 09.09.2025).

³ Об утверждении правил осуществления ограничительных мероприятий, в том числе карантина, и перечень инфекционных заболеваний, при угрозе возникновения и распространения которых вводятся ограничительные мероприятия, в том числе карантин. Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 21 декабря 2020 года № ҚР ДСМ-293/2020. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/search/docs/ddt=2020-12-21&fulltex> (дата обращения: 18.10.2023).

стоянно находящиеся на территории Республики Казахстан, обязаны получать обязательные профилактические прививки против инфекционных заболеваний (п. 4)» [3. С. 62].

В Казахстане еще одной проблемой в правовом регулировании чрезвычайных ситуаций и чрезвычайного положения является существенный терминологический недостаток в наименованиях и понятийном аппарате законодательных и подзаконных актов. В законах «О гражданской защите» и «О чрезвычайном положении» такие понятия, как «чрезвычайная ситуация» и «чрезвычайное положение», несмотря на разницу в определениях, содержаниях и последствиях, обозначаются единым термином «төтенше жағдай» [9]. Это порождает двусмысленность в отношении их целей и задач, усложняет восприятие сути этих правовых актов и требует обращения к русскоязычным документам для корректного толкования. Для решения этой проблемы предлагаем ввести специальные термины «төтенше жағдай» для обозначения чрезвычайного положения и «төтенше ахуал» для чрезвычайной ситуации, что позволит устранил путаницу при их применении.

Тесная связь недостатков правового регулирования с негативными социальными последствиями прослеживалась в трудовых отношениях. В частности, в Казахстане практиковались массовые отправки работников в так называемые неоплачиваемые отпуска без их согласия. Между тем Трудовой кодекс РК не содержал такого термина; имеется термин «отпуск без сохранения заработной платы» (ст. 97). Кроме того, даже названная статья не содержит таких оснований так называемого неоплачиваемого отпуска, как «эпидемия», пандемия» или «карантин». Ни индивидуальными трудовыми договорами, ни коллективными договорами такая ситуация не была в то время предусмотрена. В целях социальной защиты населения была введена выплата в размере 42 500 тенге при потере дохода из-за карантина. Однако данное вроде бы позитивное решение правительства вызвало огромное количество жалоб на несправедливый отказ в выплатах, в том числе из-за несовершенства цифровых систем и правовых пробелов, недостатков деятельности местных и центральных уполномоченных органов. В России подобным образом актами Президента РФ были введены так называемые нерабочие дни, которые не относились ни к выходным дням, ни к отпускам, но работодатели были обязаны сохранять заработную плату за такие дни.

В Российской Федерации население негативно воспринимало применение жестких ограничений на передвижение (обычный выход из дома, запреты на общение с родственниками, коллегами и др.), потому что Президентом РФ в то время не было объявлено ни чрезвычайное положение, ни чрезвычайная ситуация. Даже среди профессиональных юристов возникали вопросы о том, имеют ли субъекты Федерации право ограничивать свободу передвижения граждан без введения федерального ЧП или ЧС?

В Казахстане же режим ЧП был вначале объявлен согласно закону на 30 дней, затем Указом Президента был продлен до 11 мая 2020 г. Но вопреки ожиданиям населения ограничительные меры в связи с окончанием чрезвычайного положения не прекратились, а, наоборот, были продолжены. При

этом образовался правовой вакуум: ЧП отменено, далее никакого нормативного правового акта о продолжении ограничений в режиме хотя бы ЧС не вводилось, но запреты по реализации всеми субъектами имущественных и личных неимущественных прав были продолжены. Логично, что социум также негативно реагировал на сложившуюся ситуацию.

В европейских странах и США население реагировало на локдауны и иные чрезмерные ограничения их конституционных прав многочисленными обращениями в суды. В странах СНГ, в том числе России и Казахстане, такой практики почти не было. Однако вместе с тем массовый переход судебных заседаний в онлайн-режим повлек такие же массовые нарушения конституционных прав граждан на судебную защиту. Дело в том, что суды практически не готовы были повсеместно проводить дистанционные судебные заседания, техническое оснащение многих судов не позволяло проводить полноценные процессы; процессуальные кодексы не содержали норм о порядке проведения удаленных судебных процессов, апробации такого опыта нигде не проводилось. Данное обстоятельство вызвало у большинства членов социума еще больше недоверия к деятельности судов и чувство правовой незащищенности.

Недостаток общественного обсуждения установленных государством ограничительных мер в период карантина и самоизоляции, а также растущие затраты на содержание персонала во время периодов вынужденного простоя и введенные санитарными службами ограничения стали еще одной причиной негативного влияния на психоэмоциональное состояние людей. В связи с этим можно порекомендовать гражданам осознанное и умеренное потребление информации о ходе пандемии и принятых противозидемиологических мерах, обращение за консультацией к надежным специалистам, а также проведение планомерной разъяснительной работы среди населения.

Исследователи справедливо утверждают, что в период биосоциальных кризисов крайне важно обеспечить достаточно высокий уровень правовой грамотности относительно введения ограничительных мер, поскольку подобные ситуации охватывают фактически все сферы жизнедеятельности граждан. Например, методические рекомендации, разработанные учеными Б.С. Ордобаевым и К.А. Бороновым «Чрезвычайные ситуации. Классификация и правила поведения», где детально рассмотрены различные типы ЧС, изложены меры безопасности и рекомендации по поведению населения [16]. Своевременное и систематическое просвещение людей относительно способов снижения социальной нестабильности во время эпидемии поможет ограничить разрушительное воздействие пессимистических мнений, возникновение страха перед пандемией, распространение ложной информации и психоэмоциональных переживаний.

Заключение

На основе вышеизложенного можно сформулировать вывод о том, что мировая пандемия выявила недостатки в регулировании общественных отношений на законодательном уровне, включая неравный доступ к плано-

вой медицинской помощи и социальным госуслугам для различных категорий граждан, например преимущественно платного ПЦР-тестирования и др. Эти причины относятся к социальному фактору и негативно отразились на эмоциональном, психологическом состоянии граждан России и Казахстана, вызвали социальное напряжение в обществе.

Следующими причинами, препятствующими результативности противодействия социально-биологическим ЧС, в отчете ВОЗ указываются недостаточный потенциал национальной системы в части предотвращения, обнаружения и нейтрализации угроз здоровью граждан, неполное исполнение государствами своих договорённостей согласно Международным санитарным правилам (2005), в особенности относительно подготовки к подобным событиям, что повлекло за собой продолжительное развитие пандемии COVID-19 как масштабного международного кризиса в сфере здравоохранения [4].

Авторы данного исследования предлагают ряд рекомендаций по улучшению российского и казахстанского законодательства, а также правового просвещения населения.

В нормативно-правовой базе необходимо закрепить детальную классификацию чрезвычайных ситуаций, учитывающую причины возникновения и масштаб. Такая структурированная система позволит более четко регламентировать особенности каждой чрезвычайной ситуации, устанавливая компетенции задействованных служб, закрепляя права и ответственность как простых людей, так и организаций, а также определяя перечень и способы использования возможных ограничений. Внесение положений о биологических и смешанных ЧС в правовые акты поможет избежать неточностей и противоречий в регулировании. Для более полного понимания и восприятия населением данного вида ЧС или ЧП можно назвать их «чрезвычайная эпидемическая ситуация/положение», а в нормативном правовом акте государства об их введении обязательно указывать, что управление эпидемической ситуацией/положением будет осуществляться Главным санитарным врачом либо эпидемиологом (если такая должность предусмотрена в государстве). Кроме того, в Законе о ЧП/ЧС предлагаем ввести норму о том, что такие ЧС либо ЧП могут вводиться на основании заключения главного государственного эпидемиолога/санитарного врача и при наличии объективных эпидемиологических критериев.

Полагаем, что все ограничительные меры должны быть обязательно рассмотрены парламентом либо судом в течение 10 дней с момента введения. Установленные ограничения могут действовать только в период, необходимый для достижения эпидемиологической цели, и не могут использоваться для иных целей.

Если сохраняются требования к перемещению людей, власти обязаны разрабатывать решения, опирающиеся на принципы равенства и учитывающие обстоятельства, дабы минимизировать негативное воздействие на экономику, социальную сферу и психологическое состояние граждан. При планировании постепенного снятия ограничений необходимо стимулировать

совместные усилия различных сторон для снижения социальной несправедливости, информировать население понятными и стабильными советами, а также регулярно оценивать эффективность принимаемых решений. В случае объявления ЧП и после его прекращения обязательно в том же нормативном правовом акте указать на сохранение ЧС либо полной отмене ЧП и ЧС.

Для обеспечения согласованности с международными стандартами желательно привести в соответствие используемые термины в области законодательства об управлении чрезвычайными ситуациями и стихийными бедствиями. В целях повышения ясности и точности правового определения предлагается оперативно скорректировать обозначения понятий «чрезвычайная ситуация» и «чрезвычайное положение» во всех нормативных правовых актах Республики Казахстан на государственном языке, принятых как на законодательном, так и на подзаконном уровне.

Усиливающееся общее негативное влияние стрессовых факторов, включая пандемию, обусловило повышенную значимость мониторинга психологического состояния населения и поиска эффективных методов поддержки его ментального благополучия. Предложения авторов статьи, направленные на урегулирование социальных разногласий в условиях пандемии, способны уменьшить негативные последствия социального напряжения, а также ограничить распространение страха перед пандемией, дезинформации и психоэмоциональных нарушений.

Список источников

- 1 Жаворонкова Н.Г. Эколого-правовые проблемы обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера. М. : ИД «Юриспруденция», 2007. 168 с. URL: <http://www.cawater-info.net/bk/dam-safety/files/javoronkova.pdf> (дата обращения: 08.10.2023).
2. Классификация чрезвычайных ситуаций и критериев их оценки в Кыргызской Республике (в ред. постановления Кабинета Министров КР от 19 июля 2022 г. № 391). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12747?cl=ru-ru> (дата обращения: 18.10.2023).
3. Идрышева С.К., Сокольская Л.В. Институт биолого-социальной чрезвычайной ситуации в законодательстве России и Казахстана // *Lex russika*. 2024. Т. 77, № 8. С. 54–64.
4. Межгосударственный стандарт «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200009375> (дата обращения: 15.09.2025).
5. Идрышева С.К., Сокольская Л.В., Валентонис А.С. Этические и правовые дилеммы, возникающие в период биолого-социальных чрезвычайных ситуаций // *Евразийский юридический журнал*. 2023. № 11. С. 460–462.
6. Дидикин А.Б., Тринитка Д.Г. Этические и правовые дилеммы эпохи глобальной пандемии // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2022. № 3 (13).
7. Миронова О.И., Першкова Е.С. Социально-психологические факторы возникновения тревожности у работников образовательных учреждений в период пандемии // *Психология и право*. 2022. Т. 12, № 4. С. 195–211. doi: 10.17759/psylaw.2022120415 (дата обращения: 18.10.2023).
8. Васильева А.В. Психические нарушения, связанные с пандемией COVID-19 (международный опыт и подходы к терапии) // *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*. 2020. № 120 (9). С. 121–129.

9. Телжан В. Социально-психологические последствия карантинных мер в период пандемии COVID-19 // Психология және социология сериясы. 2022. № 1 (80). С. 140–146.
10. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E. The psychological impact of quarantine // *Lancet*. 2020. Vol. 395. P. 912–920. doi: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8
11. Greenberg N., Docherty M., Gnanapragasam S., Wessely S. Managing mental health challenges faced by healthcare workers during covid-19 pandemic // *BMJ*. 2020. № 36 (8). P. 1211. URL: <https://doi.org/10.17116/jnevro2020120091121>
12. Saladino V., Algeri D., Auriemma V. The psychological and social impact of Covid-19: new perspectives of well-being // *Frontiers in psychology*. 2020. № 11. P. 3–7.
13. Жукова Л. Психологические аспекты экстремальных ситуаций: медицинская психология. URL: <https://psylaser.ru/lectures/medical-psychology/extreme-situations.html> (дата обращения: 18.10.2023).
14. Ali M., Kundra S., Alam M.A., Alam M. Investigating stress, anxiety, social support and sex satisfaction on physical education and sports teachers during the COVID-19 pandemic // *Heliyon*. 2021. Vol. 7. doi: 10.1016/j.heliyon.2021.e07860
15. Нестик Т.А. Психологические последствия пандемии и ресурсы жизнеспособности в условиях глобальных рисков // Психологическая газета. 29.04.2022. URL: <https://psy.su/feed/9098/> (дата обращения: 18.10.2023).
16. Ордобаев Б.С., Боронов К.А. Чрезвычайные ситуации. Классификация и правила поведения. Бишкек : Эль Элион, 2017. 218 с.

References

1. Zhavoronkova, N.G. (2007) *Ekologo-pravovye problemy obespecheniya bezopasnosti pri chrezvychaynykh situatsiyakh prirodnogo i tekhnogennoho kharaktera* [Ecological and Legal Problems of Ensuring Safety During Natural and Technogenic Emergency Situations]. Moscow: Yurisprudentsiya. [Online] Available from: <http://www.cawater-info.net/bk/dam-safety/files/javoronkova.pdf> (Accessed: 8th October 2023).
2. The Kyrgyz Republic. (2022) *Klassifikatsiya chrezvychaynykh situatsiy i kriteriev ikh otsenki v Kyrgyzskoy Respublike (V redaktsii postanovleniya Kabineta Ministrov KR ot 19 iyulya 2022 goda № 391)* [Classification of Emergency Situations and Criteria for Their Assessment in the Kyrgyz Republic (As amended by the Resolution of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic No. 391 of July 19, 2022)]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12747?cl=ru-ru> (Accessed: 18th October 2023).
3. Idrysheva, S.K. & Sokolskaya, L.V. (2024) Institut biologo-sotsial'noy chrezvychaynoy situatsii v zakonodatel'stve Rossii i Kazakhstana [The Institute of Biological and Social Emergency Situations in the Legislation of Russia and Kazakhstan]. *Lex russika*. 77(8). pp. 54–64.
4. The Russian Federation. (n.d.) *Mezhhgosudarstvennyy standart "Bezopasnost' v chrezvychaynykh situatsiyakh biologo-sotsial'nye chrezvychaynye situatsii. Terminy i opredeleniya"* [Interstate Standard "Safety in Emergencies. Biological and Social Emergencies. Terms and Definitions"]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/1200009375> (Accessed: 15th September 2025).
5. Idrysheva, S.K., Sokolskaya, L.V. & Valentonis, A.S. (2023) Eticheskie i pravovye dilemmy, voznikayushchie v period biologo-sotsial'nykh chrezvychaynykh situatsiy [Ethical and Legal Dilemmas Arising During Biological and Social Emergency Situations]. *EvrAziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 11. pp. 460–462.
6. Didikin, A.B. & Trinitka, D.G. (2022) Eticheskie i pravovye dilemmy epokhi global'noy pandemii [Ethical and Legal Dilemmas of the Global Pandemic Era]. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya*. 3(13).
7. Mironova, O.I. & Pershkova, E.S. (2022) Sotsial'no-psikhologicheskie faktory vozniknoveniya trevozhnosti u rabotnikov obrazovatel'nykh uchrezhdeniy v period pandemii [Socio-Psychological Factors of Anxiety Among Educational Institution Employees During the Pandemic]. *Psikhologiya i parvo*. 12(4). pp. 195–211. doi: 10.17759/psylaw.2022120415

8. Vasilyeva, A.V. (2020) Psikhicheskie narusheniya, svyazannye s pandemiy COVID-19 (mezhdunarodnyy opyt i podkhody k terapii) [Mental Disorders Associated with the COVID-19 Pandemic (International Experience and Treatment Approaches)]. *Zhurnal neurologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova*. 120(9). pp. 121–129.
9. Telzhan, V. (2022) Sotsial'no-psikhologicheskie posledstviya karantinnykh mer v period pandemii COVID-19 [Socio-Psychological Consequences of Quarantine Measures During the COVID-19 Pandemic]. *Psikhologiya zhane sotsiologiya seriyasy*. 1(80). pp. 140–146.
10. Brooks, S.K., Webster, R.K., Smith, L.E., et al. (2020) The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *The Lancet*. 395. pp. 912–920. doi: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8
11. Greenberg, N., Docherty, M., Gnanapragasam, S. & Wessely, S. (2020) Managing mental health challenges faced by healthcare workers during covid-19 pandemic. *BMJ*. 368. Art. m1211. doi: 10.1136/bmj.m1211
12. Saladino, V., Algeri, D. & Auriemma, V. (2020) The psychological and social impact of Covid-19: new perspectives of well-being. *Frontiers in Psychology*. 11. Art. 577684. doi: 10.3389/fpsyg.2020.577684
13. Zhukova, L. (n.d.) *Psikhologicheskie aspekty ekstremal'nykh situatsiy: meditsinskaya psikhologiya* [Psychological Aspects of Extreme Situations: Medical Psychology] [Online] Available from: <https://psylaser.ru/lectures/medical-psychology/extreme-situations.html> (Accessed: 18th October 2023).
14. Ali, M., Kundra, S., Alam, M.A. & Alam, M. (2021) Investigating stress, anxiety, social support and sex satisfaction on physical education and sports teachers during the COVID-19 pandemic. *Heliyon*. 7(8). Art. e07860. doi: 10.1016/j.heliyon.2021.e07860
15. Nestik, T.A. (2022) Psikhologicheskie posledstviya pandemii i resursy zhiznesposobnosti v usloviyakh global'nykh riskov [Psychological Consequences of the Pandemic and Resilience Resources in the Context of Global Risks]. *Psikhologicheskaya gazeta*. 29th April. [Online] Available from: <https://psy.su/feed/9098/> (Accessed: 18th October 2023).
16. Ordobaev, B.S. & Boronov, K.A. (2017) *Chrezvychaynye situatsii. Klassifikatsiya i pravila povedeniya* [Emergency Situations. Classification and Rules of Conduct]. Bishkek: El' Elion.

Информация об авторах:

Идрышева С.К. – доктор юридических наук, профессор Департамента частного права Университета КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева (Астана, Республика Казахстан). E-mail: isk.80@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3473-3395>

Сокольская Л.В. – кандидат юридических наук, декан юридического факультета Государственного гуманитарно-технологического университета (Орехово-Зуево, Россия). E-mail: cokol4512@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8419-007X>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.K. Idrysheva, University named after M.S. Narikbaev (JSC KAZGUU) (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: isk.80@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3473-3395>

L.V. Sokolskaya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private Law, State Humanitarian and Technological University (Orekhovo-Zuevo, Russian Federation). E-mail: cokol4512@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8419-007X>

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.09.2025;
одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 09.12.2025.

The article was submitted 17.09.2025;
approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 09.12.2025.

Научная статья
УДК 349.6
doi: 10.17223/22253513/58/8

Проблемы правового регулирования в области осуществления экологического мониторинга в Российской Федерации

Алена Владимировна Кодолова¹

¹ Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, alena_kodolova@mail.ru

Аннотация. Данная статья базируется на результатах анализа правовых аспектов реализации экологического мониторинга в России и странах СНГ в контексте разработки модельного закона СНГ «Об экологическом мониторинге». В Российской Федерации система правового регулирования в сфере мониторинга испытывает определённые проблемы, снижающие эффективность выполнения наблюдений за состоянием и загрязнением окружающей среды.

Ключевые слова: экологический мониторинг, наблюдение за природными ресурсами, метеорологические исследования, структурные уровни экологического контроля

Источник финансирования: статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Разработка методов мониторинга здоровья экосистем Северо-Запада России (FFZF-2025-0018).

Для цитирования: Кодолова А.В. Проблемы правового регулирования в области осуществления экологического мониторинга в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 103–118. doi: 10.17223/22253513/58/8

Original article
doi: 10.17223/22253513/58/8

Problems of legal regulation in the field of environmental monitoring in the Russian Federation

Alena V. Kodolova¹

¹ St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russian Federation, alena_kodolova@mail.ru

Abstract. In the Russian Federation, the system of legal regulation in the field of monitoring is experiencing certain problems that reduce the effectiveness of monitoring the state and pollution of the environment.

The content and effectiveness of regulatory legal regulation in the field of environmental monitoring reflects the implementation of constitutional guarantees for citizens to obtain reliable data on the state of the environment. The introduction of legislative

measures to ensure access to information on environmental quality implies the obligation of the State not only to provide this information to interested parties, but also to conduct regular monitoring and create publicly accessible information bases.

It is necessary to note a feature inherent in Russian environmental legislation in the field of monitoring: its legislative definition practically does not cover such an important element as monitoring the exploitation of natural resources. However, according to the provisions of the tenth chapter of Federal Law № 7-FZ of January 10, 2002 «On Environmental Protection», this aspect is integrated into the system of state environmental monitoring.

Russian legislation defines three main levels of environmental monitoring: federal (state monitoring network), regional (monitoring systems at the level of subjects) and industrial (monitoring at the level of individual organizations). These levels are integrated into the unified state environmental monitoring system, which ensures the collection and analysis of environmental data at all these levels.

However, current legislative and regulatory documents often do not provide clear explanations on the issues of interaction between different subjects of environmental monitoring. Simply put, it is not always obvious in what circumstances, which authorities and from what financial sources should monitor the state and pollution of the environment.

Based on the results of the study, the following conclusions were drawn:

- the Russian legislative system does not distinguish between natural resource and environmental types of environmental monitoring, despite their different focus and methodology;

- Russian legislation does not define a regulatory framework for regulating meteorological monitoring, which covers the study of atmospheric phenomena and weather changes, and hydrological monitoring, which analyzes changes in the state of water resources;

- There are legal gaps and contradictions in the legislation of the Russian Federation regarding the levels of environmental monitoring, which requires adjustments to existing regulations.

The article is based on the results of an analysis of the legal aspects of environmental monitoring in Russia and the CIS countries in the context of the development of the CIS model law «On Environmental Monitoring».

Keywords: environmental monitoring, monitoring of natural resources, meteorological research, structural levels of environmental monitoring

Financing: The article was prepared as part of the research project «Development of methods for monitoring the health of ecosystems in the North-West of Russia (FFZF-2025-0018).

For citation: Kodolova, A.V. (2025) Problems of legal regulation in the field of environmental monitoring in the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 58. pp. 103–118. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/58/8

Содержание и эффективность нормативно-правового регулирования в области экологического мониторинга отражает реализацию конституционных гарантий граждан на получение достоверных данных о состоянии окружающей среды. Внедрение законодательных мер, обеспечивающих доступ к информации о качестве окружающей среды, подразумевает обязательства государства не только предоставлять эти сведения заинтересованным сторонам, но и проводить регулярные наблюдения и создавать общедоступные информационные базы.

На первый взгляд, регулятивная база Российской Федерации кажется достаточной для мониторинга за экологической ситуацией. Применительно к наблюдениям за состоянием окружающей среды и природных ресурсов, Федеральный закон № 7-ФЗ от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды) содержит законодательный термин государственного экологического мониторинга (в ст. 1) и выделяет целую главу данным вопросам (глава 10).

Для анализа вопросов юридической регламентации в области экологического мониторинга следует начать с разъяснения терминологии в изучаемой сфере. Судя по тому, что закреплено в Законе об охране окружающей среды, термины «государственный экологический мониторинг» и «экологический мониторинг» торжественны.

Согласно российскому законодательству, программа государственного экологического мониторинга охватывает наблюдения за составляющими окружающей природы и экосистемами, а также оценку процессов и явлений, происходящих в них. Ключевым элементом данного мониторинга является диагностика текущего состояния окружающей среды и разработка прогнозов её будущих изменений.

Необходимо отметить особенность, присущую российскому экологическому законодательству в области мониторинга: законодательное его определение практически не охватывает столь важный элемент, как наблюдения за эксплуатацией ресурсов природы. Вместе с тем, согласно положениям десятой главы Закона об охране окружающей среды, данный аспект интегрирован в систему государственного экологического мониторинга.

Статья 63.1 вышеуказанного закона тщательно регламентирует функционирование и структуру общегосударственной системы экологического мониторинга. В документе выделено шестнадцать его подсистем, охватывающих различные аспекты: от мониторинга состояния атмосферы и уровней загрязнения до оценки условий использования земельных участков, популяций диких животных, охотничьих угодий, а также изучения геологической составляющей недр. Эти подсистемы предусматривают систематический сбор данных о количественных показателях природных ресурсов и условиях их использования.

К примеру, мониторинг земель делится на наблюдение за их использованием и оценку их состояния¹.

Мониторинг состояния земель – это систематическое отслеживание изменений в количественных и качественных характеристиках земельных ресурсов. Данный термин включает анализ загрязнения почв химическими веществами, степени их захламления отходами, оценку деградации почвы, а

¹ Пункт 4 Приказа Росреестра от 22.07.2021 № П/0315 «Об утверждении Порядка осуществления государственного мониторинга земель, за исключением земель сельскохозяйственного назначения» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.12.2021).

также выявление нарушений в использовании земельных участков. Ключевую роль в мониторинге играет оценка наблюдаемых тенденций и прогнозирование будущих изменений в состоянии земель.

В процессе мониторинга землепользования осуществляется контроль за соответствием использования земель их законодательно установленному функциональному назначению.

Правила, утверждённые Постановлением Правительства РФ № 2029 от 29 ноября 2023 г., направлены на установление порядка наблюдений за состоянием недр и акцентируют внимание на соблюдении норм и принципов рационального использования и защиты недр на участках, предоставленных в пользование.

В соответствии с законодательством о животном мире, государственный мониторинг фауны осуществляется через систему постоянных наблюдений за их состоянием и численностью¹. Данный подход также распространяется на наблюдения за охотничьими ресурсами².

Государственный мониторинг состояния поверхностных вод осуществляется двумя организациями: Федеральным агентством водных ресурсов (Росводресурсы) и Федеральной службой по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). Росводресурсы занимается мониторингом водопользования, включая фиксацию объемов потребления и сброса воды. Росгидромет, в свою очередь, фокусируется на оценке состояния водоемов, проводя измерения и анализы качественных и количественных параметров водных объектов³.

Необходимо отметить, что мониторинг использования природных ресурсов, хоть и интегрирован в национальную систему экологического мониторинга, имеет отличительные особенности в целях и подходах по сравнению с мониторингом состояния компонентов биосферы. Основное отличие заключается в том, что экологический мониторинг состояния объектов окружающей среды преимущественно фокусируется на анализе эффектов антропогенного воздействия на экосистемы и окружающую среду.

В противоположность его методам, наблюдения за использованием природных ресурсов скорее схожи с экологическим контролем. Они призваны оценивать законность и рациональность эксплуатации земель, подземных богатств и фауны.

¹ Статья 15 Федерального закона № 52-ФЗ от 24 апреля 1995 года «О животном мире» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

² Приказ Минприроды России от 30.06.2021 № 456 «Об утверждении Порядка ведения государственного мониторинга и государственного кадастра объектов животного мира» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

³ Постановление Правительства РФ от 10.04.2007 № 219 «Об утверждении Положения об осуществлении государственного мониторинга водных объектов» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 16. Ст. 1921.

В академических кругах часто принимают более узкий взгляд на экологический мониторинг, отличающийся от широкого определения, установленного законодательством. Эксперты могут определять его как анализ состояния окружающей среды и уровень её загрязнения через систематические замеры ключевых индикаторов и параметров, отражающих воздействие на окружающую среду [1. С. 151]. Такая интерпретация включает только отдельные аспекты государственного экологического мониторинга, который осуществляется учреждениями вроде Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды.

В законодательстве Казахстана чётко зафиксированы различия между экологическим мониторингом и мониторингом природных ресурсов как на уровне терминологии, так и в отношении порядка осуществления наблюдений. Согласно положениям ст. 154 Экологического кодекса Республики Казахстан (далее – ЭК РК), данные подсистемы, безусловно, связаны между собой в рамках общегосударственной системы мониторинга окружающей среды и природных ресурсов, но в то же время имеют существенные различия и свое нормативно-правовое регулирование.

Экологический мониторинг в Республике Казахстан включает в себя различные направления: наблюдения за загрязнением почвенного слоя, атмосферного воздуха и атмосферных осадков, водоемов и подземных вод, радиационный и климатический мониторинг, наблюдения за состоянием особо охраняемых природных территорий и трансграничными воздействиями.

Безусловно, из всех определений экологического мониторинга, которые представили ученые России, особую значимость приобретает концепция, разработанная академиком РАН Юрием Израэлем. Он рассматривал экологический мониторинг как систематическую схему для наблюдений, анализа и прогнозирования изменений в биосфере под воздействием антропогенных факторов [2. С. 723]. Ю.А. Израэль выделил три основных элемента в структуре экологического мониторинга: наблюдение, оценку и прогноз. Тем не менее в его концепции не находит отражения такой аспект мониторинга, как наблюдения за использованием природных ресурсов.

Представляется интересной точка зрения М.С. Джумабаева, который сформулировал свое уникальное определение «экологического мониторинга объектов окружающей среды» – как комплексной системы, которая охватывает непрерывные наблюдения, сбор данных и анализ экологического состояния объектов, включая оценку и прогноз экологических изменений под воздействием антропогенных и естественных факторов [3. С. 294]. Однако, несмотря на предложенный новый термин, им не было охвачено такое направление, как мониторинг в сфере использования природных ресурсов.

Согласно анализу Т.Ю. Сатаевой, термины «государственный экологический мониторинг» и «экологический мониторинг» не совпадают полностью, хотя их точное взаимоотношение пока не установлено [4. С. 169]. Автор подчеркивает, что до первого января 2012 г. в законодательстве России были прописаны определения как для экологического, так и для государственного экологического мониторинга.

Анализируя аспекты законодательного урегулирования экологического мониторинга в РФ, важно подчеркнуть, что в нормативно-правовых актах, за исключением ведомственных, отсутствует регулирование осуществления метеорологических и гидрологических измерений.

В принципе, относимость метеорологического мониторинга к мониторингу окружающей среды вызывает вопросы, причем даже у специалистов, несмотря на то что данные наблюдения представляют собой основные элементы системы государственного экологического мониторинга.

В Законе об охране окружающей среды в качестве подсистем экологического мониторинга метеорологический и гидрологический мониторинги не названы, но они могут быть включены в такое направление, как «государственный мониторинг состояния и загрязнения окружающей среды».

Объекты данной подсистемы мониторинга указаны в Постановлении Правительства РФ от 06.06.2013 № 477, но к ним не отнесены ни погодные условия, ни физические явления, которые происходят над поверхностью земли, ни климат, т.е. все то, за чем наблюдают в процессе метеорологического мониторинга.

Тем не менее в приказе Минприроды России от 30.07.2020 № 524 «Об утверждении требований к проведению наблюдений за состоянием окружающей среды, ее загрязнением» указаны правила осуществления метеорологических и гидрологических наблюдений.

Кроме того, согласно действующему законодательству, установлены единые правила организации и функционирования как стационарных пунктов наблюдений, выполняющих мониторинг загрязнения компонентов окружающей среды, так и стационарных пунктов, выполняющих метеорологические и гидрологические наблюдения – метеостанций и гидрологических постов.

Пункты, осуществляющие мониторинг, объединяются в единую систему наблюдательной сети. Детальное описание разновидностей пунктов наблюдений содержится в ст. 1 Федерального закона РФ от 19 июля 1998 г. № 113-ФЗ «О гидрометеорологической службе». Посты, метеорологические станции, обсерватории, лаборатории и другие пункты мониторинга состояния окружающей среды и её загрязнения можно систематизировать по различным критериям.

В зависимости от локации наблюдений различают стационарные и маршрутные (подвижные) наблюдательные пункты.

В соответствии с функциональным назначением наблюдательные пункты можно систематизировать так:

- стационарные и подвижные наблюдательные станции и посты, выполняющие функции контроля состояния природы и регистрации физико-химических изменений. Они способствуют измерению и анализу метеорологических, климатических, аэрологических, гидрологических, океанологических, гелиогеофизических и агрометеорологических параметров окружающей среды;

- стационарные и подвижные посты, используемые для мониторинга качества атмосферы, почвы и воды, а также для изучения гидробиологических параметров.

Основную роль в определении методик и стандартов проведения метеорологических наблюдений занимают ведомственные акты Росгидромета, которые классифицируются как регулирующие документы.

В соответствии с РД 52.18.28-2014 «Руководящий документ. Правила разработки, утверждения, обновления и отмены нормативных документов Росгидромета», установлены нормативы для создания и администрирования регулятивных документов в рамках Росгидромета. Эти ведомственные регламенты являются обязательными для исполнения всеми территориальными отделениями, учреждениями сети Росгидромета, включая их филиалы и структурные подразделения. Однако для других государственных и частных организаций, а также ведомств эти руководящие документы представляют собой лишь рекомендации.

На контрасте с Российской Федерацией, в Казахстане наблюдения за погодными условиями и водными ресурсами интегрированы в Единую государственную систему мониторинга окружающей среды и природных ресурсов. Экологический кодекс Республики Казахстан в ст. 162 устанавливает основы метеорологического мониторинга. Определяется, что он представляет комплекс мер, включающих сбор, анализ, обработку и хранение метеорологических данных, а также создание соответствующей метеорологической и агрометеорологической информации, содержит разработку прогнозов погоды и агрометеорологических условий и их предоставление госструктурам, частным лицам и компаниям.

Учитывая опыт Казахстана и практику других государств СНГ, включая Россию, где наблюдения за использованием природных ресурсов интегрированы в систему экологического мониторинга, а также недостаточную урегулированность в области метеорологических наблюдений, в проекте модельного законодательного акта СНГ «Об экологическом мониторинге» предусмотрены две ключевые подсистемы: природоохранный и природоресурсный мониторинг, определено место метеорологического и гидрологического мониторинга в системе экологического мониторинга¹. Модельный закон «Об экологическом мониторинге» был принят постановлением МПА СНГ от 22.11.2024 № 57-17.

Согласно тексту модельного закона, мониторинг природных ресурсов включает мониторинг земель, объектов животного и растительного мира, лесопатологический мониторинг, мониторинг воспроизводства лесов, состояния недр, водных объектов и водных биологических ресурсов, охотничьих ресурсов и среды их обитания. Закон содержит положение о монополии государства на осуществление мониторинга природных ресурсов.

В соответствии с модельным законом, природоохранный мониторинг включает следующие его разновидности: мониторинг состояния окружающей среды, ее загрязнения, метеорологический и гидрологический, а также специальный мониторинг.

¹ Разработчиком проекта модельного закона «Об экологическом мониторинге» является СПб ФИЦ РАН. Модельный закон «Об экологическом мониторинге» принят постановлением МПА СНГ от 22.11.2024 № 57-17.

Среди новелл рассматриваемого модельного закона – закрепление обязательства государства по сбору, интеграции и автоматическому обмену информацией между этими подсистемами через единый фонд данных экологического мониторинга.

Ключевые проблемы российского законодательства в рассматриваемой области заключаются в наличии правовых пробелов и неопределенности относительно градации уровней проведения экологического мониторинга.

Законодательная база России определяет три основных уровня мониторинга окружающей среды: федеральный (государственная наблюдательная сеть), региональный (системы мониторинга на уровне субъектов) и производственный (мониторинг на уровне отдельных организаций). Эти уровни интегрированы в единую государственную систему мониторинга окружающей среды, которая обеспечивает сбор и анализ экологических данных на всех указанных уровнях.

Однако действующие законодательные и нормативные документы часто не предоставляют чёткого разъяснения по вопросам взаимодействия разных субъектов экологического мониторинга. Проще говоря, не всегда очевидно, в каких обстоятельствах какие органы и за счет каких финансовых источников должны осуществлять мониторинг экологической обстановки и уровня загрязнения природы.

В области конституционного права утверждается, что чёткость и определённость нормативных правовых актов критически важны для обеспечения их соответствия Конституции. Эти требования вытекают из основных функций правовой системы, направленных на предоставление равных условий и свобод для всех участников правовых отношений. Отсутствие ясности в формулировках правовых норм подрывает их конституционность, ведёт к необоснованной свободе трактовки и, как следствие, к правовому произволу. Также это нарушает принцип равенства всех граждан перед законом и судебной системой [5. С. 4–10].

Конституционный суд России интерпретирует неопределенность в законодательстве как дефекты в нормотворчестве, в том числе неконкретность терминов, отсутствие ясности в механизмах правоприменения, включая финансовые аспекты. Данные недостатки в формулировке юридических норм способствуют возникновению свободы трактовки при их применении, что может привести к спорным ситуациям [6].

Н.В. Кичигин устанавливает связь между юридической неопределенностью и экологическими правовыми рисками. Он считает, что «эколого-правовые риски» неразрывно связаны с выявлением случаев правовой неопределенности [7. С. 140].

В условиях правовой неразберихи, связанной с регулированием экологического мониторинга, возрастают экологические юридические риски, в особенности для структур государственной власти. В последние годы судебные органы разного уровня активно занимаются разбирательствами касательно обязанностей Росгидромета, его территориальных подразделений и местных властей по устройству и функционированию постов стационарного типа для мониторинга состояния и загрязнения атмосферного воздуха.

Природоохранные прокуроры в различных регионах России предъявили административные иски к Росгидромету, его региональным подразделениям и учреждениям, а также к региональным органам власти.

Исковые заявления изначально поступили для рассмотрения в Пресненский районный суд Москвы, учитывая, что Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, как один из участников процесса, находится в пределах Пресненского района столицы.

Пресненский районный суд Москвы в рамках дел № 02а-0060/2023 и 02а-0043/2023 вынес решения, отклонив иски прокуратуры, направленные на признание неправомерным бездействие Росгидромета. Бездействие касалось надлежащего обеспечения работы государственной системы мониторинга, включающей стационарные посты для контроля качества атмосферного воздуха. Решениями суда также отказывалось в наложении обязанности на ответчика организовать установку новых пунктов мониторинга воздушной среды в течение одного года после вступления судебного решения в законную силу.

После фиаско в Пресненском районном суде органы природоохранной прокуратуры, исходя из положений п. 2 ст. 20 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, начали подавать иски в суды административно-территориальных единиц. Административные истцы обосновывали это тем, что для организации наблюдений требуется обустройство постоянно действующих постов экологического мониторинга в данных районах, населенных пунктах, соответственно, и правовые последствия судебных актов наступят именно там.

В районных и городских судах общей юрисдикции зачастую удовлетворялись исковые заявления, поданные природоохранной прокуратурой. Тем не менее конечные решения по делам могли различаться применительно к определению ответственной стороны.

В некоторых случаях ответственность за обустройство стационарных пунктов мониторинга качества атмосферного воздуха возлагалась как на Федеральную службу по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, так и на государственные органы на уровне субъектов федерации.

В рамках дела № 2а-167/2023, рассмотренного Центральным районным судом города Твери, был принят судебный акт, обязывающий Федеральную службу по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Правительство Тверской области и региональное Министерство природных ресурсов и экологии разместить на территории города Твери стационарные пункты для контроля качества атмосферного воздуха. Это решение подтверждено и оставлено без изменений апелляционной и кассационной судебными инстанциями.

Ульяновский городской суд, рассмотрев дело № 33а-3754/2023, пришел к выводу, что Правительство Ульяновской области и областное Министерство природных ресурсов и экологии проявили незаконное бездействие, не обеспечив должного контроля за экологической обстановкой в Чердаклин-

ском районе. Отсутствие установленных стационарных постов для мониторинга качества атмосферного воздуха в нарушение законодательных требований было признано судом основанием для обязания властей установить минимум один такой пост.

В большинстве рассмотренных исковых дел Росгидромет и его организации были определены как главные ответственные стороны. На основании вердикта Ленинского районного суда города Курска по делу № 2а-3576/2-2024 иск прокуратуры Курской области к Росгидромету и Центрально-Черноземному управлению по гидрометеорологии о создании дополнительных станций мониторинга атмосферных загрязнений в г. Курск был удовлетворён.

В Ленинградской области, несмотря на то что суды первой инстанции приняли решения в пользу природоохранного прокурора, апелляционные суды аннулировали эти вердикты.

Городскими судами Приозерска, Подпорожья, Кировска, Бокситогоска, Выборга и Лодейного Поля были удовлетворены иски Ленинградского межрайонного природоохранного прокурора [8–13]. Иски направлены против Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды и подведомственному Росгидромету учреждения – Северо-Западного управления по гидрометеорологии. Суть претензий была связана с признанием незаконным бездействия ответчиков в части неосуществления установки стационарных постов мониторинга, требовалось установить указанные посты в населённых пунктах Ленинградской области, а именно в Приозерске, Подпорожье, Кировске, Пикалево, Выборге и Лодейном Поле.

Решения, вынесенные районными судами, были аннулированы Ленинградским областным судом в апелляционном порядке. Апелляционная инстанция пришла к заключению о недостаточности оснований для удовлетворения исков, поданных Ленинградским межрайонным природоохранным прокурором, в результате чего были вынесены новые постановления об отказе в исках.

Основной фактор, по которому районные суды Ленинградской области принимали решения по административным искам природоохранной прокуратуры, а затем вышестоящие инстанции эти решения отменяли, заключается в нечеткости законодательства или правовой неопределенности относительно организации государственного экологического мониторинга.

Правовой базой для инициации исков по охране окружающей среды природоохранной прокуратурой послужили нормы ГОСТ 17.2.3.01-86 «Охрана природы. Атмосфера. Нормы контроля качества атмосферного воздуха в населённых пунктах», в частности п. 2.6, который регламентировал количество обязательных пунктов мониторинга атмосферы, основываясь на численности населения города или поселения¹.

В процессе рассмотрения дела суды первой инстанции определили, что бездействие административных ответчиков не соответствовало нормам за-

¹ Документ утратил силу на территории Российской Федерации в связи с изданием Приказа Росстандарта от 01.04.2024 № 384-ст.

конодательства, нарушая права многих лиц, на основе чего было удовлетворено исковое заявление. Тем не менее при апелляционном пересмотре данных нарушений выявлено не было, что повлияло на исход разбирательства.

В качестве основной причины, по которой Ленинградский областной суд аннулировал вердикты районных судебных инстанций, выступило искаженное истолкование нормативных документов, которые устанавливают правила для функционирования национальной системы контроля за загрязнением атмосферы. Суды первой инстанции ошибочно решили, что организация постоянных постов мониторинга качества воздуха целиком относится к ведению федеральных органов, в частности Росгидромета и его подразделений. Это заблуждение частично вызвано юридическими неопределенностями.

Согласно ст. 6 Закона об охране окружающей среды, органы государственной власти субъектов обладают полномочиями для участия в проведении экологического мониторинга. Эти органы вправе организовывать и обеспечивать функционирование территориальных систем, которые наряду с наблюдательной сетью федерального уровня входят в единую национальную систему государственного экологического мониторинга.

Судебные органы первой инстанции, опираясь на данные положения, признали, что региональные органы государственной власти в России имеют право, а не обязательство создавать территориальные структуры мониторинга.

Кроме того, в соответствии с положениями п. 158 Требований к проведению наблюдений за состоянием окружающей среды, ее загрязнением, начальные судебные инстанции определили, что требование о локации пунктов государственной сети в административных центрах и крупных городах с населением свыше 100 тысяч жителей, а также в крупных промышленных агломерациях имеет рекомендательный статус. Суды установили, что применение в рассматриваемом пункте термина «преимущественно» не предполагает неизменную необходимость размещения постов наблюдения за загрязнением атмосферного воздуха федерального уровня исключительно в крупных населенных пунктах¹. При вынесении решения суды исходили из обязанности именно Росгидромета и его подведомственных организаций осуществлять наблюдения за загрязнением воздуха повсеместно, без учета численности жителей.

Тем не менее Ленинградский областной суд опроверг представленные аргументы, заявив об их некорректности. Суд подчеркнул необходимость комплексного рассмотрения этих правовых норм в контексте других статей экологического законодательства.

В соответствии с четвертым пунктом регламента № 477, утвержденного Постановлением Правительства РФ 6 июня 2013 г., который касается реализации государственного контроля за состоянием и степенью загрязнения

¹ Утверждены Приказом Минприроды России от 30.07.2020 № 524 «Об утверждении требований к проведению наблюдений за состоянием окружающей среды, ее загрязнением» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

окружающей природной среды, данный мониторинг выполняется через созданную систему экологических наблюдений. Эта система включает как стационарные, так и передвижные посты экологического мониторинга.

Государственная система мониторинга включает в себя сеть пунктов, координацию развития которой осуществляет Росгидромет. Комплекс также содержит региональные подсистемы мониторинга, функционирование которых обеспечивают региональные органы власти РФ в соответствии с действующими нормами.

Судебные органы первой инстанции упустили ключевой элемент: количество стационарных наблюдательных пунктов, указанных в разделе 2.6 ГОСТ, включает в себя пункты как в рамках государственной мониторинговой сети, так и в системах территориального наблюдения. Кроме того, они пренебрегли рядом требований Постановления Правительства РФ от 06.06.2013 № 477, которые предписывают интеграцию элементов при формировании государственной системы экологического мониторинга. Этот нормативный акт акцентирует внимание на необходимости включения инструментов для мониторинга экологической обстановки в районах, затронутых деятельностью промышленных объектов, оказывающих негативное воздействие на природу. Собственники таких предприятий должны соблюдать обязательные требования, установленные федеральным законодательством, касающиеся отслеживания качества окружающей среды и степени её загрязнения в пределах их влияния.

Усиление региональных экологических мониторинговых систем в регионах России закреплено в пункте 64 Плана действий по реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.¹

С 1 сентября 2022 г. начала действовать нормативная база, закрепленная постановлением Правительства Российской Федерации № 1370 от 2 августа 2022 г. Этот документ определяет процедуры разработки и согласования планов мероприятий в области экологии согласно ст. 16.6, 75.1 и 78.2 Закона РФ «Об охране окружающей среды». В рамках утвержденных правил, субъекты РФ могут использовать экологические сборы, включенные в их бюджеты, для финансирования различных экологических инициатив, в том числе проведения государственного экологического мониторинга.

Ленинградский областной суд как апелляционная инстанция по рассматриваемым делам в своих определениях подчеркивает необходимость толковать ст. 158 Требований, касающуюся мониторинга окружающей среды, буквально. Эта статья устанавливает правила создания и функционирования как государственной сети экологического мониторинга, так и территориальных мониторинговых систем, предназначенных для наблюдения за экологической обстановкой в различных территориях.

¹ Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 18.12.2012 № 2423-р // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7561.

Апелляционный суд трактовал смысл ст. 158 Требований таким образом: основные пункты государственной наблюдательной сети следует устанавливать преимущественно в административных центрах регионов или в городах с численностью жителей более 100 тыс. и в крупных промышленных агломерациях. Однако посты территориального мониторинга могут быть организованы и в меньших муниципальных образованиях или населенных пунктах с населением менее 100 тыс. человек, не входящих в число ведущих промышленных районов.

Еще одним аргументом в пользу отмены решений судов первой инстанции являлось отсутствие предварительных исследований о необходимости организации постов наблюдений за загрязнением воздуха в населенных пунктах Ленинградской области. По мнению Ленинградского областного суда, основанному на п. 149 Требований, предварительные исследования качества атмосферного воздуха необходимы для обоснования установки наблюдательных постов определенного вида (стационарный или маршрутный) в данном населенном пункте.

Данные исследования проводятся на протяжении двух лет при решении вопроса об открытии пункта наблюдений за состоянием и загрязнением атмосферного воздуха, в том числе относящегося к территориальной наблюдательной сети. Проведение наблюдений за состоянием окружающей среды, физическими и химическими процессами, происходящими в окружающей среде, является лицензируемым видом деятельности¹. Как правило, данная лицензия отсутствует у региональных органов власти, поэтому обследования, как правило, проводят организации Росгидромета, у которых такая лицензия есть. В Ленинградской области в настоящее время осуществляется работа по проведению предварительных исследований загрязнения атмосферного воздуха с целью открытия в будущем постов наблюдений территориальной сети.

Исследование действующего экологического законодательства выявляет ряд важных заключений.

Примечательно, что в законодательной системе России не выделяются отдельно природоресурсный и природоохранный виды экологического мониторинга, несмотря на их различную направленность и методологию.

В российском законодательстве не определены нормативные рамки для регулирования метеорологического мониторинга, который охватывает изучение атмосферных явлений и погодных изменений, и гидрологического мониторинга, занимающегося анализом изменений в состоянии водных ресурсов.

¹ Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1845 «О лицензировании деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях (за исключением указанной деятельности, осуществляемой в ходе инженерных изысканий, выполняемых для подготовки проектной документации, строительства, реконструкции объектов капитального строительства)» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 47. Ст. 7546.

Также в области регулирования экологического мониторинга Российской Федерации наблюдаются проблемы из-за правовых пробелов и неясности касательно уровней его осуществления, что требует внесения корректив в существующие нормативные акты.

Список источников

1. Айсханов С.К., Элипханов М.У., Вахабова С.А. Экологический мониторинг и контроль окружающей среды // *Индустриальная экономика*. 2023 № 1. С. 150–153.
2. Израэль Ю.А. Экологический подход к оценке состояния и регулированию качества окружающей среды // *Доклады АН СССР*. 1978. Т. 241, № 3. С. 723–726.
3. Джумабаев М.С. Экологический мониторинг объектов окружающей среды: цель, задачи и способы // *Актуальные вопросы науки и образования (шифр-МКАВН)* : сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 14 мая 2024 г. М. : Экономическое образование, 2024. С. 293–297.
4. Сатаева Т.Ю. Правовая природа государственного экологического мониторинга // *Журнал российского права*. 2021. Т. 25, № 7. С. 166–177.
5. Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика конституционного суда РФ) // *Конституционное и муниципальное право*. 2011. № 10. С. 4–10.
6. Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)», одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016.
7. Кичигин Н.В. Эколого-правовые риски как универсальный критерий оценки экологического законодательства // *Журнал российского права*. 2021. № 3. С. 138–151.
8. Административное дело № 2а-30/2024. URL https://priozersky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=262325545&case_uid=68576c38-97bd-48cd-bfad-2e5d7900214e&delo_id=41
9. Административное дело № 2а-5/2024. URL https://podporozhsky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=238844035&case_uid=9dc8522c-930a-4b07-a080-f3ed320b6058&delo_id=41
10. Административное дело № 2а-94/2024. URL https://kirovsky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=254010881&case_uid=8f906281-7189-4391-a11f-b8a01b5e7132&delo_id=41
11. Административное дело № 2а-585/2023. URL https://boksiti--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=279585332&case_uid=9c2630c9-dbeb-4d8b-8250-4717c492e150&delo_id=41
12. Административное дело № 2а-1344/2024. URL https://vyborgsky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=265643804&case_uid=6ff2b469-ae2a-4473-ac9f-047be9098900&delo_id=41
13. Административное дело № 2а-5/2024. URL https://lodeynopolsky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=277388657&case_uid=4a0dec78-391a-41ef-9713-490c74f38281&delo_id=41

References

1. Ayskhanov, S.K., Elipkhanov, M.U. & Vakhabova, S.A. (2023) Ekologicheskii monitoring i kontrol' okruzhayushchey sredy [Environmental Monitoring and Environmental Control]. *Industrial'naya ekonomika*. 1. pp. 150–153.
2. Izrael, Yu.A. (1978) Ekologicheskii podkhod k otsenke sostoyaniya i regulirovaniyu kachestva okruzhayushchey sredy [An Ecological Approach to Assessing the State and

Regulating the Quality of the Environment]. *Doklady Akademii nauk SSSR*. 241(3). pp. 723–726.

3. Dzhumabaev, M.S. (2024) *Ekologicheskiiy monitoring ob"ektov okruzhayushchey sredy: tsel', zadachi i sposoby* [Environmental Monitoring of Environmental Objects: Purpose, Tasks, and Methods]. In: *Aktual'nye voprosy nauki i obrazovaniya (shifr-MKAVN)* [Current Issues in Science and Education (Code: MKAVN)]. Proc. of the 8th Conference. Moscow, May 14, 2024. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie. pp. 293–297.

4. Sataeva, T.Yu. (2021) *Pravovaya priroda gosudarstvennogo ekologicheskogo monitoringa* [The Legal Nature of State Environmental Monitoring]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 25(7). pp. 166–177.

5. Bondar, N.S. (2011) *Pravovaya opredelennost' – universal'nyy printsip konstitutsionnogo normokontrolya (praktika konstitutsionnogo suda RF)* [Legal Certainty – A Universal Principle of Constitutional Norm Control (Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation)]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 10. pp. 4–10.

6. The Russian Federation. (2016) *Konstitutsionno-pravovye aspekty sovershenstvovaniya normotvorcheskoy deyatel'nosti (na osnove resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii 2013–2015 godov), odobreno resheniem Konstitutsionnogo Suda RF ot 23.06.2016* [Constitutional and Legal Aspects of Improving Normative Activity (Based on Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2013–2015), Approved by Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.06.2016].

7. Kichigin, N.V. (2021) *Ekologo-pravovye riski kak universal'nyy kriteriy otsenki ekologicheskogo zakonodatel'stva* [Environmental and Legal Risks as a Universal Criterion for Assessing Environmental Legislation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 3. pp. 138–151.

8. The Russian Federation. (2024) *Administrativnoe delo № 2a-30/2024* [Administrative Case No. 2a-30/2024]. [Online] Available from: https://priozersky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=262325545&case_uid=68576c38-97bd-48cd-bfad-2e5d7900214e&delo_id=41 (Accessed: 17th June 2024).

9. The Russian Federation. (2024) *Administrativnoe delo № 2a-5/2024* [Administrative Case No. 2a-5/2024]. [Online] Available from: https://podporozhsky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=238844035&case_uid=9dc8522c-930a-4b07-a080-f3ed320b6058&delo_id=41 (Accessed: 17th June 2024).

10. The Russian Federation. (2024) *Administrativnoe delo № 2a-94/2024* [Administrative Case No. 2a-94/2024]. [Online] Available from: https://kirovsky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=254010881&case_uid=8f906281-7189-4391-a11f-b8a01b5e7132&delo_id=41 (Accessed: 17th June 2024).

11. The Russian Federation. (2023) *Administrativnoe delo № 2a-585/2023* [Administrative Case No. 2a-585/2023]. [Online] Available from: https://boksiti--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=279585332&case_uid=9c2630c9-dbeb-4d8b-8250-4717c492e150&delo_id=41 (Accessed: 17th June 2024).

12. The Russian Federation. (2024) *Administrativnoe delo № 2a-1344/2024* [Administrative Case No. 2a-1344/2024]. [Online] Available from: https://vyborgsky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=265643804&case_uid=6ff2b469-ac2a-4473-ac9f-047be9098900&delo_id=41 (Accessed: 17th June 2024).

13. The Russian Federation. (2024) *Administrativnoe delo № 2a-5/2024* [Administrative Case No. 2a-5/2024] [Online] Available from: https://lodeynopolsky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=277388657&case_uid=4a0dec78-391a-41ef-9713-490c74f38281&delo_id=41 (Accessed: 17th June 2024).

Информация об авторе:

Кодолова А.В. – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Федерального исследовательского центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: alena_kodolova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Kodolova, PhD in Law, Senior Research Fellow, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail alena_kodolova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.09.2025;
одобрена после рецензирования 16.11.2025; принята к публикации 09.12.2025.*

*The article was submitted 10.09.2025;
approved after reviewing 16.11.2025; accepted for publication 09.12.2025.*

Научная статья
УДК 347.94
doi: 10.17223/22253513/58/9

Интеграция Национальной системы пространственных данных в методы исследования и проверки в судебной землеустроительной экспертизе

Дарья Васильевна Пархоменко¹

¹ *Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета, Новосибирск, Россия, dara8@inbox.ru*

Аннотация. Федеральная государственная географическая информационная система «Единая цифровая платформа “Национальная система пространственных данных”» (ФГГИС ЕЦП НСПД) объединила ведомственные картографические материалы, пространственную информацию и большие данные. В деятельности судебного эксперта она играет роль достоверного источника публично доступной информации и расширяет возможности эксперта на всех стадиях проведения экспертизы. ФГГИС ЕЦП НСПД позволяет проверять выводы эксперта широкому кругу лиц.

Ключевые слова: доказывание, заключение эксперта, судебная землеустроительная экспертиза, земельный участок

Для цитирования: Пархоменко Д.В. Интеграция Национальной системы пространственных данных в методы исследования и проверки в судебной землеустроительной экспертизе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 119–127. doi: 10.17223/22253513/58/9

Original article
doi: 10.17223/22253513/58/9

Integration of the National spatial data system into research and verification methods in forensic land surveying expertise

Daria V. Parkhomenko¹

¹ *Novosibirsk Law Institute (branch office) Tomsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, dara8@inbox.ru*

Abstract. The Federal state geographic information system Unified digital platform National spatial data system (FSGIS UDP NSDS) is a state spatial platform that can be applied in a wide range of fields, including forensic land surveying expertise.

In expert work, FSGIS UDP NSDS serves several key functions: providing information, visual representation, and ensuring spatial completeness.

At each stage of their work, a land surveying expert examines FSGIS UDP NSDS and utilizes the public cadastral map, the Federal State Information System for Territorial Planning (TP FSIS), and other specialized registries as needed.

Since December 2024, FSGIS UDP NSDS has been the only official registry. However, from an expert's perspective, it currently has two significant drawbacks. First, the system is still being actively developed and populated. Second, there is a discrepancy between the information systems that serve as data sources for FSGIS UDP NSDS and the registries maintained by state and local government authorities. For experts, the benefits of using FSGIS UDP NSDS include identifying individual objects, determining their legal status, and defining their geographic, geodetic, and other spatial characteristics.

There are no officially approved methodologies in forensic land surveying expertise. At the same time, verifiability of results is a mandatory requirement. FSGIS UDP NSDS provides verification opportunities for both specialists and non-specialists. The main advantages of verification are the ability to compare graphical and spatial data, correlate public cadastral map information with other registries linked to NSDS, add measurements and semantic details, and generate printouts of retrieved images.

However, as a verification tool, FSGIS UDP NSDS has certain disadvantages. Not all required data is entered into the registry in a timely manner. Additionally, orthophotos in the Unified State Register of Real Estate (USRN) are provided without a specified date, which does not always allow for an assessment of the relevance of the terrain imagery.

Thus, the integration of FSGIS UDP NSDS into verification methods in forensic land surveying expertise enables any party to analyze the expert's conclusions for spatial and legal accuracy, evaluate their precision, and present their own conclusions in a clear, evidence-ready format. The system enhances research methods in forensic land surveying expertise and may also serve as an independent method for verifying land surveying expert conclusions.

Keywords: evidence, expert evidence, forensic land management, land plot

For citation: Parkhomenko, D.V. (2025) Integration of the National spatial data system into research and verification methods in forensic land surveying expertise. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 58. pp. 119–127. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/58/9

В декабре 2024 г. в отношении в сфере использования общедоступных геопространственных данных произошли изменения: в эксплуатацию была полноценно введена ФГГИС ЕЦП НСПД. Эти сведения в своей работе используют в том числе судебных эксперты в области землеустройства. В настоящее время эта область активно развивается.

Обозначая многообразие возникающих родов и видов экспертиз, профессор Е.Р. Россинская отмечает, что оно зачастую сопровождается интеграцией научного знания, внедрения новых методов исследования и формирования качественно новых экспертных технологий [1]. Представляется, что ФГГИС ЕЦП НСПД – один из таких импульсов для расширения возможностей судебной землеустроительной экспертизы.

Геоинформационная система значительно расширяет возможное регулирование отношений как в сфере использования территорий, так и их застройки. К списку механизмов косвенного влияния, к которым причисляют правовой и экономический инструментарий [2], в настоящее время можно относить и геопространственный. Нужно отметить, что он развивается высокими темпами: первые экономики, внедряющие этот механизм, использовали информацию о местоположении и пространственных данных объектов, картографические материалы и постепенно расширяли объем используемых

данных [3] (например, с 1995 г. в Германии [4]). Те экономики, которые внедряют инструменты пространственных данных сейчас, нацелены на многофункциональность и доступность геоинформационных систем (например, с 2021 г. в Индонезии) [5]. В Российской Федерации цифровая трансформация показала высокие темпы сразу после введения ее в эксплуатацию [6], и в настоящее время функционал таких систем позволяет выполнять множество задач: от государственного управления до судебной землеустроительной экспертизы.

Значение НСПД в работе судебного эксперта землеустроительного направления

ФГГИС ЕЦП НСПД в работе эксперта выполняет несколько функций:

- информационная. Она включает в себя сведения Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) и иных реестров, и информация, имеющаяся в ней, является юридически значимой;
- отображения. Материальные процессы объективного мира отражаются в материалах космоснимков (ортофотопланов), что позволяет получить наглядное изображение. Кроме того, сервис позволяет послойно наложить на эти материалы кадастровое деление и иные обозначения;
- обеспечения пространственной полноты. Сведения, доступные в публичной кадастровой карте, представляют собой тот объем сведений, которым может располагать любой пользователь в отношении территории на дату использования НСПД (сведения об объектах недвижимости, внесенных в ЕГРН, о территориальных зонах, зонах с особыми условиями использования территории (ЗООИТ) и др.).

На каждом этапе работы эксперт исследует ФГГИС ЕЦП НСПД и в необходимом объеме использует:

- публичную кадастровую карту – для получения информации о месте расположения объекта исследования, местности в целом, возможности доступа, взаимном расположении объектов исследования, территориях, находящихся в месте расположения объектов (природных территориях, объектах культурного наследия и др.). Особое значение содержит информация о местонахождении государственных пространственных пунктов (геодезической сети, гравиметрической сети, нивелирной сети и иных сетей);
- ФГИС ТП – для получения информации о границах публичных образований и ряде объектов, сведения о которых имеются в документах территориального планирования. Такая информация позволяет, во-первых, дать оценку объектам исследования в части их значения для территории, а во-вторых, предположить взаимное влияние значимых объектов и объектов исследования;
- иные специальные реестры – по значимым объектам: леса (материалы Государственного лесного реестра (ГЛР) от Рослесхоза), объектов культурного наследия (материалы Единого государственного реестра объектов

культурного наследия от Минкультуры) и др. Эта информация дает представление о наличии данных в специальных реестрах.

На дату написания этой статьи следует выделить два существенных момента, меняющие представление о роли ФГГИС ЕЦП НСПД:

1) система находится в стадии активного наполнения;

2) имеется несоответствие между информационными системами, которые являются источниками данных ФГГИС ЕЦП НСПД, и реестрами, которые ведут органы государственной власти и органы местного самоуправления. Их сопоставление имеет стратегически важную роль: оно обнажает отклонения и дает возможность работать над их устранением. Но тактически оно создает сложности правоприменителю в частных ситуациях (ему необходимо выбирать, что отражает более полную и актуальную информацию).

Ввиду обозначенных особенностей эксплуатация ФГГИС ЕЦП НСПД для эксперта актуальна через призму использования публичной кадастровой карты. Она дает представление об объектах исследования в следующем объеме:

- индивидуализирует их как вид объектов;
- выявляет правовой режим каждого объекта исследования;
- обозначает географические, геодезические и иные пространственные характеристики объекта.

Интеграция в методы проверки результатов судебной землеустроительной экспертизы

В обсуждениях производства судебной землеустроительной экспертизы как в теории, так и на практике, часто упоминается отсутствие утвержденных методик [7–9]. Фактически каждое исследование, проводимое по этому направлению, выполняется с использованием частной экспертной методики. Представляется, что эксперт является лицом, имеющим не только образование, но и опыт работы по специальности, а также способности к проведению системных исследований. Ввиду обозначенного его методики должны быть обоснованными, и лучше, если они являются научно подтвержденными.

Выделяя частные криминалистические методики в самостоятельный способ исследования, Р.С. Белкин указывал на то, что при их применении особое внимание уделяется проверке «правильности методических рекомендаций, обоснованности их комплексирования, доступности и распространенности» [10. С. 321]. Представляется, что эти требования следует применять и в использовании частных экспертных методик в области землеустройства.

При этом внимание как раз следует уделить комплексированию, понимая его в данном случае как объединение данных для определения текущего состояния объекта (процесса/системы) или прогнозирования его состояния [11]. Потому как в применении этого термина в его техническом смысле возможно отразить следующие особенности проверки результатов, полученных экспертом, и его выводов:

– анализу подвергается совокупность данных. В обсуждаемом смысле – это пространственные данные, зачастую представленные в больших объемах [12], в различных форматах, которые должны отвечать совокупности признаков [13]. Проверить все сведения, полученные экспертом в ходе его работы, лицом с той же компетенцией, практически невозможно, ввиду того что даже проводя то же исследование, но в более поздний срок, можно получить иные результаты. Кроме того, для субъекта, не обладающего специальными знаниями, подвергнуть анализу всю работу эксперта затруднительно. Но инструментарий ФГГИС ЕЦП НСПД дает большие возможности в осуществлении проверки;

– производится определение текущего состояния объекта. Как уже было отмечено выше, с течением времени свойства объекта могут изменяться;

– прогнозирование состояния объектов происходит с учетом опыта и знаний эксперта. Ключевую роль играет сам субъект и его компетентность. Ввиду этого также возможен ряд ошибок и невозможность проверки прогнозируемых событий до их наступления. Но, как правило, большую часть из них можно обосновать с использованием имеющегося теоретических знаний.

Всех лиц, проводящих анализ полученных экспертом результатов, можно разделить на лиц, имеющих специальные познания в области землеустройства, и лиц, не имеющих их.

ФГГИС ЕЦП НСПД предоставляет каждому из них ряд возможностей [14] в сфере проверки информации:

1) сопоставление графических и пространственных сведений. Новая платформа позволяет выполнять следующие действия по проверке сведений:

– экспорт сведений, выраженных в простой форме (в документе формата «.csv», доступных для записи каждым в сервисе программы Microsoft Excel);

– соотнесение контуров экспортированных сведений с контурами земельных участков и объектов капитального строительства, и между собой;

– отображение линии раздела (при определении порядка пользования или раздела имущества) или установления границы ранее учтенного объекта либо проектируемой границы, и возможность установления ее расположения и измерения размера;

– отражение взаимного расположения границ экспортируемых объектов с территориальными зонами, ЗОУИТ и иными пространственными объектами, а также с ортофотопланами различных масштабов (в настоящее время – 1:2000 и 1:10000);

2) соотнесение сведений публичной кадастровой карты со сведениями других реестров, информация из которых вносится в НСПД;

3) возможность добавления измерений и семантической информации, распечатки полученного изображения.

Из отрицательных черт ФГГИС ЕЦП НСПД как инструмента, который можно использовать при проверке заключения эксперта, выделим следующие:

1) не всегда сведения, которые должны содержаться в этом реестре, вносятся в него своевременно. Так, загрузка крупных объектов, территориальных зон занимает продолжительное время по техническим причинам. Кроме того, органы местного самоуправления и государственной власти не всегда быстро вносят сведения в ЕГРН, что становится причиной образования временного интервала между принятием решения и внесением сведений в публичную кадастровую карту;

2) ортофотопланы представлены в ЕГРН на неустановленную дату, и, как правило, информация в них отражена устаревшая на несколько месяцев (от 3 месяцев), что не всегда позволяет рассуждать об актуальности снимков местности.

Таким образом, интеграция ФГГИС ЕЦП НСПД в методы проверки в судебной землеустроительной экспертизе предоставляет любому субъекту возможности как анализа выводов эксперта на предмет их пространственной и правовой достоверности, точности, так и отражения своих умозаключений по поводу этих выводов в форме, доступной для демонстрации (использование в качестве доказательства). Система позволяет усовершенствовать методы исследования в рамках судебной землеустроительной экспертизы, а также может использоваться как элемент самостоятельного метода проверки заключения эксперта землеустроительного профиля.

ФГГИС ЕЦП НСПД для удобства использования экспертом-землеустроителем, а также сторонами, следовало бы дополнить:

- информацией о грядущем изменении сведений об объектах, их границах, или режиме;
- сервисом накопления космоснимков за разные промежутки времени;
- интерпретаций [15] исследуемых (анализируемых, синтезируемых) сведений об объектах от искусственного интеллекта [16];
- функцией онлайн-обращения (чатами, горячими линиями) с уполномоченными органами [17] с целью актуализации и (или) подтверждения достоверности сведений.

Список источников

1. Россинская Е.Р. Теоретические и организационно-технологические проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 146–154.
2. Болтанова Е.С., Хлопцов Д.М. Роль земельной политики и градостроительного правового регулирования в сфере инновационного развития России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 199–206.
3. Twaroch Ch. Rauminformation in den öffentlichen Büchern, in Österreichische Notariatskammer, Bundeskammer der Architekten u. Ingenieurkonsulenten (Hrsg) // Eigentumssicherung im 21. Jahrhundert Innovation durch Grundbuch und Kataster. 2003. 43 p.
4. Scheu M., Philipp S. Geo-Information Management in utilities: A posteriori Integration of Digital Cadastral Maps // FIG Working Week. Paris, France, 13–17 April 2003. URL: https://www.fig.net/resources/proceedings/fig_proceedings/fig_2003/TS_13/TS13_2_Scheu_Philipp.pdf
5. Kusmiarto K., Aditya T., Djurdjani D., Subaryono S. Digital Transformation of Land Services in Indonesia: A Readiness Assessment // Land. MDPI. 2021. Vol. 10 (2). P. 1–16. URL: <https://www.mdpi.com/2073-445X/10/2/120>

6. Сеница Ю.С. Анализ мировых земельных кадастровых систем // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 10 (157). С. 55–66.
7. Мамонтова С.А., Паркина Д.О., Колпакова О.П., Кобаненко Т.И. Проблема понятийного аппарата землеустроительной экспертизы // Финансы и управление. 2020. № 2. doi: 10.25136/2409-7802.2020.2.33317
8. Старостин В.Р. Разработка единой системы экспертного исследования при разрешении межевых споров // Вестник науки и образования. 2016. № 5 (17). С. 54–56.
9. Карпик А.П., Пархоменко Д.В. Анализ состояния методологической основы судебной землеустроительной экспертизы в Российской Федерации // Вестник СГУГиТ. 2019. Т. 24, № 1. С. 192–203.
10. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. М. : Юрист, 1997. Т. 3. 538 с.
11. Безмен П.А. Комплексирование данных системы управления мобильным гусеничным роботом // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2022. № 3. С. 89–102. doi: 10.34031/2071-7318-2021-7-3-89-102
12. Колесников А.А., Степаненко А.Э. Источники открытых геопространственных данных и способы их использования // Магистерская научная сессия «Первые шаги в науке» : сборник материалов. 2019. С. 49–53.
13. Стефогло С.Н., Томилова Н.И., Амиров А.Ж. Концепция открытых данных, основные принципы открытых данных // Инновационная наука. 2015. № 4-2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-otkrytyh-dannyh-onovnyepprintsipy-otkrytyh-dannyh> (дата обращения: 03.04.2017).
14. Мартынова Е.В. Направления формирования и обеспечения качества Национальной системы пространственных данных // Теория и практика общественного развития. 2023. № 4. С. 109–114. doi: 10.24158/tipor.2023.4.14
15. Жигалов К.Ю., Аветисян К.Р., Маркова С.В. Перспективы использования систем искусственного интеллекта в задачах автоматизированного обновления картографического материала // Московский экономический журнал. 2021. № 1. С. 20–28. doi: 10.24412/2413-046X-2021-10014
16. Аманкулова Н.А., Молмакова М.С., Каримова Г.Т. Искусственный интеллект и геоинформационные системы // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9, № 11. С. 278–287. doi: 10.33619/2414-2948/96/36
17. Скульский Д.В., Шуршев В.Ф., Шиккульский М.И. Управленческие процессы и развитие искусственного интеллекта в муниципальных образованиях // Инженерно-строительный вестник Прикаспия : научно-технический журнал. 2023. № 2 (44). С. 116–122.

References

1. Rossinskaya, E.R. (2018) Teoreticheskie i organizatsionno-tekhnologicheskie problemy novykh rodov (vidov) sud ebnykh ekspertiz [Theoretical and Organizational-Technological Problems of New Types (Kinds) of Forensic Examinations]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 3(88). pp. 146–154.
2. Boltanova, E.S. & Khloptsov, D.M. (2019) The Role of Land Policy and Urban Planning Legal Regulation in the Sphere of Innovative Development of Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 33. pp. 199–206. (In Russian).
3. Twaroch, Ch. (2003) Rauminformation in den öffentlichen Büchern. In: Österreichische Notariatskammer, Bundeskammer der Architekten u. Ingenieurkonsulenten (Hrsg). *Eigentumssicherung im 21. Jahrhundert Innovation durch Grundbuch und Kataster*. pp. 43–52.
4. Scheu, M. & Philipp, S. (2003) Geo-Information Management in utilities: A posteriori Integration of Digital Cadastral Maps. *FIG Working Week 2003*. Paris, France, April 13–17.

[Online] Available from: https://www.fig.net/resources/proceedings/fig_proceedings/fig_2003/TS_13/TS13_2_Scheu_Philipp.pdf (Accessed: 17th June 2024).

5. Kusmiarto, K., Aditya, T., Djurdjani, D. & Subaryono, S. (2021) Digital Transformation of Land Services in Indonesia: A Readiness Assessment. *Land*. 10(2). Art. 120. pp. 1–16. doi: 10.3390/land10020120

6. Sinitsa, Yu.S. (2014) Analiz mirovykh zemel'nykh kadastrykh sistem [Analysis of World Land Cadastral Systems]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*. 10(157). pp. 55–66.

7. Mamontova, S.A., Parkina, D.O., Kolpakova, O.P. & Kobanenko, T.I. (2020) Problema ponyatiynogo apparata zemleustroitel'noy ekspertizy [The Problem of the Conceptual Framework of Land Management Expertise]. *Finansy i upravlenie*. 2. doi: 10.25136/2409-7802.2020.2.33317

8. Starostin, V.R. (2016) Razrabotka edinoi sistemy ekspertnogo issledovaniya pri razreshenii mezhevyykh sporov [Development of a Unified System of Expert Research in Resolving Boundary Disputes]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 5(17). pp. 54–56.

9. Karpik, A.P. & Parkhomenko, D.V. (2019) Analiz sostoyaniya metodologicheskoy osnovy sudebnoy zemleustroitel'noy ekspertizy v Rossiyskoy Federatsii [Analysis of the State of the Methodological Basis of Forensic Land Management Expertise in the Russian Federation]. *Vestnik SGUGiT*. 24(1). pp. 192–203.

10. Belkin, R.S. (1997) *Kurs kriminalistiki: v 3 t.* [A Course in Criminalistics: In 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Yurist'.

11. Bezmen, P.A. (2022) Kompleksirovanie dannykh sistemy upravleniya mobil'nyim gusenichnym robotom [Integration of Data from the Control System of a Mobile Tracked Robot]. *Vestnik BGTU im. V.G. Shukhova*. 3. pp. 89–102. doi: 10.34031/2071-7318-2021-7-3-89-102

12. Kolesnikov, A.A. & Stepanenko, A.E. (2019) Istochniki otkrytykh geoprostranstvennykh dannykh i sposoby ikh ispol'zovaniya [Sources of Open Geospatial Data and Methods of Their Use]. In: *Pervye shagi v nauke* [First Steps in Science]. pp. 49–53.

13. Stefoglo, S.N., Tomilova, N.I. & Amirov, A.Zh. (2015) Kontseptsiya otkrytykh dannykh, osnovnye printsipy otkrytykh dannykh [The Concept of Open Data, the Basic Principles of Open Data]. *Innovatsionnaya nauka*. 4–2. pp. 53–55.

14. Martynova, E.V. (2023) Napravleniya formirovaniya i obespecheniya kachestva Natsional'noy sistemy prostranstvennykh dannykh [Directions for the Formation and Quality Assurance of the National Spatial Data System]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 4. pp. 109–114. doi: 10.24158/tipor.2023.4.14

15. Zhigalov, K.Yu., Avetisyan, K.R. & Markova, S.V. (2021) Perspektivy ispol'zovaniya sistem iskusstvennogo intellekta v zadachakh avtomatizirovannogo obnovleniya kartograficheskogo materiala [Prospects for Using Artificial Intelligence Systems in Tasks of Automated Updating of Cartographic Material]. *Moskovskiy ekonomicheskii zhurnal*. 1. pp. 20–28. doi: 10.24412/2413-046Kh-2021-10014

16. Amankulova, N.A., Molmakova, M.S. & Karimova, G.T. (2023) Iskusstvennyy intellekt i geoinformatsionnye sistemy [Artificial Intelligence and Geographic Information Systems]. *Byulleten' nauki i praktiki*. 9(11). pp. 278–287. doi: 10.33619/2414-2948/96/36

17. Skulskiy, D.V., Shurshev, V.F. & Shikulskiy, M.I. (2023) Upravlencheskie protsessy i razvitiye iskusstvennogo intellekta v munitsipal'nykh obrazovaniyakh [Management Processes and the Development of Artificial Intelligence in Municipalities]. *Inzhenerno-stroitel'nyy vestnik Priaspia: nauchno-tehnicheskii zhurnal*. 2(44). pp. 116–122.

Информация об авторе:

Пархоменко Д.В. – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры трудового, земельного и финансового права Новосибирского юридического института (филиала) Томского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: dara8@inbox.ru; ORCID: 0009-0003-1077-0869; SPIN-код: 1363-1313; AuthorID: 1040602.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Parkhomenko, Ph.D. of Engineering Sciences, Associate Professor. Associate professor of Department of Labor, Land and Financial Law, Novosibirsk Law Institute (branch office) Tomsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dara8@inbox.ru; ORCID: 0009-0003-1077-0869; SPIN-код: 1363-1313; AuthorID: 1040602.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.03.2025;
одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 09.12.2025.*

*The article was submitted 15.03.2025;
approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 09.12.2025.*

Научная статья

УДК 347.4

doi: 10.17223/22253513/58/10

Легальная триада терминов «плоды», «продукция», «доходы» и соотношение обозначаемых ими понятий

Даниил Олегович Тузов^{1, 2, 3}

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

³ *Российская школа частного права при Президенте РФ, Москва, Россия*
^{1, 2, 3} dtuzov@mail.ru

Аннотация. В статье выясняется значение терминов «плоды», «продукция», «доходы», используемых в ст. 136 ГК РФ и в иных нормах законодательства. Делается вывод, что целесообразное их толкование должно соответствовать традиционной терминологии – «натуральные плоды в узком смысле», «промышленные плоды», «цивильные плоды».

Ключевые слова: плоды, продукция, доходы, вещное право, право собственности, приобретение права собственности, гражданское право

Для цитирования: Тузов Д.О. Легальная триада терминов «плоды», «продукция», «доходы» и соотношение обозначаемых ими понятий // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 128–145. doi: 10.17223/22253513/58/10

Original article

doi: 10.17223/22253513/58/11

The legal triad of the terms «fruits», «products», «income» and the ratio of the concepts they denote

Daniil O. Tuzov^{1, 2, 3}

¹ *National Research University Higher School of Economics,
Saint-Petersburg, Russian Federation*

² *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

³ *Russian Presidential School of Private Law, Moscow, Russian Federation*
^{1, 2, 3} dtuzov@mail.ru

Abstract. The article clarifies the meaning of the terms "fruits", "products", "income", used in Art. 136 of the Civil Code of the Russian Federation, but without a legal definition.

The most common and commonly used meaning of the term "products" is any tangible goods produced using things or even without them (including the results of work and services, as well as processed products), while the term "income" is any periodic property (usually monetary) income from any human activity (including independent of any thing).

In this general sense, the triad "fruits, products, incomes" is a legacy of late Soviet law. In the context of the policy of privatization and the transfer of the economy to "market rails" pursued in the early 90s of the XX century, the emergence of the "triad" in question, covering any "results of economic and other use of property", was caused by the desire to fully ensure the independence and independence from the state of enterprises created during privatization.

The broad historical interpretation under consideration corresponds to the will of the legislator of the transitional period, in which the norm of Article 136 of the Civil Code of the Russian Federation was created. However, today it does not meet the changed conditions, which is shown by specific examples of the instrumental use of things: the broad concepts of products and income today are devoid of civil law meaning, and the rule of art. 136 of the Civil Code of the Russian Federation loses its certainty with such an interpretation and contradicts other norms, being replaced by them.

The purpose of Article 136 of the Civil Code of the Russian Federation and its function is to determine the ownership of not any proceeds from the use of property, but only fruits in the proper sense, regardless of whether their receipt was the result of a violation of someone else's right and whether it entails responsibility. Therefore, the concepts of products and income in the meaning of Art. 136 of the Civil Code of the Russian Federation should follow from a restrictive interpretation and do not coincide with the concepts designated by the same terms in other institutions (processing, unjustified enrichment, responsibility).

For the purposes of applying Article 136 of the Civil Code of the Russian Federation, it should be assumed that all three types of receipts mentioned in it relate to fruits in their classical sense (*fructus*), i.e. they should be characterized by origin either from the fruit-bearing thing itself while preserving its essence (natural fruits, including industrial products), or from the legal use of the mother substances (civil fruits – incomes). So, "fruits" in the sense of Art. 136 of the Civil Code of the Russian Federation are purely natural fruits (*fructus mere naturales*) that appear by virtue of nature itself without significant human involvement.; "products" are natural industrial fruits (*fructus industriales*), i.e. products of production, in which both nature and human labor are jointly involved, and which do not include processed products (things made from other things); "incomes" are civil fruits (*fructus civiles*), i.e. only receipts provided by the legal use of the parent substance and representing a counter-satisfaction of the obligation.

Keywords: fruits, products, income, property law, property right, acquisition of property rights, civil law

For citation: Tuzov, D.O. (2025) The legal triad of the terms «fruits», «products», «income» and the ratio of the concepts they denote. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 58. pp. 128–145. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/58/10

1. О понятии плодов и иных поступлений от вещи: вводные замечания

В гипотезе нормы ст. 136 ГК РФ, определяющей принадлежность поступлений от вещи, говорится о «плодах», «продукции» и «доходах». В первом приближении обозначенные данными терминами понятия можно определить как *материальные и нематериальные поступления имущественного характера от вещи или иной материнской субстанции*¹, периодически (по

¹ Несмотря на то, что в ст. 136 ГК РФ в качестве субстанции, от которой происходят плоды, продукция и доходы, буквально называется только «вещь», этот термин следует

крайней мере потенциально) воспроизводимые ею без ее уничтожения, уменьшения и изменения ее существа и рассматриваемые в обществе как доход от нее. Это – всего лишь приблизительное определение интересующих нас понятий, которые, если не уточняется иное, мы будем далее обозначать общим термином «плоды», имея в виду некоторую родовую категорию, охватывающую также и упомянутые в ст. 136 ГК РФ продукцию и доходы¹. Но прежде чем перейти ко всем трем понятиям непосредственно, представляется уместным сделать несколько предварительных замечаний.

1.1. Неоднозначность понятия плодов. Понятие плодов является относителем и изменчивым, зависящим не только от той или иной научной точки зрения, но также и от контекста конкретного его использования, типа и цели исследования, исторического периода и социально-экономических условий, в которых этим понятием оперируют [2. Р. 286 ss.].

На первый взгляд может показаться, что, используя понятие плодов (по крайней мере натуральных) в юридических целях, законодатель и доктрина лишь переносят в сферу права некую уже существующую в природе или обществе данность, понимая под ними то, что является таковыми с естественно-научной или социально-экономической точки зрения. Но на самом деле юридическое понятие плодов отнюдь не сводится к простому воспроизведению результатов, полученных другими науками. Так, например, луговая трава и лесные деревья, не являющиеся плодами для биолога или ботаника, вполне могут быть таковыми для юриста; точно так же собранный с поля урожай в правовом смысле является, несомненно, плодом земельного участка, причем независимо от того, что затраты на его выращивание и сбор могут превзойти его стоимость (доход от его продажи) или быть равны ей, что с точки зрения экономической, напротив, препятствовало бы его признанию в качестве плода, понимаемого как некий доход, приращение богатства [3. Р. 205].

О плодах, продукции и доходах говорится в различных правовых нормах, но поскольку законодатель не дает какого-то легального определения этих понятий, то нет оснований предполагать *a priori*, что во всех этих нормах под ними понимается одно и то же, т.е. что их понятие во всех нормативно предусмотренных случаях имеет одинаковое содержание²: различие в понятии плодов может зависеть не только от вида плодоприносящей материальной вещи (земельный участок, здание, предприятие и т.п.), не говоря уже о материнской субстанции вообще, но и от конкретной преследуемой нормой цели правового регулирования [3. Р. 206].

толковать расширительно, понимая под ним вообще любую материнскую субстанцию, в том числе и нематериальную (например, капитал в виде безналичных денежных средств или акций либо результат интеллектуальной деятельности), поскольку к производству плодов (цивильных) способны далеко не только вещи [1. С. 269–271].

¹ Как будет подробно обосновано далее (см. п. 4 настоящей статьи), продукция и доходы представляют собой *разновидности плодов*, а не отличные от последних понятия.

² Многозначность употребления термина «доходы» в российском законодательстве отмечается в литературе (см., напр.: [4. С. 170]); см. также ниже, подп. 2.1.

1.2. Два аспекта понятия плодов. В понятии плодов как исторически, так и с точки зрения современного права различаются два аспекта, определяющих и охватываемые им сферы: (а) *натуралистический*, основанный на выполняемой плодоприносящей вещью (в узком, материальном смысле) функции органического воспроизведения, в соответствии с которым плоды – это *органические продукты* вещи, периодические и возобновляемые, и (б) *хозяйственный* (или *социально-экономический*), в котором на первый план выходят производительность, создание нового богатства и согласно которому плоды – это периодический *доход* от вещи.

Сказанное определяет различие между натуралистическим понятием *естественных плодов* и экономическим понятием *доходов*, выражающихся необязательно в материальных вещах и чаще всего не в них. Но и в этом последнем аспекте плоды могут пониматься по-разному: и как результаты деятельности, относящейся к определенной вещи и представляющие собой некоторые *новые блага*, материально отделяющиеся от нее или поступающие от ее юридического использования (плоды в собственном, цивильно-правовом смысле) либо использования чисто фактического, в качестве инструмента (плоды или продукция в более широком, нетехническом смысле), и как доходы от деятельности лица или сообщества, выражающиеся в некоем учетном результате как разнице между затратами и выручкой (экономическое, финансово-правовое и тому подобное понимание дохода) [2. Р. 287; 3. Р. 205].

Оба аспекта (но в наибольшей степени второй из них, социально-экономический) раскрывают *общественную* сущность понятия плодов (сущность, характеризующую вообще любое правовое явление). С этой точки зрения понятие плодов наиболее удачно выражено в концепции Л.И. Петражицкого, согласно которой оно не означает какую-то отдельную категорию вещей, но характеризует особое *отношение между людьми и вещами* и, следовательно, то, что для конкретного лица в данном конкретном отношении представляет собой периодический доход от вещи [5] (ср.: [6. С. 314, сн. 2¹]). В данной концепции совершенно правильно подчеркивается социально-экономическая суть понятия плодов: сами они, конечно же, являются вещами или иными благами (в зависимости от существа материнской субстанции и

¹ «Это понятие (плодов. – Д.Т.) должно означать не особый вид вещей, а особое отношение между хозяйственными субъектами и хоз. благами, состоящее в том, что плоды являются периодическими прибылями данного лица от известного капитала». Соответственно, «существо плодов состоит не в особых свойствах вещей, а в отношении субъекта к имуществу, из которого он извлекает правильно возвращающиеся доходы» (в изложении данной теории Эндеманом [6. С. 318, сн. 2]). Под влиянием Л.И. Петражицкого подобное понимание плодов было принято, например, таким известным немецким юристом, как Г. Дернбург [6. С. 318, сн. 2]. А в русской цивилистике его придерживался, например, А. Гейне: «Понятие плода... означает не особую категорию вещей, но особое отношение между лицом к (*sic.* – Д.Т.) хозяйственным благам, так что одна и та же вещь для одного лица будет плодом, для другого же самостоятельной вещью, смотря по тому, находится ли появление плодов у данного лица в причинной связи с обладанием капиталом или нет» [7. С. 138].

характера ее использования), а не отношением людей к вещам, однако *квалификация благ в качестве плодов* есть, безусловно, функция особого *отношения лица к экономическому благу*. Так, прежде всего с точки зрения правового режима *присвоения* понятие плодов имеет вообще смысл лишь в связи с *первым* их присвоением как объектов прав и (или) оборота, при последующих же отчуждениях и приобретениях речь будет идти уже не о плодах, а об обыкновенных вещах или иных благах вне всякой их связи с материнской субстанцией. В этом же относительном ключе объясняется и возможная двойственность в правовой характеристике одной и той же вещи и как плодоприносящей, и как плода: так, например, теленок-самка – это одновременно и плод с точки зрения режима ее первоначального приобретения, и материнская субстанция с точки зрения режима такого же первоначального приобретения ее приплода, если и когда он появится; денежные средства, полученные в качестве наемной платы, будут одновременно и цивильными плодами (доходами) от сданной внаем вещи, и материнской субстанцией (капиталом) для сумм процентов, полученных на них в случае их дальнейшего использования в качестве кредитного ресурса.

Как исторически, так и в современном праве при определении понятия плодов используются два различных критерия, соответствующих двум только что рассмотренным аспектам – *натуралистическому* и *социально-экономическому*, взаимодействие которых и обусловило эволюцию данного понятия.

1.3. Классификация плодов. В результате длительной эволюции, протекавшей от римского права через столетия европейской правовой истории, в современной доктрине, которая восходит к науке пандектного права (в частности, к Б. Виндшайду [8. § 44]), отвергая узконатуралистическое понимание плодов в пользу социально-экономического критерия, сложилось представление, согласно которому плоды вообще (лат. ¹ *fructus*) могут быть *натуральными* (*fructus naturales*) и *цивильными* (*fructus civiles*) с характерными для тех и других некоторыми как общими, так и особыми признаками.

В соответствии с критерием участия труда человека в их получении *натуральные плоды* подразделяются, в свою очередь, на два вида: *чисто натуральные*, или *произвольные* – плоды в узком смысле (*fructus mere naturales*), возникающие и отделяющиеся от плодоприносящей вещи в силу самой природы, без участия человека или с его лишь незначительным участием, и *промышленные* (*fructus industriales*), в получении которых совместно участвуют и природа, и труд человека (подразделение это не имеет, однако, сколько-нибудь важного практического значения).

Далее, по критерию органичности натуральные плоды могут быть *органическими*, если они производятся вещью без изменения ее сущности, и *неорганическими* (или «продуктами»), согласно терминологии, принятой в романских правовых порядках), извлечение которых приводит к истощению материнской вещи. При этом произвольные плоды всегда являются органическими, в то время как промышленные могут быть как органическими, так и неорганическими.

¹ Далее латынь не оговаривается.

Общее для натуральных плодов всех видов – это то, что к ним относятся только *материальные части*, получаемые *ex ipso corpore* («из самого тела») вещи. Им противопоставляется категория *цивильных плодов (fructus civiles)* – дохода, доставляемого в силу соответствующего правоотношения в широком смысле, т.е. юридического использования вещи или иного объекта, в том числе права, и представляющего собой встречное удовлетворение по этому правоотношению.

Наконец, все плоды, чтобы считаться таковыми, должны отвечать признаку *доходности*, т.е. в соответствии с социально-экономическим критерием рассматриваться как доход от вещи или иной материнской субстанции (впрочем, необходимость данного признака относится к числу спорных).

2. Проблема терминологии. Ограничительное толкование

Отталкиваясь от общего понятия плодов (*fructus*) и их разновидностей, выработанного европейской юриспруденцией в течение столетий, выясним далее значение терминов «плоды», «продукция» и «доходы», употребленных в ст. 136 ГК РФ и иных нормах гражданского законодательства. Их перечисление в тексте данной статьи через запятую должно, по-видимому, свидетельствовать о соответствии им трех самостоятельных и более или менее четко отграниченных друг от друга понятий. Поскольку ни в ГК РФ, ни в иных законах нет легального определения этих понятий, толкование обозначающих их терминов может быть различным.

2.1. Общие и специальные значения терминов. Прежде всего, если исходить из предположения, что норма ст. 136 ГК РФ призвана урегулировать вопрос принадлежности именно *плодов* в установленном общем значении этого термина, следовало бы признать, что их понятием должны охватываться все три указанные в статье категории, а именно, что (а) под «плодами» должны пониматься натуральные плоды в узком смысле, т.е. *произвольные естественные плоды (fructus mere naturales)*, (б) под «продукцией» – *натуральные промышленные плоды (fructus industriales)*, как органические, так и неорганические¹, и (в) под «доходами» – *плоды цивильные (fructus civiles)*.

Этим специальными значениями терминов «продукция» и «доходы» противостоят более общие и употребительные. Так, *продукция* может пониматься и чаще всего действительно понимается в широком, экономическом смысле как любые произведенные вещественные блага, включая и промышленные плоды в установленном выше значении, и овеществленные результаты производственного использования вещи в качестве инструмента, в том числе результаты работ и услуг (см., напр.: [9. С. 311²; 10. С. 303 и след.³]; см. также: [11. С. 6]), и

¹ В этом смысле применительно к соглашениям о разделе продукции см. абз. 3 ст. 346.34 НК РФ: «продукция – полезное ископаемое, добытое из недр...».

² «Продукция – техническое (в этом смысле – искусственное) приращение имущества, полученное в результате его производительного использования (например, готовая продукция какого-либо завода)», «вещи или овеществленные результаты работ или услуг (в частности, результаты ремонта или иного улучшения вещи)» (автор – Е.А. Суханов).

³ «...Продукция – доход с различного рода машин, механизмов или оборудования».

продукты переработки, или же только как эти последние (см., напр.: [12. С. 245¹]). Ввиду полной неопределенности такое понимание продукции лишено юридического значения, о чем подробнее будет сказано ниже (см. п. 4).

Что касается термина «доходы», то можно выделить три его различных значения:

а) самое узкое и специальное – *цивильные плоды*: именно это значение, как предположено выше, имеет, по-видимому, термин «доходы» в ст. 136 ГК РФ (а также, например, в ст. 248 ГК РФ, о толковании которой см. ниже);

б) более широкое, совпадающее по существу с понятием *плодов* вообще (охватывающим как *цивильные*, так и *натуральные плоды*): речь идет о субстантивации такого признака плодов, как доходность; в этом значении термин «доходы» довольно часто используется в доктрине², судебной практике [12. С. 246, сн. 49], например, в ст. 303 ГК РФ, подразумевающей, безусловно, любые плоды, а не только *цивильные* (таково распространенное толкование термина «доходы» в ст. 303 ГК РФ (см.: [4. С. 179, сн. 24; 13. С. 381³; 14. С. 222]));

в) наиболее широкое, экономическое значение, охватывающее *любые поступления от любой деятельности*, в том числе деятельности фактического характера, включая чисто инструментальное использование вещи и даже деятельность, независимую от какой-либо вещи, ее наличия (что может наблюдаться, например, при оказании тех или иных услуг, которые не связаны с использованием инструментов): это, следовательно, *любые прибавления имущества, прибыли* (см., напр.: [9. С. 311⁴]). В столь широком значении понятие доходов, так же как и понятие продукции, лишено юридического смысла, во всяком случае гражданско-правового.

В другой плоскости, в зависимости от формы, доходы можно также понимать или в узком смысле – *денежные доходы* (так доходы понимаются чаще всего), или в широком – в *любой форме* (см., напр.: [12. С. 246; 15. С. 384⁵]). При чем оба значения могут пересекаться с любым из элементов предыдущей классификации.

Употребление терминов «продукция» и «доходы» в их максимально широком значении является наиболее частым как в обыденной речи, так и в языке

¹ «...В отличие от плодов продукция представляет собой предмет искусственный, созданный человеческим трудом в результате переработки других вещей: дом, ткань, станок, мебель, посуда и т.п.».

² Достаточно упомянуть, например, уже неоднократно цитированный фундаментальный труд на тему плодов, принадлежащий перу Л.И. Петражицкого, где термин «доходы» используется для обозначения вообще плодов, в том числе и в самом названии книги.

³ «...Все поступления, полученные лицом, которое неправомерно владело этим имуществом» (автор – Т.Л. Левшина).

⁴ «Доходы – экономическое приращение имущества, прежде всего в виде денег» (автор – Е.А. Суханов).

⁵ «Термин “доходы” имеет два значения. В широком смысле под доходами понимаются плоды и денежные поступления. В узком смысле доходы – деньги или иные материальные ценности, получение которых обусловлено наличием обязательственного правоотношения» (автор – С.П. Гришаев).

законодателя: ограничиваясь в качестве примера нормами, где они употреблены вместе и одновременно с термином «плоды», можно указать положения п. 3 ст. 257, п. 2 ст. 299, п. 3 ст. 336, п. 1 и 5 ст. 346, ч. 2 ст. 606, подп. 2 п. 2 ст. 614, п. 1 ст. 1043 ГК РФ. Так, например, когда законодатель говорит применительно к участникам простого товарищества, что «произведенная в результате совместной деятельности продукция и полученные от такой деятельности плоды и доходы признаются их общей долевой собственностью» (п. 1 ст. 1043 ГК РФ) или что «плоды, продукция и доходы, полученные в результате деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства, являются общим имуществом членов крестьянского (фермерского) хозяйства» (п. 3 ст. 257 ГК РФ; ср. п. 2 ст. 6 Федерального закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»), то имеются в виду, очевидно, любая продукция и любые доходы от соответствующей деятельности, а не только те, что получены в качестве плодов от использования общих вещей; иными словами, продукция и доходы должны здесь пониматься в широком, экономическом смысле. Таким образом, несмотря на употребление все той же триады терминов «плоды, продукция, доходы», которые использует и ст. 136 ГК РФ, значение элементов этой триады в том и в другом случае, скорее всего, различное¹ (это предположение будет обосновано далее, в п. 4). Напротив, например, в ст. 248 ГК РФ под доходами подразумеваются, скорее всего, только гражданские плоды, а не доход в широком смысле², полученный отдельными участниками от деятельности с использованием общего имущества, поскольку при ином предположении было бы непонятно, почему он становится общей собственностью³. Следовательно, значение рассматриваемого термина в указанной статье, вероятно, совпадает с его значением в ст. 136 ГК РФ.

2.2. Ограничительное толкование и его варианты. Итак, предложенное выше толкование рассматриваемых терминов в их специальном значении является *ограничительным*. Согласно ему «продукцией» для целей применения нормы ст. 136 ГК РФ следует считать только те продукты производства, которые, как и все другие натуральные плоды, представляют собой выделяющиеся (или выделяемые человеком) из вещи ее части с сохранением ее существа, и, соответственно, к ней не относятся *продукты перера-*

¹ Между тем в литературе такое разграничение значений проводится не всегда: например, доходы от деятельности кооператива (п. 5 ст. 116 ГК РФ) или товарищей в договоре простого товарищества (п. 1 ст. 1043 ГК РФ) ошибочно понимаются как доходы в смысле ст. 136 ГК РФ [12. С. 242].

² В то же время Президиум ВАС РФ в одном деле упомянул гражданские плоды в качестве лишь примера доходов, подразумеваемых в ч. 2 ст. 248 ГК РФ [16].

³ В судебной практике имеется позиция, согласно которой в состав общей долевой собственности поступают доходы, полученные только от такого использования общего имущества отдельными собственниками, «в результате которого... иные участники долевой собственности были лишены возможности осуществлять правомочия собственника в отношении принадлежащих им долей» [17]. Иные, не являющиеся гражданскими плодами доходы, полученные от использования общего имущества отдельными собственниками, поступают, следовательно, в их личное имущество.

ботки, т.е. как раз то, что обычно принято понимать под продукцией, особенно если речь идет о предпринимательстве (применительно к которому продукция – это не просто продукты переработки, а одновременно *товар*, т.е. продукты переработки, предназначенные для продажи). Значение же термина «доходы» должно сводиться лишь к тем поступлениям, в большинстве своем денежным, которые доставляет юридическое использование вещи или иной материнской субстанции (в том числе права), т.е. опять-таки к ним относятся далеко не любые поступления вообще от хозяйственной деятельности, как обычно понимаются доходы, а лишь гражданские плоды.

Против предложенного толкования может быть, однако, выдвинуто то возражение, что оно оставляет открытым вопрос, почему при таком значении используемых терминов законодатель не ограничился указанием в ст. 136 ГК РФ лишь на плоды, если две другие категории охватываются этим понятием. Возможно, такое решение стало данью установившейся традиции обозначать поступления от вещи «триадой» терминов; возможно, оно было вызвано намерением законодателя снять подобным перечислением всякие сомнения в том, что речь идет о любых поступлениях от вещи, соответствующих общему понятию плодов, а не только о плодах в самом узком, примитивном смысле этого слова – урожае сельскохозяйственных культур, приплоде и иных поступлениях от сельскохозяйственных животных (*fructus mere naturales*). Наконец, возможно и иное толкование рассматриваемых терминов, о чем будет подробнее сказано непосредственно ниже (см. также п. 3).

Иногда при ограничительном толковании интересующих нас терминов пытаются тем не менее увязать их с экономическим пониманием продукции и доходов как соответственно *произведенного товара* и *выручки, получаемой от продажи этого товара* (от экономического обмена товара на деньги). Так, согласно одному из доктринальных определений, в качестве «полученной от основной вещи продукции» следует рассматривать те же натуральные плоды или полученные в результате их переработки иные вещи, если те и другие *предназначены для продажи*, т.е. «когда их использование непосредственно предполагает реализацию, в том числе с предварительной, направленной на это переработкой» [4. С. 168] (в таком значении термин «продукция» употребляется, например, в нормах о контрактации – ст. 535–538 ГК РФ). В соответствии с этой точкой зрения «в контексте ст. 136 ГК РФ продукция должна пониматься в узком смысле: либо это нечто совершенно новое, отделенное от основной вещи без изменения ее существа или без значительного для нее ущерба, либо если это и результат переработки, то переработки плодов, и в таком смысле это тоже всегда нечто новое, отделенное от вещи, давшей эти плоды» [4. С. 169]. При таком толковании остается, однако, неясным, что дает включение в понятие продукции в смысле ст. 136 ГК РФ также продуктов переработки натуральных плодов, ибо и в силу п. 1 ст. 220 ГК РФ продукты переработки принадлежат по общему правилу собственнику материалов. Незначительную научную и практическую ценность подобной интерпретации отмечает и сам автор: «Однако, – пишет

он, – такого рода разграничение плодов и продукции не имеет принципиального значения, поскольку юридическая судьба обоих этих поступлений определяется для них одним общим правилом» [4. С. 168].

Все сказанное можно повторить и применительно к данному в том же интерпретативном ключе определению *доходов*: «Полученные от использования основной вещи плоды и продукция... – указывает тот же автор, – могут быть реализованы, что приводит к появлению на их месте доходов ...И здесь юридическая судьба доходов от использования основной вещи определяется тем же общим правилом, что для плодов и продукции...» [4. С. 169]. Из этого толкования, как и предыдущего, совершенно непонятно, зачем нужно было в ст. 136 ГК РФ отдельно устанавливать правило о том, что доход от продажи плодов и продукции принадлежит их (бывшему) собственнику, если и так ясно, что вырученные от продажи любой вещи суммы принадлежат только тому, кто, будучи собственником этой вещи, распорядился ею, и никому другому (иначе следовало бы установить подобное правило в первую очередь в общих нормах о купле-продаже, где оно отсутствует).

Понять, что в действительности имел в виду законодатель при формулировании ст. 136 ГК РФ, употребляя интересующие нас термины, станет возможным, если принять во внимание те конкретные исторические условия, при которых данная терминология была введена в отечественное законодательство, т.е., иными словами, прибегнув к методу *исторического толкования*.

3. Историческое толкование: происхождение терминологии

В том виде, в каком триада «плоды, продукция, доходы» представлена в ст. 136 ГК РФ, она является наследием поздней советской цивилистики.

3.1. Законодательное развитие терминологии. Дореволюционное позитивное право не регулировало отдельно вопрос принадлежности плодов: ст. 425 Законов гражданских (т. X ч. 1 Свода законов Российской империи) содержала *общее* правило о том, что собственнику (а точнее, «владельцу», согласно терминологии того времени) *«по праву полной собственности на имущество... принадлежат все плоды, доходы, прибыли, приращения, выгоды и все то, что трудом и искусством его произведено в том имуществе»*. Отбросив «приращения» и «выгоды», а также не названные прямо улучшения имущества (подразумеваемые, вероятно, в числе других понятий словами «что... произведено в том имуществе»), можно констатировать лишь частичное соответствие терминологии рассматриваемого положения интересующим нас терминам, использованным в ст. 136 ГК РФ, а именно в части «плодов» и «доходов» (к которым можно отнести также «прибыли»), прямо упомянутых в ст. 425 Законов гражданских, и, возможно, в части того, что сегодня называется *продукцией*, если весьма широкое по значению выражение «что трудом и искусством... произведено» толковать также и в этом смысле.

ГК РСФСР 1922 г. не содержал не только легального определения плодов и иных поступлений от вещи, что в целом характерно для отечественного законодательства, как предшествующего, так и всего последующего,

но даже, в отличие от дореволюционных Законов гражданских, какого-либо правила об их принадлежности. Да и вообще, в этом кодексе «плоды» упоминались всего лишь один раз – в ст. 96, устанавливающей диспозитивный запрет залогодержателю «пользоваться заложенным имуществом или плодами его».

Впервые правило, в целом аналогичное установленному нынешней ст. 136 ГК РФ, однако без упоминания «продукции», появляется в ст. 140 ГК РСФСР 1964 г.: *«Плоды, приплод животных, доходы, приносимые вещью, принадлежат собственнику вещи, поскольку иное не установлено законом или договором собственника с другим лицом»*. Как видим, формально «плоды» в этом положении не включают приплод животных, что можно отнести скорее к редакционной неточности, чем к архаической концепции плодов как произведений исключительно растительного мира, преодоленной довольно рано уже в древнейшем римском праве (см.: [1. С. 274]).

Термин «продукция» в интересующем нас смысле наряду с «доходами», но почему-то без «плодов» появляется (по-видимому, впервые) в Законе СССР от 6 марта 1990 г. «О собственности в СССР», п. 2 ст. 3 которого устанавливал: *«Результаты хозяйственного использования имущества (продукция и доходы), если иное не предусмотрено законом или договором, принадлежат собственнику этого имущества»*. Отсутствие в данном положении упоминания о «плодах» явилось, вероятно, редакционным упущением, если, конечно, союзный законодатель не понимал продукцию как охватывающую в том числе и плоды.

Этот недостаток был исправлен в том же году, но уже на уровне республиканского законодательства, в п. 6 ст. 2 Закона РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР», где указывалось: *«Результаты хозяйственного и иного использования имущества, включая произведенную продукцию, а также плоды и иные доходы от использования имущества принадлежат собственнику этого имущества, если иное не предусмотрено законом или договором собственника с другим лицом»*. В этом положении, в отличие от всех предыдущих, явно присутствует уже полная триада поступлений от имущества – «плоды, продукция, доходы», однако можно заметить, что последний из этих терминов впервые использован – в словосочетании «иные доходы» – в наиболее широком смысле *экономического дохода*, охватывающем и продукцию, и вообще плоды, а также поступления от хозяйственной деятельности (а не самой вещи), собственно плодами не являющиеся. Аналогичная норма была полгода спустя закреплена в п. 1 ст. 50 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г.: *«Собственнику имущества принадлежат результаты хозяйственного и иного использования его имущества, в том числе продукция, плоды и другие доходы, если иное не предусмотрено законодательными актами или договором»*.

3.2. Политико-правовой смысл «триады». В условиях проводимой в начале 90-х гг. прошлого века политики приватизации и перевода эконо-

мики на «рыночные рельсы» причина появления в отечественном законодательстве рассматриваемой «триады» кажется понятной. Думается, ее закрепление было вызвано стремлением наиболее полно обеспечить самостоятельность предприятий, создававшихся в ходе приватизации государственного имущества, их независимость от государства, что в то время было весьма актуальной задачей, и для этого требовалось законодательно признать за ними максимальное господство над всем тем, что они производили и получали иным образом вследствие своей хозяйственной деятельности («хозяйственного и иного использования имущества»).

С точки зрения этой цели нужно, безусловно, признать, что в тех исторических условиях понятия продукции и доходов, используемые в законодательстве переходного периода, не могли исчерпываться категорией плодов (в том числе гражданских) в установленном выше традиционном, строго юридическом значении этого термина, но должны были совпадать скорее с экономическим пониманием продукции и доходов, охватывая все те имущественные блага, которые предприятие непосредственно производит (продукция), и – еще шире – все те экономические блага, которые оно получает вообще от своей хозяйственной деятельности, в том числе от продажи своей продукции (доходы). Иными словами, имелись в виду, согласно букве приведенных норм, любые «результаты хозяйственного и иного использования имущества». Такое понимание довольно далеко от традиционного понятия плодов как непосредственных поступлений от конкретной вещи или от правоотношения, установленного по поводу нее либо иной материнской субстанции.

4. Предпочтительность ограничительного толкования

Хотя приведенное историческое толкование, возможно, наиболее соответствует воле законодателя переходного периода, в который создавалась рассматриваемая норма, сегодня его использование, как представляется, объективно не отвечало бы изменившимся условиям, в том числе существующей системе норм о приобретении права собственности.

4.1. Несоответствие исторического толкования правовому регулированию. Так, в настоящее время вопрос принадлежности произведенной продукции в том широком смысле, который, по-видимому, закладывался в ее понятие позднесоветским законодателем, вряд ли может вызывать какие-либо сомнения. Он однозначно решается в абз. 1 п. 1 ст. 218 ГК РФ, где установлено следующее общее правило: *«Право собственности на новую вещь, изготовленную или созданную лицом для себя с соблюдением закона и иных правовых актов, приобретает этим лицом»*. Под соблюдением закона здесь подразумевается в том числе то, что продукция произведена лицом из собственного материала или материала, принадлежащего ему на ином основании, отличным от права собственности, но допускающем указанное его использование. Если же в нарушение закона для получения продукции были использованы чужие материалы, то ответ на вопрос о принадлежности такой продукции дает п. 1 ст. 220 ГК РФ: *«...право собственности на новую*

движимую вещь, изготовленную лицом путем переработки не принадлежащих ему материалов, приобретает собственником материалов» (исключения установлены тем же пунктом цитированной статьи для случаев, когда иное предусмотрено договором или когда стоимость переработки, произведенной добросовестным лицом, «существенно превышает стоимость материалов»).

Что касается *доходов*, то при обозначенном выше широком, экономическом их понимании вопрос их правовой принадлежности просто лишен смысла, поскольку если доход не привязан к юридическому использованию конкретной вещи, т.е. не сводится к гражданским плодам, то и не может быть какого-либо иного лица, которому он причитался бы, отличного от кредитора по тому обязательству, по которому получен доход; вопрос же о том, кто является кредитором, решается всегда *in concreto* на основе норм обязательственного права.

Таким образом, только предложенное выше (см. подп. 2.2) ограниченное толкование, основанное на желательной функции нормы ст. 136 ГК РФ в общей системе норм, при котором продукция и доходы должны рассматриваться в качестве разновидностей плодов в их традиционном понимании, позволяет придать существующему ныне правилу ст. 136 ГК РФ самостоятельное значение как распространяющемуся только на те поступления, которые происходят или из самой вещи, или из правоотношения по поводу нее либо иной материнской субстанции. В доктрине толкование, сформулированное, подобно предложенному, с новой целью нормы, называют *объективно-телеологическим*, а также *динамическим* или *прагматическим*. При широком же, историческом толковании, исходящем из признания полной автономии трех категорий, это правило в части продукции и доходов сегодня теряло бы определенность и какой-либо смысл, вступая в противоречие с иными нормами и вытесняясь ими. Покажем сказанное на примерах.

4.2. Продукция и доходы от инструментального использования вещи.

Поскольку при широком толковании *продукцией* в смысле ст. 136 ГК РФ считались бы не только натуральные плоды, поступившие вследствие отделения частей материнской вещи, но и вообще любые новые вещи, полученные от всякого хозяйственного использования другой вещи, т.е. в том числе с применением ее *в качестве инструмента производства* в деятельности по получению продуктов переработки или промышленных плодов иной вещи, а не от самой вещи-инструмента, то в соответствии с диспозицией ст. 136 ГК РФ пришлось бы признать, например, что изделия, изготовленные кем-то на чужом станке (продукция), принадлежат собственнику станка независимо от самой деятельности (трудовых и материальных затрат) по их изготовлению и принадлежности использованных для этого материалов.

Учитывая, далее, что при том же толковании *доходами* считались бы не только те, что приносит юридическое использование вещи (иной материнской субстанции) как таковой (например, ее сдача внаем), но и те, которые поступают от *деятельности по фактическому ее использованию*, в которой вещь, как и в предыдущем примере, выступает *инструментом* (например,

от деятельности по выполнению с помощью вещи каких-либо работ или оказанию услуг), то следовало бы прийти к выводу, что, например, суммы оплаты проезда или транспортировки груза, полученные от использования чужого автомобиля для перевозки, или суммы вознаграждения, полученные за выполнение сантехнических работ с помощью чужого инструмента (доходы), принадлежат собственнику соответственно автомобиля или сантехнического инструмента. Что же касается труда, затраченного на их получение, а также принадлежности топлива, машинного масла, запчастей и иных расходных материалов, необходимых для указанных видов деятельности, то можно было бы лишь ставить вопрос о том, вправе ли лицо, непосредственно получившее доход от указанной деятельности, претендовать на компенсацию собственником, которому данный доход причитался бы, этих своих трудовых и материальных затрат.

Ясно, однако, что в обоих случаях все должно быть как раз наоборот: собственник вещи, выполнявшей в процессе производства продукции или получения доходов функцию инструмента, должен иметь право на истребование *неосновательного обогащения*, выразившегося в сбережении лицом, использовавшим чужую вещь, своих средств, которые он затратил бы на ее приобретение или аренду. И в основе этого истребования будет лежать *кондикционное обязательство*, а отнюдь не изначальная принадлежность соответствующих поступлений собственнику использованной вещи, установленная ст. 136 ГК РФ, причем объем обогащения, разумеется, не будет совпадать с полученной продукцией или доходами (в широком смысле). Конечно, подход должен быть иным, если использование вещи в качестве инструмента произошло вследствие виновного нарушения права другого лица на использованную вещь. В этом случае извлеченные с помощью вещи доходы могут быть взысканы с нарушителя и в полном объеме (за вычетом его расходов), но уже в порядке *гражданско-правовой ответственности*, в соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ, как «вмененная» упущенная выгода. Однако речь опять-таки будет идти об *обязательственных* отношениях – *деликтных* или вследствие *нарушения договора*, а не об изначальной принадлежности соответствующих поступлений обладателю права на использованную в качестве инструмента вещь. При этом в любой из приведенных ситуаций применению будут подлежать нормы иных институтов, специально на них рассчитанные, а не положение ст. 136 ГК РФ.

В судебной практике встречаются, однако, примеры иного решения рассматриваемого вопроса – в пользу признания плодами (продукцией) в интересующем нас смысле поступлений от использования вещи в качестве инструмента. Так, в одном специфическом деле между сторонами шел спор о праве на воду, добываемую из разведочно-эксплуатационной скважины, принадлежащей истцу и ответчику на праве общей долевой собственности. Проблема состояла в том, что ответчик, пользуясь положением сособственника скважины, тоже фактически получал из нее воду, хотя в самой добыче участие не принимал, недропользователем не являлся и не имел разрешения

(лицензии) на добычу термальных вод в месторождении, т.е., иными словами, не был легитимирован на присвоение неорганических промышленных плодов данного месторождения. Другой собственник, имевший статус недропользователя, потребовал от него платы за забранную воду. Суд апелляционной инстанции отказал в иске, признав за ответчиком соответствующую долю в праве общей собственности также на добываемую воду, указав, что «совместное владение данной вещью (скважиной) при отсутствии в Законе о недрах запрета на частную собственность в отношении добываемых полезных ископаемых предполагает, что *плоды, добытые одним из совладельцев, обладающим лицензией, становятся собственностью и других совладельцев вещи, с использованием которой осуществляется добыча*» (курсив мой. – Д.Т.). Причем конкретным основанием приобретения плодов (воды) суд счел, опираясь в том числе на ст. 248 ГК РФ, право общей долевой собственности на *вещь-инструмент* (скважину): «совладелец, не имеющий лицензии, не может в такой ситуации считаться пользователем, не имеющим на это (получение плодов в собственность. – Д.Т.) законных оснований» [18]¹. Хотя основанием для приобретения воды в общую долевую собственность в данном деле были признаны также отношения простого товарищества, фактически сложившиеся между сторонами, что оправдывает принятое по делу решение, в рассмотренной части его мотивировка видится неверной: за ответчиком следовало бы признать не долю в праве собственности на воду, а право на вычет из стоимости забранной им воды, составившей его неосновательное обогащение, стоимости использования истцом общей скважины в части принадлежащей ответчику доли в праве собственности на нее.

Очевидна, таким образом, непригодность широкого (исторического) толкования гипотезы нормы ст. 136 ГК РФ в части продукции и доходов для разрешения соответствующих практических ситуаций. Оно приводит к необоснованному расширению сферы ее действия, при котором вытекающее из нее регулирование кажется не только нелогичным, но и противоречащим иным правовым нормам и институтам. Имел ли в виду законодатель при формулировании ст. 136 ГК РФ в 1994 г.² установить именно такое противоречивое регулирование – это вопрос, который сегодня может иметь исключительно историческое значение, и ответ на него не должен предрешать толкование данной статьи.

5. Выводы

Цель нормы ст. 136 ГК РФ и ее самостоятельная функция в общей системе норм состоят в том, что она *определяет принадлежность* не любых поступлений от всякого использования имущества, а *только плодов в собственном смысле, натуральных и гражданских*, но при этом *независимо от*

¹ В передаче кассационной жалобы истца на рассмотрение СКЭС ВС РФ было отказано [19].

² Изменение статьи в 2013 г. не привнесло в этой части текстуально ничего нового.

того, явилось ли их получение следствием нарушения чужого права и должно ли получившее их лицо нести за это ответственность. И в этом смысле понятия продукции и доходов, использованные в ст. 136 ГК РФ, не совпадают с теми, которые подразумеваются в контексте названных выше институтов переработки, неосновательного обогащения и ответственности, а возможно, и других институтов, использующих эти понятия.

Итак, в целях применения ст. 136 ГК РФ все три названных в ней вида поступлений относятся к *плодам* в широком смысле этого слова (включая также гражданские плоды), т.е. должны характеризоваться происхождением или из самой плодоприносящей вещи (*ex re ipsa*) с сохранением ее существа (*натуральные плоды*, включая как самопроизвольные, так и промышленные – продукцию), или от юридического использования (*ex iure*) этой вещи либо иной материнской субстанции (*гражданские плоды* – доходы).

При этом *продукцией* (*промышленными плодами*) следует считать такие натуральные плоды (как органические, так и неорганические), которые *требуют для их получения приложения более или менее значительных человеческих усилий*, являются, следовательно, функцией не только самой вещи и природных сил, но в значительной части и деятельности человека (классический пример – плоды земледелия): к продукции в таком ее понимании не относятся *продукты переработки* (вещи, изготовленные из других вещей), поскольку они не являются ни натуральными плодами, ни плодами вообще. Выделение этого вида натуральных плодов не имеет самостоятельного юридического значения, поскольку их правовой режим ничем не отличается от того, которому подчинены натуральные плоды вообще (см.: [1. С. 276]).

Доходами же в смысле ст. 136 ГК РФ должны признаваться имущественные блага, выраженные, как правило (но не обязательно), в денежной форме, которые приносит *юридическое использование* вещи или иного объекта (в том числе субъективного права) как таковых и которые составляют *встречное удовлетворение* за такое использование (*гражданские плоды*). Это наиболее узкое понятие доходов следует отличать от иных, более широких значений термина, о которых говорилось выше (см. подп. 2.1).

Список источников

1. Объекты гражданских прав: научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. Г.А. Гаджиева. М., 2025. 678 с. (автор комментария к ст. 136 – Д.О. Тузов).
2. Pugliese G. Usufrutto, uso, abitazione // Trattato di diritto civile italiano / dir. F. Vassalli. IV.5. Torino, 1954.
3. Barcellona P. Frutti (Diritto civile) // Enciclopedia del Diritto. XVIII. Milano : Giuffrè, 1969.
4. Климович А. Приобретение права собственности на плоды, продукцию и доходы по российскому гражданскому праву // Adam Mickiewicz University Law Review. «Right to Property – is It really Inviolable?» / ed. by L. Moskwa. Poznań, 2014.
5. Petrażycki L. Die Lehre vom Einkommen. Bd. I. Berlin, 1893.
6. Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точки зрения догмы и политики гражданского права. 2-е изд., доп. и испр. СПб., 1902.

7. Гейне А. О приобретении плодов добросовестным владельцем по т. X ч. I // Вестник права. 1900 (XXX). № 8 (октябрь).
8. Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrechts. Bd. I. 6. Aufl. Frankfurt a.M. : Rütten & Loening, 1887.
9. Гражданское право : в 2 т. Т. I : учебник / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004 (автор – Е.А. Суханов).
10. Белов В.А. Гражданское право. Т. II: Общая часть. Лица, блага, факты. М. : Юрайт, 2013.
11. Корнилова Н.В. Приобретение права собственности на плоды, продукцию и доходы, на общедоступные для сбора вещи // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186).
12. Евсеев Е.Ф. Правовой режим поступлений // Закон. 2009. № 5.
13. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный). 3-е изд. / отв. ред. О.Н. Садилов. М., 2005 (автор – Т.Л. Левшина).
14. Моргунов С.В. Виндикация в гражданском праве. Теория. Проблемы. Практика. М., 2006.
15. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части первой) / под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского. М., 2005. С. 384 (автор – С.П. Гришаев).
16. Постановление Президиума ВАС РФ от 20 мая 2014 г. № 18330/13.
17. Апелляционное определение СКГД Алтайского краевого суда от 1 октября 2014 г. по делу № 33-7474/2014.
18. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 7 декабря 2016 г. № Ф03-5699/16 по делу № А24-4841/2015.
19. Определение ВС РФ от 22 мая 2017 г. № 303-ЭС17-2580.

References

1. Gadzhiev, G.A. (ed.) (2025) *Ob"ekty grazhdanskikh prav: nauchno-prakticheskiy kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Objects of Civil Rights: A Scientific and Practical Commentary on the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: [s.n.]. (Commentary on Article 136 by D.O. Tuzov).
2. Pugliese, G. (1954) *Usufrutto, uso, abitazione* [Usufruct, Use, Habitation]. In: Vassalli, F. (dir.) *Trattato di diritto civile italiano*. Vol. IV.5. Torino: [s.n.].
3. Barcellona, P. (1969) *Frutti* (Diritto civile) [Fruits (Civil Law)]. In: *Enciclopedia del Diritto*. Vol. XVIII. Milano: Giuffrè.
4. Klimovich, A. (2014) *Priobretenie prava sobstvennosti na plody, produktsiyu i dokhody po rossiyskomu grazhdanskomu pravu* [Acquisition of Ownership Rights to Fruits, Products, and Income under Russian Civil Law]. In: Moskwa, L. (ed.) *Right to Property – is It really Inviolable?* Adam Mickiewicz University Law Review. Poznań: [s.n.].
5. Petrażycki, L. (1893) *Die Lehre vom Einkommen*. Bd. I. Berlin: [s.n.].
6. Petrażycki, L.I. (1902) *Prava dobrosovestnogo vladel'tsa na dokhody s tochki zreniya dogmy i politiki grazhdanskogo prava* [Rights of a Bona Fide Possessor to Income from the Point of View of Civil Law Doctrine and Policy]. 2nd ed. St. Petersburg: [s.n.].
7. Geyne, A. (1900) *O priobretenii plodov dobrosovestnym vladel'tsem po t. X ch. I* [On the Acquisition of Fruits by a Bona Fide Possessor under Volume X, Part I]. *Vestnik prava*. XXX. 8 (October).
8. Windscheid, B. (1887) *Lehrbuch des Pandektenrechts*. Bd. I. 6th ed. Frankfurt a.M.: Rütten & Loening.
9. Sukhanov, E.A. (2004) *Grazhdanskoe pravo: v 2 t.* [Civil Law: In 2 Vols]. Vol. I. 2nd ed. Moscow: Volters Kluver.
10. Belov, V.A. (2013) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. II. Moscow: Yurayt.
11. Kornilova, N.V. (2020) *Priobretenie prava sobstvennosti na plody, produktsiyu i dokhody, na obshchedostupnye dlya sbora veshchi* [Acquisition of Ownership Rights to Fruits,

Products, and Income, and to Things Available for Public Gathering]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 6(186). pp. 6–8.

12. Evseev, E.F. (2009) *Pravovoy rezhim postupleniy* [Legal Regime of Receipts]. *Zakon*. 5.

13. Sadikov, O.N. (ed.) (2005) *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii chasti pervoy (postateynnyy)* [Commentary on Part One of the Civil Code of the Russian Federation (Article-by-Article)]. 3rd ed. Moscow: [s.n.]. (Author of commentary: T.L. Levshina).

14. Morgunov, S.V. (2006) *Vindikatsiya v grazhdanskom prave. Teoriya. Problemy. Praktika* [Vindication in Civil Law. Theory. Problems. Practice]. Moscow: [s.n.].

15. Grishaev, S.P. & Erdeylevskiy, A.M. (eds) (2005) *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (chasti pervoy)* [Commentary on Part One of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: [s.n.].

16. The Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. (2014) *Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 20 maya 2014 g. № 18330/13* [Ruling of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 18330/13 of 20 May 2014].

17. The Russian Federation. (2014) *Apellyatsionnoe opredelenie SKGD Altayskogo kraevogo suda ot 1 oktyabrya 2014 g. po delu № 33-7474/2014* [Appellate Ruling of the Civil Cases Judicial Collegium of the Altai Regional Court of 1 October 2014 in case No. 33-7474/2014].

18. The Russian Federation. (2014) *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 7 dekabrya 2016 g. № F03-5699/16 po delu № A24-4841/2015* [Ruling of the Arbitration Court of the Far Eastern District No. F03-5699/16 of 7 December 2016 in case No. A24-4841/2015].

19. The Russian Federation. (2017) *Opredelenie VS RF ot 22 maya 2017 g. № 303-ES17-2580* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 303-ES17-2580 of 22 May 2017].

Информация об авторе:

Тузов Д.О. – доктор юридических наук, доктор (*dottore di ricerca*) римского и гражданского права, профессор кафедры гражданского права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), профессор кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры вещного права Российской школы частного права при Президенте РФ (Москва, Россия). E-mail: dtuzov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.O. Tuzov, National Research University Higher School of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Russian Presidential School of Private Law (Moscow, Russian Federation). E-mail: dtuzov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.09.2025;
одобрена после рецензирования 07.11.2025; принята к публикации 09.12.2025.

The article was submitted 14.09.2025;
approved after reviewing 07.11.2025; accepted for publication 09.12.2025.

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Право» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2011 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45814 от 08.07.2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2225–3513).

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, на соискание ученой степени кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. «Вестник ТГУ. Право» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединенном каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), Юридический институт.

Телефоны: 8 (382-2) 52-98-68, 8 (382-2) 78-35-81.

Факс: 8 (382-2) 52-98-68.

Ответственный секретарь редакции журнала – Н.Г. Геймбух.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ПРАВО**

Tomsk State University Journal of Law

2025. № 58

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.Н. Горенинцева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 09.12.2025 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 9,7. Усл. печ. л. 12,6. Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 6609.

Дата выхода в свет 28.01.2026 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru